

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**МИР ЯЗЫКОВ:
РАКУРС И ПЕРСПЕКТИВА**

25 марта 2016 г.

Нижний Новгород

www.scipro.ru

УДК 8
ББК 80/83

М 63

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Мир языков: ракурс и перспектива: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 марта 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 144 с.

ISBN: 978-5-00-005634-5

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Мир языков: ракурс и перспектива» (25 марта 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайтах <http://www.scipro.ru>.

УДК 8
ББК 80/83

ISBN: 978-5-00-005634-5

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016

Коллектив авторов, 2016

Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	4
Мартынова М.А. О некоторых особенностях обучения взрослых	4
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	9
Данилова О.Л. Русская тема в рассказе Г. Газданова «Черные лебеди»	9
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ	18
Ветошкина Г.А. Ярмиш М.А. Семейный портрет на фоне «Универсалов»: художественные особенности решения проблемы семьи в романе Д. Делилло «Белый шум»	18
Саракаева Э.А., Лебедева И.В., Бичарова М.В. Образ Кримгильды в германском героическом эпосе «Песнь о нибелунгах».....	26
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	48
Лебедева И.В., Фролова Ю.С. О роли неологизмов в современных языках.....	48
РУССКИЙ ЯЗЫК	55
Кузьмина А.В., Муратова И.В. МИФ как единица «наивного литературоведения» в лексиконе современного школьника.....	55
Плесканюк Т.Н. Текстовая категория связности и языковые средства ее выражения	62
Твердохлеб О.Г. Глаголы вертикального субъектно-объектного перемещения: субъектная валентность изосемических конструкций	81
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ	88
Варламова Е.В. Об особенностях речи русских мигрантов.....	88
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	95
Рагимханова Т.И. Воздействующий эффект имплицитного	95
контраста в имиджевой рекламе.....	95
Тюльников А.А. Становление языковой картины мира	98
в процессе формирования поликультурной личности учащегося	98
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	105
Денисова И.В., Телешева И.В. Сопоставительный анализ гендерного аспекта языка	105
(на материале английского и русского языков)	105
Лебедева Е.А. Специфика медиаперевода метатекстовых вводных элементов	114
Султанбаева Ж.У. Ағылшын тіліндегі фразеологиялық етістіктерге әр түрлі предлогтардың жалғанып өзгеріске ұшырауы.....	121
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА	128
Mamukina G.I. Arbeitsanleitung zur text-interpretation	128
Севастьянова Е.Э. Особенности судебно-автороведческой экспертизы.....	134

УДК 811

Мартынова М.А. О некоторых особенностях обучения взрослых

About some peculiarities of teaching adults

Мартынова Марина Александровна

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
m.martynova@oxford-russia.ru

Martynova Marina Alexandrovna

Nizhny Novgorod linguistic university named after N.A. Dobrolubov

Аннотация. В данной статье автор рассматривает некоторые особенности, с которыми может столкнуться педагог при обучении взрослых и при составлении учебного курса. Рассматривает отличия, присущие взрослым в процессе обучения и дает практические советы по увеличению эффективности занятий, принимая во внимания выделенные отличия.

Abstract. The article under analysis tackles the peculiarities which a teacher can face conducting classes for adults or writing a course. The peculiarities are numerated and some practical pieces of advices are given on their basis.

Ключевые слова / Keywords: взрослый обучаемый, андрагогика, мотивация, оценка, adult learner, andragogics, motivation, assessment.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что владение английским языком становится все более востребованным в современном мире, если не сказать обязательным. Причин для этого множество: установление новых и поддержание старых международных связей, торговля с иностранными партнерами, сотрудничество с другими государствами по вопросам культуры, спорта и, конечно же, популярность туризма. Вот почему учениками все чаще оказываются взрослые люди, для которых владение английским становится необходимым по долгу службы. Однако именно взрослым людям на своем пути к овладению иностранным языком приходится преодолевать трудности, не сравнимые с теми, которые преодолевает молодое поколение. Ученые-андрагоги, детально изучающие этот вопрос, считают эти трудности вполне обоснованными, связанными в первую очередь с психическими процессами, протекающими в сознании уже зрелого человека.

Андрагогическая модель обучения, согласно С.И. Змееву, [3] – это

организация видов деятельности обучающегося и обучающего, при которой:

- обучающийся в силу объективных причин (сформированность личности, большой жизненный опыт, и т.д.) играет ведущую роль в организации процесса обучения, определяя совместно с обучающим все его параметры: цели, содержание, формы и методы, средства и источники обучения;

- обучающий выступает в роли консультанта, эксперта по технологии обучения, оказывая обучающемуся помощь в организации процесса обучения. В рамках андрагогики было пересмотрено утверждение, согласно которому конечной точкой развития личности является достижение зрелости. Психологи доказали несостоятельность этой идеи, и уже сейчас в основе образования взрослых лежит задача развития личности на всех этапах ее жизнедеятельности.

Специфика взрослого человека в контексте обучения его английскому языку начинается уже с мотивации, которой обучаемый обладает, приходя на курсы. Как правило, это люди, нацеленные непосредственно на практический результат. У каждого свои причины, которые привели его к изучению английского языка: профессиональная необходимость, предстоящая поездка или же просто интерес и желание развиваться. Взрослый человек, прежде всего, хочет почувствовать результат. И, что немаловажно, в силу своей занятости обучаемый нацелен получить этот результат как можно скорее. Именно сильная мотивация обучаемого обуславливает его требовательность к качеству результатов. Кроме того, взрослый человек осознает себя самостоятельной и самоуправляемой личностью и имеет солидный жизненный и учебный опыт, что, конечно же, не может не сказаться на процессе обучения. Это выражается в четко сформулированных целях обучения, а также в условиях обучения, которые ограничены временными, бытовыми и прочими факторами и которые нередко усложняют процесс обучения.

Стоит заметить, что особенности обучения взрослых не исчерпываются одной лишь мотивацией. Психологи называют восемь особенностей, которые стоит иметь в виду при обучении взрослых иностранному языку. [2]

1. Мотивация. Как показывает практика, взрослые достаточно негативно

относятся ко всему, что им навязывают. Обучение принесет плоды лишь тогда, когда обучаемый осознает, для чего он выполняет тот или иной вид работы. Преподаватель не может навязать интерес к предмету, но вот стимулировать желание учиться – вполне. И именно в этом и заключается основная задача – объяснить, зачем и почему, если студенту не достаточно собственной мотивации, с которой он пришел на занятия.

2. Необходимость. Как уже было упомянуто, взрослый обучаемый часто нацелен на быстрый практический результат. Тут очень важно объяснить взрослому, как он сможет применить полученные знания в реальной жизни, и продемонстрировать, каких практических успехов он добился на этом уроке. Имеет смысл и обсуждения разговорной темы, которую вы собираетесь осваивать на уроке, чтобы обучаемый чувствовал, что принимает участие в процессе и сам выбирал то, что ему пригодится.

3. Направленность на практику. Теоретические знания, как показывает опыт, быстро забываются. Возможность многократно использовать их на практике значительно повышает шанс не растерять приобретенный навык. Особенно учитывая тот факт, что взрослые обучаемые стремятся непосредственно к практическим результатам.

4. Ориентация на проблему. Обучение взрослых должно быть проблемно-ориентированным. Именно такой подход обеспечивает эффективность обучения.

5. Опыт. У взрослого обучаемого несравненно богаче, по сравнению с ребенком, личный и учебный опыт. В рамках образовательного процесса нельзя игнорировать эту особенность, поэтому очень часто процесс строится вокруг опыта обучаемого, позволяя ему на уроках рассказывать о том, что интересно именно ему и в чем он разбирается. Эффективность таких занятий сложно переоценить. Имеет место не только практика языка, но и обмен опытом между обучаемыми, что само по себе крайне полезно. Вильмен Ж.Л. в своей статье отмечал, что «процесс обучения взрослых не будет плодотворным, если он ограничен лекцией, которую читает преподаватель. Взрослым людям

предпочтительнее вести диалог с преподавателем и другими участниками, чтобы связать новую информацию с их личным опытом». [1]

6. Неформальная обстановка. Она просто необходимо, ведь от формальной школьной обстановки у взрослых очень часто остаются неприятные воспоминания и ощущение навязывания. Задача преподавателя – создать атмосферу комфортного обучения, «увести» от ощущения, что они находятся в школе. Эффект от подобных занятий, как ни удивительно, значительно выше, чем от строжайшего соблюдения дисциплины и формализма.

7. Разнообразные методы обучения. Здесь имеются в виду как поддержание мотивации, так и чисто практические цели. Мотивация остается лишь в том случае, когда на уроках интересно, а этого невозможно достичь, используя лишь один вид работы. Необходимо менять виды деятельности, включать интересные фильмы, слушать музыку, играть, обсуждать новости. Плюсом такого чередования для обучаемых будет еще и возможность воспринимать иностранную речь из различных источников и от различных персонажей, что будет лишней тренировкой фонологического слуха.

8. Отсутствие отметок. Большинство методистов разграничивают понятия «оценка» и «отметка», относя к первой любой комментарий по поводу прогресса студента, а ко второй – классическую школьную систему оценивания знания. Впрочем, при обучении взрослых оба способа оценивания прогресса надо применять с большой осторожностью. Если поставить обучаемых перед необходимостью писать проверочные работы или делать работы «на оценку», они могут отказаться от дальнейшего обучения, не желая показаться глупыми своим одноклассникам или преподавателю. Вот почему важно не оценивать взрослых обучаемых, а поддерживать, показывая, в каком направлении им следует двигаться и развиваться дальше.

Из всего вышеизложенного понятно, что коммуникативный метод обучения взрослых учащихся должен быть поставлен во главу угла. Нелишним будет и следование определенным правилам при проведении урока у взрослых.

Прежде всего, стоит иметь в виду, что преподаватель высказывает свое мнение по проблеме последним. Его задача – не блеснуть безупречным английским, а научить говорить на языке своих учеников, и тут лучшая помощь – отойти в сторону и дать высказаться своим подопечным. И только по окончании дискуссии, если того требует ситуация, говорить самому. Основное умение преподавателя в данной ситуации – умение слушать, а главное – слышать, в том числе и «между строк», чтобы при необходимости помочь студенту наводящим вопросом, подтолкнуть его к высказыванию своего мнения.

Не менее важным является и отбор содержания обучения. [4] Принимая во внимание наличие конкретных практических целей, курс должен быть максимально информативным и практико-ориентированным. В идеале, материал должен отвечать интересам или профессиональной деятельности взрослых обучаемых. Он должен способствовать их личностному развитию, включать в себя какую-то интересную и неожиданную информацию. Только при таком условии представляется возможным поддержание мотивации на должном уровне и, как результат, эффективное усвоение результата.

Таким образом, обучение взрослых имеет свои специфические черты, которые не могут игнорироваться преподавателем при проведении или составлении курса. Взрослые студенты отличаются высоким уровнем мотивации, которую, тем не менее, надо поддерживать. Упор должен быть сделан на решение конкретных практических задач в рамках коммуникации и обязательно с учетом накопленного взрослыми обучаемыми опыта. Занятия лучше проводить в неформальной обстановке и избегать выставления отметок, ограничившись лишь направлением обучаемого на правильный путь. Важно помнить, что в ситуации обучения взрослых преподаватель – не начальник, а прежде всего друг и помощник, и от него зависит, насколько комфортно будет изучение иностранного языка для взрослой аудитории.

Библиографический список

1. Вильмен Ж.Л. Навыки и умения в психологии и методике обучения языкам. // Иностранные языки в школе. 1999. №1.

2. Ефимова Р. М. Некоторые особенности обучения взрослых иностранному языку. – Пятигорск: ПГЛУ, 2008.
3. Змеёв С.И. Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых. - М.: ПЕР СЭ, 2007. - 272с.
4. Калинина А.Г. Индивидуально-ориентированная модель организации дополнительного образования взрослых по иностранным языкам (на материале английского языка): дис. ...канд.пед.наук: 13.00.02: – Н. Новгород, 2006.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82.09

Данилова О.Л. Русская тема в рассказе Г. Газданова «Черные лебеди»

Russian theme in stories G. Gazdanov "Black swan"

Данилова Оксана Леонидовна

Казанский национальный исследовательский университет
им. А.Н. Туполева-КАИ, г.Лениногорск
danilovao@mail.ru

Danilova Oxana Leonidovna

Kazan National Research Technical University
named after A.N.Tupolev – KAI, Leninogorsk

Аннотация. Целью данной статьи явилось исследование русской темы в отдельном произведении Г. Газданова. В результате литературоведческого анализа и использования сопоставительно-биографического метода были выявлены основные текстологические элементы, посредством которых раскрывается русская тема.

Abstract. The purpose of this article was to study Russian themes in a separate work by G. Gazdanov. As a result of the literary analysis and use of a comparative and biographic method the main textual elements have been identified, which reveals the Russian theme.

Ключевые слова / Keyword: тема, образ, эмиграция, пейзаж, theme, image, immigration, landscape

В 20-е Франция, как и другие европейские страны, стала второй Родиной для русских эмигрантов. «По официальным справочникам, к 1926 г. население «русского Парижа» составляло около 72 тысяч человек. А к началу 1930-х годов, по данным Нансеновской комиссии, во Франции было около 400 тысяч

русских» [5, 12]. Среди эмигрантов многочисленна была группа творческой интеллигенции. Старшее поколение эмигрантов-писателей (Бунин, Куприн, Мережковский и др.) имело больше возможностей найти своего читателя, свою творческую нишу. Тем, кто начинал писать уже в эмиграции, сложно было конкурировать с ними еще и потому, что о Родине у молодых писателей остались смутные воспоминания, а Париж, французская жизнь не стали еще для них родными. Судьбы молодых писателей-эмигрантов складывались драматично, неслучайно их позже стали называть «незамеченным поколением».

Местом действия рассказа «Черные лебеди» является Париж. В рассказе упоминаются Большое озеро в Булонском лесу, бульвар Араго, садик возле церкви Сен-Жермен де Пре, кафе на площади Одэон – все эти объекты находятся на левом берегу Сены и примыкают к Монпарнасу, где и живет в «дрянной гостинице» главный герой рассказа Павлов. Монпарнис – особое место для творческой эмигрантской интеллигенции. Здесь можно было снять дешевое жилье, в многочисленных кафе на Монпарнасе и в близлежащих районах можно было встретить людей творческих профессий со всего мира. «Встречались в этой среде люди симпатичные, очень талантливые, но какой-то внешне едва различимый барьер всегда оставался между художниками, актерами, поэтами, прибывшими откуда-нибудь из Скандинавии или из американского захолустья, и русскими изгнанниками, которые наводнили великий город после 1917 года... Но одно дело — журналист из Чикаго, оставивший свою газету, чтобы кончить гениальный роман, которого никто не прочтет, или музыкант с Карибских островов, обживший чердак в Латинском квартале, и совсем другое — эмигранты из России. Первые жили впроголодь, но привольно... Это был их свободный выбор: все что угодно, только бы вырваться из провинции, где о настоящем творчестве нечего и думать. А вторые прошли путями бегства, которое стало спасением в самом прямом смысле слова. Те могли остаться, но могли и уехать, этим возвращение разве что грезилось в каком-то бесконечно далеком будущем» [2]. В атмосфере творчества, когда кажется, что для талантливых людей возможно все, Павлов

одним из доводов в пользу самоубийства вдвигает отсутствие у него таланта, так как наличие таланта дает возможность уйти от животной жизни «работать и есть».

Автор неоднократно «выводит» героев на улочки Монпарнаса, здесь все время звучит русская речь, здесь протекает нищая жизнь героев. Но все же это среда, которая воспринималась как привычная, своя, это как будто имитация русской жизни. Все уличные сцены окрашены в мрачные тона: «было темно и довольно поздно и холодно, во всех домах были наглухо закрыты ставни, деревья без листьев еще особенно, как мне казалось» [1, 439]. Это создает впечатление «наглухо» закрытого от героев Парижа, подчеркивая одиночество рассказчика и Павлова в многотысячном городе. Для них Париж – это город, где можно выжить, «работая с утра до вечера».

В эпизоде после предпоследней встречи героев, рассказчик, выйдя от Павлова, наблюдает «обычную жизнь», замечает «нечто невообразимое во всем»: «в кинематографической витрине на углу, в остановленном автомобиле со свернутыми колесами..., в торговке зеленью, катившей свою ручную тележку» [1, 444]. Эта мирная картина кажется рассказчику призрачной и потому что раннее утро, и потому что состоялся удивительный разговор с Павловым, возможно, самый важный разговор в жизни рассказчика. Этот парижский пейзаж лишь подчеркивает необычность и трагизм происходящего, и чтобы подчеркнуть это, автор использует сравнение «как пыль, вдалеке подымавшаяся на дороге».

Второстепенные персонажи, которые встречаются на страницах рассказа, как будто соединяют это, неустроенное парижское существование, и ту, русскую, навсегда потерянную жизнь. Здесь есть две группы персонажей: первую группу представляют общие знакомые рассказчика и Павлова, с которыми герои встречаются или упоминают их в разговорах; вторая группа героев – случайно встреченные на улице люди. Все они русские, за исключением соседки Павлова «лет тридцати двух, не так давно овдовевшей».

Общие знакомые рассказчика и Павлова – люди одной судьбы, все они

русские эмигранты. Среди них Лева – «веселый, беспечный и в общем неплохой человек», Васильев – «угрюмый и болезненно добросовестный человек, неряшливо одетый, очень усердный и скучный»; Сережа – «лентяй, мечтатель и дилетант, но очень способный» [1, 438]. Эти герои пытаются устроить свою жизнь в Париже, упоминается о том, что они учатся, работают. Есть и герои, которые несимпатичны рассказчику и Павлову своим поведением, отношением к жизни. Таков Свистунов – человек, преуспевший в жизни; он всегда хорошо одет, имеет всегда много денег, что неплохо само по себе. Но Свистунов не упускает возможности похвастаться: «Я не понимаю, господа, вы не умеете жить. Я ни у кого не прошу займы, живу лучше вас всех и некогда не испытываю унижений. Я себе представляю, что должен чувствовать человек, просящий денег в долг» [1, 441]. Этими словами он оскорбляет своих товарищей.

Безденежье и неустроенность вызывает отчаяние, люди готовы унижаться, они теряют лицо. Таков безымянный персонаж, взявший в долг у Павлова и не отдавший деньги вовремя (таких должников у Павлова было много). Другой персонаж «русский хромой», из группы случайно встреченных на улочках Парижа, окончательно потерял чувство собственного достоинства. Выглядывая в прохожих соотечественников, он кланчит деньги, придумывая себе каждый раз новую биографию. В ней всегда фигурируют названия российских университетов, служба в белой армии, вынужденная эмиграция – все то, что объединяет русских эмигрантов, вызывает воспоминания. Деньги «русскому хромому» почти всегда дают, потому что он, по определению Павлова, «несчастный человек». Помнит ли он свое реальное прошлое?!

Герои в рассказе «Черные лебеди» не ведут разговоров о прошлом, не обсуждают события, происходящие в настоящее время в России, но русская тема проявляется благодаря многочисленным упоминаниям российских реалий: Московский, Харьковский и Казанский университеты, Владимирская губерния, Достоевский, добровольческая армия, черноморский флот. Слова «русский», «Россия» используются в рассказе 8 раз, слова «Париж»,

«французский» встречаются 6 раз. Так постепенно возникает противопоставление образа существования за границей и в России как «здесь» и «там».

Главными героями рассказа «Черный лебедь» являются Павлов и рассказчик. О прошлом Павлова мы узнаем из высказываний самого героя. Он рассказывает про «долгие годы воровства», о том, что он служил в Белой армии и «очень боялся за свою жизнь». Он упоминает о том, что он не нужен родственникам : «Моя мать успела меня забыть... сестры мои замужем и со мной не переписываются. Брат мой... оболтус двадцати пяти лет, обойдется без меня» [1, 443].

Жизнь Павлова в Париже характеризует рассказчик. Герой живет в Париже четыре года «в дрянной гостинице Монпарнаса», которую обустроил, как смог «покрасил сам ее стены, прибил полки, поставил книги, купил себе керосинку». Павлов закончил философское отделение историко-филологического факультета Сорбонны, работая при этом по одиннадцать-двенадцать часов на фабрике. Эти факты носят автобиографический характер, так как известно, что Газданов совмещал тяжелую физическую работу и учебу. Автор как будто мельком упоминает о сложностях жизни, бытовой неустроенности, так как ему важнее образ мысли, душевное состояние героев.

Павлов – это герой-одиночка, он не нуждается в обществе ни в мужском, ни в женском, несколько раз в тексте мы встречаем суждение рассказчика о герое «вне системы». «Павлов неизменно оказывался вне всей системы рассуждений и предположений; он был в стороне, он ни на кого не походил», «он не был ни рабочим, ни студентом, ни военным, ни крестьянином, ни дворянином – и он провел свою жизнь вне каких бы то ни было сословных ограничений: все люди всех классов были ему чужды» [1, 442]. Рассказчик уверен, что Павлов «был самым удивительным человеком во многих отношениях»: «его тело не знало утомления, после одиннадцати часов работы он шел гулять», «он мог питаться одним хлебом целые месяцы», «работать он умел, как никто другой», «он мог жить несколько суток без сна». И это

описание можно считать автобиографическим. «Обладая отличным здоровьем, выносливостью, невероятной стойкостью духа, Газданов с достоинством переносил все тяготы эмигрантской жизни»[4, 332] - так вспоминали писателя его современники. Еще большее восхищение рассказчика вызывает то, что Павлов «никогда не лгал и не хвастался», «не менял своих решений», говорил правду в глаза, не льстил. Несмотря на то, что Павлов умел экономить деньги, он, не жалея, давал в долг и раздавал их. И это происходило не от сочувствия, жалость ему была несвойственна. Это показывает эпизод с русским хромым мошенником: несмотря на то, что Павлов изобличает его ложь, он отдает деньги. Рассказчик объясняет это тем, что у Павлова «не было душевной жалости, была жалость логическая; мне кажется, это объяснялось тем, что сам он никогда не нуждался в чем бы то ни было сочувствии» [1, 439].

Мысли, высказанные Павловым, всегда оригинальны, они раздражают окружающих, увлекают рассказчика:

- «бессмысленно продолжать жить, чтобы работать и есть»;
- «Достоевский был мерзавцем, истерическим субъектом, считавшим себя гениальным, мелочным, лгуном и картежником на чужой счет»;
- «в каждом человеке есть одно какое-нибудь качество, самое существенное для него, а остальные – так, добавочное»;
- «в душе почти каждый человек вор»;
- «приятно все-таки, что на свете много дураков»;
- совершить самоубийство – все равно что уехать в Австралию.

И за эти мысли, и за превосходство над другими «его не любили товарищи; и только уж очень простодушные люди были с ним хороши: они его не понимали и считали немного чудаковатым, но, впрочем, отличным человеком» [1, 439].

Рассказчик, осознавая всю необыкновенность и странность натуры Павлова, испытывает к нему искреннюю симпатию. Для рассказчика Павлов – единственный человек, при котором не хотелось высказать какое-нибудь мнение, не похожее на другие. У него была необходимость слушать Павлова,

зная, что «он никого не любил и меня так же, как остальных». Именно рассказчику Павлов доверяет две своих сокровенные тайны – план о самоубийстве и мечту о черных лебедях. Именно через две эти тайны образ Павлова открывается с новой стороны. О смерти Павлов сообщает лаконично: «Двадцать пятого августа я застрелюсь»; о причинах самоубийства рассуждает сухо отстраненно, как будто речь идет о другом человеке, доводы его просты: «Я работаю на фабрике и живу довольно плохо, ... никому решительно моя жизнь не нужна. В бога я не верю; ни одной женщины не люблю. Жить мне скучно: работать и есть?... Карьеры я никакой не седлаю – да и карьера меня не соблазнила бы... Если бы я еще заблуждался и считал, что у меня есть какой-нибудь талант. Но я знаю, что талантов у меня нет. Вот и все» [1, 443]. Несмотря на спокойный, высокомерный вид, с которым Павлов произносит эти «простые вещи», за этими словами чувствуются долгие размышления героя и холодное отчаяние. Для рассказчика же эти слова кажутся чудовищными, его удивляет отсутствие любви к жизни у этого физически и душевно сильного человека. И хотя рассказчик пытается переубедить Павлова, он понимает, что все попытки бесполезны, так как «Павлов никогда не меняет своих решений».

Последним в этом споре о смысле жизни возникает довод о самом любимом и дорогом в жизни, и тогда рассказчик узнает о мечте Павлова. Павлов мечтал оказаться в Австралии и наблюдать за черными лебедями, он знал множество подробностей об их жизни, так как провел много времени за переводом и прочтением различных книг. Он говорил о своей мечте взволнованно и увлеченно, что было несвойственно Павлову. И рассказчик понял, что «Австралия была единственной иллюзией этого человека. Она соединила в себе все желания, которые когда-либо у него появлялись, все его мечты и надежды» [1, 444].

Рассказ Павлова о далекой Австралии и черных лебедях следует сразу после воспоминаний о России, когда герой повествует об «удивительной охоте с револьвером на барсука, в России, во Владимирской губернии, - речка, лодка, в которой он катался», добровольческая армия, черноморский флот, а также

некоторые другие детали. Это наводит на мысль, что мечта об Австралии возникает в сознании Павлова как замещение: когда неосуществимость одного замысла (возвращение в Россию) приводит к возникновению другого, еще более дерзкого и невозможного. И тогда видение черных лебедей над внутренними озерами Австралии становится символом мечты в чистом виде. Неслучайно, Павлов выбирает местом самоубийства берег большого озера в Булонском лесу. Расставание с Россией через призму этой мечты и смерти главного героя воспринимается настоящей трагедией. Эту мысль подтверждает и скрытое противопоставления образа существования за границей и в России как «здесь» и «там». «Милый Федя, жизнь *здесь* тяжела и неинтересна», - пишет Павлов в своей предсмертной записке. Слово «здесь» и словосочетание «черные лебеди» является в тексте ключевыми знаками, понимание которых связано с образом потерянной Родины.

Центральным образам данного рассказа Павлову и рассказчику, безусловно, присущи русские национальные черты. Рассказчику свойственно особое восприятие мира: искренний интерес к окружающему, жалостливость, восхищение душевной силой человека, способность удивляться. Он не понимает многого в личности Павлова, но принимает все. Характеру главного героя рассказа «Черные лебеди» Павлова чужды легкость и непринужденность в чем бы то ни было. В нем заключены интеллектуальный потенциал, стремление к самопознанию, сочетание физической выносливости и мечтательности, отчаяния и хладнокровия. Павлов и рассказчик не друзья, их в какой-то момент свела судьба. Общение их напоминает общение младшего и старшего, когда один невольно соглашается с другим. Это не может не вызывать ассоциаций с «лишними людьми», созданными литературой XIX века. Например, темы и направленность разговоров героев, оценки событий создают аллюзию диалогов Печорина и Вернера, Базарова и Кирсанова, Онегина и Ленского.

Так уже в раннем произведении Г. Газданова, покинувшего Россию в 17 лет и писавшему всю свою жизнь во Франции, появились и сохранились на

протяжении всего творчества герои «русские душою» и образ навсегда потерянной Родины.

Рассказ «Черные лебеди» отразил атмосферу того время, когда у русских эмигрантов еще свежа была память о России, но мысль о возвращении на родину из области ближайших планов переходила уже в разряд несбыточных мечтаний. И потому герои рассказа не строят планов о возвращении на Родину, где-то в глубине души они чувствуют Россию окончательно потерянной.

Русская тема в рассказе раскрывается многомерно, с использованием различных средств. Во-первых, прошлое героев в России не изображается, а мелькает, как кадры кинофильма, в биографических упоминаниях, репликах. Никто не хочет ворошить это прошлое, но и не упоминать его не хватает сил. Во-вторых, Париж изображен не праздничным, оживленным, с множеством кафе, афиш, а ночным, холодным, «наглухо закрытым» городом. Это русский Париж Газданова. На его улицах звучит русская речь, встречаются неприкаянные люди, говорят о разных вещах, пытаются раздобыть денег. В-третьих, в рассказе главные герои «русские душою», оторванные от родной земли, за годы, прожитые в Париже, не переменились: они по-прежнему рассуждают о смысле жизни, мечтают о несбыточном. Рассказчик и Павлов – герои, неразрывно связанные с русской классической литературой XIX века, как и автор их создавший.

Библиографический список:

1. Газданов Г. И. Вечер у Клэр. Романы и рассказы / Г.Газданов. – М.: Современник, 1990.
2. Зверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа 1920-1940-х годов. Режим доступа: <http://www.livelib.ru/book/> Дата обращения: 07.11.13
3. Иваск Ю. Проза Георгия Газданова // Газданов Гайто. Собр. соч.: В 5 т. — Т.5. Письма. Полемика. Современники о Газданове. М.: Эллис Лак, 2009. - С. 405-409.

4. Русские писатели, XX век. Библиогр. слов. В 2-х ч. Ч.1. Под ред. Н.Н. Скатова. – М.: Просвещение. – 784 с.
5. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов.- М.: МГУ, 1991. – 184 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

**Ветошкина Г.А. Ярмиш М.А. Семейный портрет на фоне «Универсалов»:
художественные особенности решения проблемы семьи
в романе Д. Делилло «Белый шум»**

**Family portrait on the background of the "Universals":
artistic features of the solution family in D. Delillo` novel "White noise"**

Ветошкина Галина Александровна

galkavetoshka@yandex.ru

Ярмиш Мария Анатольевна

mariya.yarmish.94@mail.ru

КубГУ, кафедра зарубежной литературы и сравнительного культуроведения

Vetoshkina Galina Aleksandrovna

Yarmush Maria Anatolyevna

Kuban state University, Department of foreign literature and comparative culture

Аннотация. Работа посвящена исследованию особенностей романного пространства современного американского писателя Дона Делилло. В статье освещаются особенности проблематики романа «Белый шум», в частности специфика авторского взгляда на проблему семьи, нравственности, гуманизма. Решение поставленной задачи помогает лучше разобраться в особенностях менталитета современного американца, выявить доминанты авторского понимания данной проблемы, а также особенности её художественного решения.

Abstract. Work is devoted research of features novel space contemporary American writer don Delillo. The article highlights the particular perspective of the novel "White noise", in particular the specificity of the author's view on the problem of family, morality, humanism. The solution of this problem helps to better understand the peculiarities of the mentality of modern Americans, to reveal the author's dominant understanding of the problem and peculiarities of its artistic decisions.

Ключевые слова / Keywords: проблема, художественные особенности, проблематика, менталитет, герой, авторское сознание, повествование, контекст, роман, контраст, ирония, герой-повествователь, экзистенциализм, смерть, абсурд, гротеск, problem, artistic features, perspective, mentality, character, author's consciousness, narrative, context, Roman, contrast, irony, hero-narrator, existentialism, death, absurd, grotesque.

Проблема семьи – одна из центральных проблем американской литературы XX века (роман У. Фолкнера «Шум и ярость», романы Дж. Апдайка

[3], Дж. Евгенидиса, Дж. Франзена и др.). Семья – это род и традиции, которые всегда много значили для американцев-пуритан. Семья - последнее, что осталось у человека в этом нестабильном мире, где постепенно уходят на второй план нравственные и религиозные ценности. Что представляет собой американская семья сегодня? Что с ней происходит? Как она трансформируется? Есть ли у нее будущее? Может ли она спасти человека от духовного краха и нравственного опустошения? Такие вопросы поднимает в своем романе «Белый шум» современный американский автор Дон Делилло.

В центре повествования - жизнь одной из американских семей. В ней четко противопоставлены два поколения. К первому можно отнести Джека Глэнди пятидесяти двух лет, занимающего пост заведующего кафедрой гитлероведения (где собираются, суммируются и изучаются все факты, касающиеся жизни немецкого диктатора, при этом сам Джек не знает немецкого языка) и его жену Бабетту, жизнерадостную блондинку (она на несколько лет младше своего мужа), читающую лекции по омоложению для стариков, альтруистку и оптимистку. Второе поколение представляют: Генрих, мальчик четырнадцати лет, начавший довольно рано лысеть (Делилло явно подчеркивает его не по годам развитый ум), Стеффи, девочка десяти лет, – дети Джека; Дениза, девочка двенадцати лет, имеющая свою собственную позицию в жизни, любящая командовать, и Уайдлер, мальчик трех лет, воплощающий спокойствие и умиротворение семьи, – дети Бабетты. В семье есть еще дети: Би – дочь Джека от его бывшей жены Твиди Браунер и его старшая дочь от первой жены. Хотя они и не живут с отцом, однако вносят в облик семьи свой весьма колоритный вклад.

Семья, согласно логике повествования (это видно из контекста романа), позиционируется автором как ячейка общества, связанная общим бытом, а также общей внутренней жизнью. Однако в самом начале романа, еще до знакомства с главными героями автор рисует другую картинку взаимоотношений родителей и детей на примере ежегодного ритуала возвращения студентов в общежитие после летних каникул: «Родители,

ошеломленные солнечным светом, стоят возле своих автомобилей, видя вокруг точные копии самих себя. Загар, приобретенный честными стараниями. Умело состроенные гримасы и взгляды искоса. Узнавая друг друга, они вновь чувствуют себя помолодевшими. Женщины, бойкие и жизнерадостные, похудевшие от диет, знают всех по именам. Их мужья, сдержанные, но благодушные, покорно тратят свое драгоценное время на выполнение родительского долга, и что-то в них говорит об огромных затратах на страхование. Это скопление «универсалов» в такой же степени, как и все, чем родители занимаются весь год, убедительнее любых формальных ритуалов церковной службы и законов доказывает им, что они представляют собой сборище единомышленников, людей духовно близких, нацию, народ» [1, 2]. Делилло не скупится на иронические замечания, изображая уверенных в себе родителей, которые всячески стремятся соблюсти приличия и представить свою жизнь друг перед другом как совершеннейшую норму и полную «гармонию»: все как у всех, ничуть не хуже других, все на уровне. Однако о чувствах родителей к детям не сказано ни слова, автор подчеркивает, что они связаны лишь формально.

Семья, находящаяся в центре повествования несколько отличается от «скопления «универсалов» [1, 2]. Представляя жизненный уклад своего семейства, рассказчик, Джек Глэнди, подчеркивает внешнюю несуразность их жизни, сразу противопоставляя свою семью типичным семьям Америки, тем, кто ежегодно устраивает демонстрацию загорелых тел, тем, кто на сто процентов уверен в себе и защищен от любых неожиданностей своими страховками. Автор указывает, что такие семьи «живут нынче в достатке... Искренне полагают, что имеют на это право. Благодаря такой убежденности они, похоже, отличаются крепким здоровьем. Все румяные, как на подбор» [1, 3]. Повествователь предполагает, что страховками они защищены даже от смерти: «возможно, смерти в нашем понимании у них не бывает. Разве что документы переходят к другим владельцам» [там же].

Семья Джека Глэнди нетипична, она явно противопоставлена семьям,

охарактеризованным выше. Да, у них есть дом, но автор подчеркивает, что хозяева не особо заботятся о его внешней привлекательности. Жизнь сосредоточена в основном вокруг кухни и спален, остальные же комнаты становятся «местами для хранения мебели, игрушек, ненужных вещей, оставшихся от предыдущих браков и детей разных родителей, подарков от бывшей родни, поношенных платьев и всякого хлама: одежды, коробок» [1, 3]. Причем все эти вещи, которые практически не используются, но которые жалко выбросить, навевают на супругов какую-то непонятную экзистенциальную грусть, «будят мрачные мысли, дурные предчувствия, заставляют опасаться не просто неудачи, не крушения личных планов, а чего-то более общего, более крупного по масштабам и сути» [1, 3]. Все эти вещи являются для героев своеобразными предвестниками смерти (как тут не вспомнить отношение к вещам в текстах Ж. – П. Сартра, герои которого также воспринимают вещи как своеобразное напоминание о конечности существования).

В семье, конечно же, есть машина (американец не представляет себя без нее), но она вовсе не похожа на те сверкающие полировкой «универсалы», которые мы видим в начале романа. Она, правда, тоже «универсал», но отнюдь не такой презентабельный. Налет ржавчины на дверцах демонстрирует совершенно спокойное отношение его владельцев к внешним атрибутам их жизни.

По контрасту с бойкими, жизнерадостными, похудевшими от диет женщинами, приехавшими на «универсалах» описывает рассказчик свою жену, которая внешне не была столь нарочито привлекательной. В ее образе подчеркивается некоторая несуразность, несоразмерность, растрепанность, теплота, «домашность». Автор акцентирует внимание на том, что, несмотря на отсутствие внешнего лоска, она отличается добрым нравом и какой-то потрясающей жизненной силой. Он отмечает, что Бабетта «обладает природным чувством собственного достоинства и слишком озабочена серьезными делами, чтобы еще и волноваться за внешний вид» [1, 3]. Повествователь подчеркивает, что она не блещет особыми талантами, в

отличие от его предыдущих жен, но находит себя в том, что «возится с детьми и присматривает за ними, преподает на курсах образования для взрослых, состоит в группе добровольцев, которые читают вслух слепым» [1, 3]. Больше всего герой-повествователь ценит в своей жене умение дарить тепло и наполнять мир животворящей энергией, он постоянно подчеркивает «способности Бабетты легко управляться с делами: с домашним хозяйством, с детьми, со вселенским потоком повседневности» [1, 50]. Он пишет, что главное достоинство Бабетты в том, что «она оптимистка. Никогда не унывает и не жалуется на судьбу» [1, 99].

Таким образом, семья Джека Глэнди не гонится за внешним лоском и респектабельностью, они предпочитают жить просто и незатейливо, проводя жизнь в житейских заботах о детях и стариках. При этом необходимо отметить, что автор не идеализирует своих героев, они имеют множество недостатков, но их жизнь полна **НАСТОЯЩИМИ**, а не выдуманными или высосанными из пальца проблемами, они искренни в отношениях между собой и с детьми, искренни в своих страхах и радостях. Все это возвышает героев над «универсалами», делает их **ЖИВЫМИ** и **НАСТОЯЩИМИ**, даже несмотря на то, что повествователь постоянно иронизирует над своими домочадцами, изображает жизнь своей семьи как нечто хаотичное, не укладывающееся ни в какие рамки, не соответствующее никаким стандартным представлениям о добропорядочной многодетной семье. Рефлексируя по поводу образа жизни в своем доме он пишет: «Мы стали представляться себе кучкой людей, которые совершают необдуманные поступки, избегают принятия решений, бывают то бестолковыми, то эмоционально неустойчивыми, повсюду оставляют мокрые полотенца, никогда не знают, куда задевали самого младшего члена семьи [1, 49].

Воспитанием детей взрослые специально не занимаются, они просто общаются с ними, вместе едят и смотрят телевизор, обсуждают какие-то общие проблемы, искренне беспокоятся друг за друга, особенно в ситуации повышенной опасности: «Я смотрел, как Генрих под проливным дождем идет к

дверям школы. Движения его были нарочито замедленными, а ярдов за десять до входа он снял свою камуфляжную кепку. В такие минуты во мне просыпается животное чувство безоглядной любви, желание набросить на него свой пиджак, крепко прижать к груди и ни на шаг от себя не отпускать, защищать его» [1, 12].

Порой кажется, что взрослые и дети поменялись местами: дети ведут себя более собрано, рационально, в то время как старшее поколение иногда отличается некоторой инфантильностью. Автор подчеркивает разницу между поколениями. Дети лучше впитывают информацию, они порой лучше осведомлены о том, что происходит за пределами их дома, они больше приспособлены к этому информационному миру. Иногда это доводится автором до абсурда. Вот, например, как рассуждает четырнадцатилетний сын героя Генрих об ощущениях: «Да наши ощущения сплошь и рядом нас обманывают. Это доказано лабораторными испытаниями. Неужели тебе ничего не известно обо всех теоремах, согласно которым ничто не является тем, чем кажется? За пределами нашего разума не существует ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Так называемые законы движения – сплошная мистификация. Даже звук может ввести человеческий разум в заблуждение. Если звука не слышно, это не значит, что его нет» [1, 11]. Однако эта цитата не является подтверждением превосходства поколения детей. Согласно авторской логике, познания в науках, умение говорить научным языком ничто в сравнении с тем, что умеет поколение «отцов», они умеют просто ЖИТЬ: «Она (Бабетта) бегаёт трусцой, разгребает лопатой снег, заделывает трещины в раковине и ванне. Играет с Уайлдером в слова, а ночью, в постели, читает вслух эротическую классику. А что делаю я? Кручу и завязываю мусорные мешки, плаваю взад и вперед в бассейне колледжа. Когда я хожу пешком, сзади бесшумно приближаются бегуны и, обгоняя, вынуждают меня отшатываться в идиотском испуге. Бабетта разговаривает с собаками и кошками. Я вижу цветные пятнышки уголком правого глаза. Бабетта планирует лыжные походы, которые мы никогда не предпринимаем, и при этом сияет от возбуждения. Я

пешком поднимаюсь в гору по пути в колледж и замечаю побеленные камни вдоль подъездных аллей новых домов» [1, 7]. Все эти, на первый взгляд, ничтожные занятия и составляют, по мнению автора, суть жизни.

Если говорить об отношениях, которые объединяют героев, то их можно назвать счастливыми людьми, которые наслаждаются обществом друг друга. Повествователь отмечает: «Мы с Бабеттой предлагаем наши жизни заинтересованному вниманию друг друга, вертим их при свете луны в своих бледных руках, говорим до поздней ночи об отцах и матерях, о детстве, друзьях, пробуждении чувств, о бывших возлюбленных и давних страхах (за исключением страха смерти). Нельзя опустить ни единой подробности ...» [1, 15]. На фоне этой естественности «научные» интересы героя кажутся чем-то искусственным и нарочитым, а его работа на кафедре гитлероведения вообще напоминает абсурдный фантом из гротескного мира Ф. Кафки.

Семья для автора – спасение от агрессивного информационного мира, спасение от смерти. Делилло пишет: «Семья – колыбель всемирной дезинформации. В семейной жизни нечто наверняка порождает ложные представления о действительности. Чрезмерная скученность, шум и суэта бытия. А может, и нечто более серьезное, к примеру – стремление остаться в живых» [1, 42]. Согласно логике повествования, семья представляет собой совершенно самостоятельный замкнутый эмоциональный мир, который помогает человеку сохранять свою неприкосновенность, сберечь свое «я» от посягательств мира окружающего.

Автор прямо противопоставляет знание и семью, он пишет: «Семья прочнее всего там, где неправильное истолкование объективной реальности наиболее вероятно» [1, 42-43], а после даже задается вопросом: «Должен ли я поощрять невежество, предрассудки и суеверия, чтобы защищать свою семью от внешнего мира?» [1, 49].

Дети становятся для героев своеобразным спасением от агрессии внешнего мира. Цитируя Бабетту, повествователь, соглашаясь с ней отмечает, «что до тех пор, пока в доме живут дети, которым необходима наша помощь, с

нами ничего не может случиться. Дети – залог нашего относительного долголетия. Пока они рядом, мы в безопасности» [1, 52]. Особенно заряжают энергией младшие члены семьи – Стеффи (её имя имеет греческие корни и является родственным всем именам, произошедшим от слова “стефанос”, которое означает “корона”, “увенчанный”) и Уайлдер (Wilder, его имя скорее всего восходит к прилагательному Wild, что можно перевести как «дикий», «пугливый», «невозделанный», одним словом, «дикарь» - человек близкий естеству, природе). Герой любит бывать с детьми, особенно с младшим, он отмечает: «Мне нравилось быть с Уайлдером. Вся жизнь состояла из мимолетных удовольствий. Уайлдер брал от нее, что мог, и тотчас забывал обо всем в приливе последующего наслаждения. Я завидовал ему и восхищался такой забывчивостью» [1, 88].

Часто, когда его одолевают мрачные думы о смерти, он заходит к детям в комнату полюбоваться на их безмятежный сон, поправить одеяло, поднять упавшую игрушку и тоска отступает. Подавленная страхом смерти Бабетта также признается мужу: «когда я с Уайлдером, у меня улучшается настроение» [1, 108], на что он отвечает: «Я тебя понимаю. Мне с Уайлдером всегда хорошо. Может, потому, что ему все быстро надоедает? Он эгоистичен, но не жаден, он ведет себя несдержанно и совершенно естественно» [1, 108].

Таким образом, изображая семью Джека Глэнди и Бабетты, автор явно противопоставляет их образ жизни укладу большинства американских семей, которые, как считает автор, в погоне за внешним благополучием потеряли взаимопонимание, искренность взаимоотношений, которые разучились любить, сострадать, радоваться простым житейским вещам и ситуациям. Такая семья не может служить опорой человеку, не может уберечь его от агрессии мира. Однако семья Джека и Бабетты нетипична в желании ее членов поддерживать друг друга, в беспокойстве друг за друга, в отсутствии формализма в отношениях, в стремлении быть честными друг перед другом, а также в их прохладном отношении к ценностям общества потребления.

Библиографический список

1. Делилло Д. Белый шум. URL://http://www.litmir.me/br/?b=130913
2. Татаринова Л. Н. Дон Делилло // Современная зарубежная проза: учебное пособие /под ред. А. В. Татаринова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
3. Гринева М. В. Тема семьи и ее художественное воплощение в новеллистическом цикле Джона Апдайка "Слишком далеко идти". Автореф... к. филол. наук. Нижний Новгород. 2005// Диссертации по гуманитарным наукам - <http://cheloveknauka.com/tema-semi-i-ee-hudozhestvennoe-voploschenie-v-novellisticheskom-tsikle-dzhona-apdayka-slishkom-daleko-idti#ixzz43f02ePMQ>

УДК 821.112.2

Саракаева Э.А., Лебедева И.В., Бичарова М.В. Образ Кримгильды в германском героическом эпосе «Песнь о нибелунгах»

The image of Krimhilda in the German heroic epic "Nibelungenlied"

Саракаева Э.А.

Хайнаньский государственный университет. Хайкоу, КНР

Лебедева И.В.

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Бичарова М.В.

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

Sarakaeva Elina, PhD (Philology), Associate Professor

Hainan State University, China

Lebedeva Irena, PhD (Sociology), docent

Caspian Institute of Sea & River Transport, Astrakhan, Russia

Bicharova Maria, PhD

Caspian Institute of Sea & River Transport, Astrakhan, Russia

Аннотация. В статье предлагается краткий обзор наиболее репрезентативных работ литературоведов, психологов и германистов, анализирующих образ Кримгильды в средневековом немецком героическом эпосе «Песнь о Нибелунгах». Авторы статьи, не претендуя на роль арбитров, сопровождают основные положения этих работ собственными комментариями, с указанием на те моменты, которые представляются нам сильными или, наоборот, неоднозначными. Особое внимание уделяется построениям Фрэнсиса Джентри, предложившего убедительную интерпретацию мотивов героини, и американского «нибелунговеда» Виндера МакКонелла, который, опираясь на ключевые концепты теории личности Карла Юнга, приводит интересный психологический анализ исследуемого образа. В заключение авторы предлагают собственную версию психологического анализа образа Кримгильды, опираясь на теорию нарциссизма, и доказывают на ряде примеров, что

поведение героини на протяжении всей поэмы соответствует психологическим характеристикам, свойственным нарциссической личности деструктивного типа.

Abstract. The article offers a brief overview of the most representative works of literary critics, psychologists, and of German scholars, analyzes the image of Krimhilda in medieval German heroic epic "Nibelungenlied". The authors of the article, without pretending to the role of arbitrators, accompany the main of these works own comments, with an indication of those aspects which seem to us to be strong, or Vice versa, is ambiguous. Special attention is paid to build the Francis gentry, who offered a convincing interpretation of the motives of the heroine, and American "nibelunglied" Winder, Macconell, which is based on key concepts of the theory of personality of Carl Jung, provides interesting psychological analysis of the investigated image. In conclusion, the authors offer their own version of the psychological analysis of the way in Krimhilde based on the theory of narcissism, and prove a number of examples that the behavior of the heroine throughout the poem corresponds to the psychological characteristics of the destructive narcissistic personality type.

Ключевые слова / Keywords: героико-эпическая поэма «Песнь о Нибелунгах», Кримгильда, Зигфрид, Хаген Тронье, эволюция образа Кримгильды, литературный анализ, нарциссизм, нарциссическая личность, идеальный образ, heroic-epic poem "Nibelungenlied", Krimhild, Siegfried, Hagen, Tronje, the evolution of the image of Krimhilda, literary analysis, narcissism, narcissistic personality, ideal image

Образ бургундской принцессы Кримгильды, одного из центральных персонажей средневековой эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах», всегда вызывал пристальный интерес у читателей, литературных критиков и ученых – нибелунговедов. С первых же строк поэмы Кримгильда предстает перед нами прекрасной, привлекательной девой, любимой своей семьей и слугами, Розой Бургундии, которую поэт не устает восхвалять:

Любить ее всем сердцем охотно б каждый стал.

Кто раз ее увидел, тот лишь о ней мечтал.

Наделена высокой и чистою душой,

Примером быть она могла для женичины любой [2, 4].

Эта идеальная романтическая красавица, желанная награда для искателя высокой куртуазной любви, находит своего принца и награждает его любовью за подвиги, выходит за него замуж – и став королевой, похваляется могуществом мужа, полу-произвольно угрожая своей бывшей родне. Затем, став жертвой обмана, она выдает тайну мужа его убийцам, чтобы превратиться потом в демона мщения, бросить в жерло этой мести собственного сына и братьев и сквозь пламя пожаров и горы трупов добраться до горла своего врага. По словам Фрэнсиса Джентри: «Для многих вся эпическая поэма – это песня о Кримгильде. Кримгильда, безусловно, самый страстный персонаж поэмы, с

тревожащей быстротой она двигается от нежной влюбленной до мстительной фурии, от верной супруги до противоестественной матери» [8, 96].

Не одно поколение читателей и критиков эта удивительная эволюция образа героини ставила в тупик. Кто же такая Кримгильда? Невинная жертва или безжалостная убийца? Рабыня любви или одержимая честолюбием мегера? Как из положительного персонажа она превращается в отрицательного, и превращается ли? Эти и многие другие вопросы ставили себе читатели «Песни о Нибелунгов» с самых первых лет ее появления - о чем свидетельствует созданная буквально сразу вслед за «Песнью» анонимная поэма «Плач (о нибелунгах)», и ряд других средневековых художественных произведений, в которых фигурирует та же самая Кримгильда (например, «Розовый сад в Вормсе», «Сага о Тидрике», «Сказание о Роговом Зигфриде» и др.) Авторы этих произведений пытаются осмыслить образ Кримгильды – осудить или оправдать ее поступки, объяснить себе и читателям жизненную траекторию героини, расставить точки над «i».

Ту же задачу ставят перед собой многие ученые-исследователи поэмы. Работы, посвященные анализу образа Кримгильды, выполнены по большей части в русле культурологи, литературоведения и психологии – а чаще германистики и медиэвистики с междисциплинарным подходом. Совершенно по-разному интерпретируя эволюцию героини, ее мотивы, чувства, интенции, самоидентификацию, практически все авторы согласны в том, что образ Кримгильды обладает первостепенной значимостью для понимания всего авторского замысла «Песни о Нибелунгах».

Хьюго Беккер, автор статей и монографии, посвященной литературному анализу «Песни о Нибелунгах», отводит образу Кримгильды целую главу, в которой, перескакивая с одной мысли на другую, несколько сумбурно излагает ряд своих наблюдений. Самым интересным из них нам представляется рассуждение о том, почему Кримгильда, услышав толкование своего сна о соколе, так категорично отказывается от любви. Беккер доказывает, что для королевы Уты любовь – синоним домашнего счастья и семейного уюта,

желанная и неизбежная судьба любой женщины, несмотря даже на вещие сны. Ее дочь Кримгильда понимает любовь совершенно иначе. Любовь, символом которой являются хищные птицы, представляется ей роковой страстью, безумием, черным эросом, от которого молодой девице следует держаться как можно дальше. Любовь, от которой пытается укрыться Кримгильда, лишает свою жертву свободной воли, любовь превратит «дикого сокола» Зигфрида в раба страсти, а ей самой сулит страдания и гибель [5, 63].

И действительно, любовь Зигфрида и Кримгильды, по мнению Беккера, не облагораживает ни одного из супругов: Кримгильда в своем замужестве хотя и становится нидерландской королевой, но лишается восхищения и пиетета с которым к ней относились раньше. Муж уходит от нее в первую же брачную ночь и возвращается с трофеями, свидетельствующими о сексуальной связи с другой женщиной. При попытке получить причитающееся ей приданое ее публично осаживает сперва собственный муж, потом Хаген. Наконец, муж больно колотит ее. И Кримгильда принимает эту роль – через несколько лет замужества в ней не остается ничего от куртуазной дамы, и вот она, надев на себя чужой пояс, вступает в базарную ссору с Брунгильдой, потом требует от Хагена возвращения клада в тот момент когда, по мнению Беккера, это и невозможно и неуместно. Исследователь так поясняет ее настойчивые попытки вернуть себе клад: «С ее склонностью путать меж собой символизм и внутренние ценности, клад для Кримгильды – это часть Зигфрида, это сам Зигфрид. Иронично, что ее требование основано на внешнем, а не на личностном символе присутствия Зигфрида (*автор имеет в виду что сам Зигфрид не придавал кладу особого значения*). Кримгильда никогда не понимала сути человека, за которым была замужем, она борется с Хагеном за силу, которой они оба не достойны обладать» [5, 68].

Известный германист Эдвард Хаймес в своей монографии «Песня о нибелунгах: история и интерпретации» начинает речь о Кримгильде с замечания, что в литературоведении сложились два подхода к анализу этого образа, в зависимости от того чью сторону в противостоянии Хаген -

Кримгильда авторы поддерживают [11, 83]. Защитники Хагена акцентируют демонические черты, которые проявляет героиня во второй части поэмы, и даже указывают, что предпосылки трансформации Кримгильды из нежной придворной красавицы в лютую фурию возможно вычитать еще в самом начале, в первой части поэмы [13]. Защитники Кримхильды стараются оправдать поступки героини и возложить вину в финальной трагедии на Хагена, ее оппонента [5],[7]. Сам Хаймес откровенно поддерживает Хагена, посвятив любимому персонажу целую главу своей книги: «Мы восхищаемся его отвагой, его упорством, его умом и, в отношениях с Рюдигером, его человечностью, - пишет Хаймес, - Это фигура архитипической силы и исключительного магнетизма, которая одновременно привлекает и отталкивает. Это роднит его с трагическими героями античности» [11, 87].

В отличие от ряда других авторов, помещающих в композиционный центр «Песни» Кримгильду, Эдвард Хаймес доказывает, что во второй части поэмы не она, а Хаген Тронье «если не морально, то структурно» занимает место главного героя, и подкрепляет свою мысль ссылками на другие литературные произведения со схожей композицией [11, 85-86]. Кримгильда интересна Хаймесу в первую очередь как ужасная врагиня главного героя. Хаген, в интерпретации Хаймеса, это «бастион силы, самый страшный противник...» против которого Кримгильда «посылает людей своего мужа, волну за волной, на верную смерть от рук ее братьев и их вассалов. Она наблюдает, как погибают ее младшие братья, чтобы в финале остаться наедине со своим врагом лицом к лицу, в последней схватке «темного героя и его демонической противницы» [11, 82].

Слово «демоническая» здесь не случайно – в приведенных Хаймесом примерах из средневековой германской литературы герою противопоставит не мужчина, а чудовищная женщина. Так, самым опасным противником Беовульфа в одноименной поэме выступает мать Гренделя, главный герой «Саги о Греттире» гибнет от заклинания женщины -своей кровницы, с чудовищами женского пола сражается Вольфдитрих и герои исландских саг. В

рамках той же традиции, полагает ученый, находится и образ Кримгильды: не будучи чудовищем в прямом смысле слова, она по сути превращается в демоницу, в inferнального монстра, пожирающего всех подряд, включая собственного сына и родных братьев, недаром дважды персонажи поэмы называют ее *valandinne* – «чертовка, ведьма». «Слово *valandinne* это не просто ругательство, - пишет Хаймес, - это «объективное» описание того во что Кримгильда превратилась, отчасти благодаря той роли которую она играет в противостоянии с главным героем» [11, 84].

В отличие от Хаймеса, Отфрид Эрисманн занимает крайнюю позицию защитников Кримгильды, переключаясь в этом со средневековой немецкой поэмой «Плач» («Klage»), которую он несколько раз цитирует [7, 39-40]. «Плач» представляет собой некий фанфик, любительское продолжение «Нибелунгов», в котором анонимный поэт изо всех сил пытается обелить Кримгильду, проговаривая устами всех действующих персонажей, что в произошедшей катастрофе она не несет никакой ответственности, всему виной Хаген и злой рок. Ту же позицию, по сути, занимает Эрисманн. С его точки зрения, Кримгильда вовсе не хотела ссориться с Брунгильдой: она просто заступалась за своего мужа, чье достоинство было несправедливо унижено [7, 24]. Она отнюдь не планировала кровавой бойни в Венгрии: все, чего она пыталась достичь, была смерть Хагена. Автор статьи винит именно Хагена в том, что злонамеренно не давая себя убить, он провоцировал Кримгильду на все новые и новые атаки, вовлекающие все больше людей, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля. Ссылаясь на «Плач» в доказательство своей точки зрения, Эрисманн фактически ставит знак равенства между идейной позицией автора «Плача» и автора «Нибелунгов»; неудивительно что в анализе поэмы он вынужден опираться на манускрипт С, сильно отличающийся от других версий. Например, на странице 32 он приводит строчку «*Kriemhilt ir leit daz alte in ir herzen begraben*», смысл которой в том что Кримгильда вовсе не планировала подставить своего маленького сына под меч Хагена чтобы спровоцировать бойню, тогда как вариант В говорит прямо противоположное:

Давно в ней жажда мести все чувства заглушила.

Вражду любой ценою разжечь она решила

И привести велела малютку-сына в зал.

Кто женщину безжалостней когда-нибудь видал? [2, 277].

В анализе Эрисмана самым значимым словом является «любовь» - это слово встречается практически на каждой из 24 страниц его статьи в качестве ключа к пониманию образа Кримгильды и ее мотивировок. Страстной любовью к Зигфриду автор объясняет все ее поступки, от ссоры с Брунгильдой до бойни во дворце у Этцеля. По мнению автора, феодальное общество отказывает героине в любом способе самоидентификации, лишая ее статуса, приданного и наследства, и сама героиня отказывается от своих прав ради великой любви, которая и движет ею на протяжении всей эпической поэмы [7, 23]. Из-за нежелания братьев, вассалов и вообще всех мужчин вокруг восстановить справедливость и отомстить за ее обиды, она вынуждена взять месть в свои руки и довести ее до конца. Причем на любом этапе Кримгильда готова ограничить разрушительную силу своей мести смертью одного-единственного человека, и только реагируя на бесконечные провокации Хагена (которые состояли, как мы помним, не только в насмешках, но и в упорном сопротивлении попыткам себя зарезать) она вынуждена развязать бойню. Героиней движет любовь, и она погибает из-за любви.

Совершенно той же позиции придерживается Джеймс МакГлэтери, только в качестве главной движущей силы, детерминирующей все поступки героини, он называет не любовь, а «эротическую страсть». Этот термин автору кажется обладающим вполне достаточной объяснительной силой для всего, что происходит в поэме: Зигфридом, Кримгильдой, Брунгильдой, Гунтером и даже Хагеном движет «эротическая страсть», задающая весь спектр их взаимоотношений. Чтобы доказать эту мысль, автору уже недостаточно манускрипта С – ему приходится пересочинять поэму заново, вставляя туда несуществующие детали. К примеру, не утруждая себя никакими цитатами, автор заявляет что Брунгильда «хотела выйти замуж за самого красивого

мужчину на свете», что она «не сводила глаз с Зигфрида на протяжении всей истории» [14, 214], что Хаген был безобразен и «вызывал у всех женщин отвращение» [14, 215] и т.п. Любой читатель, знакомый с текстом поэмы, недоуменно поднимет брови - в оригинале просто нет ни слова о стремлении Брунгильды выбрать себе именно красивого мужа, ее эротический интерес к Зигфриду не прописан ни прямо ни имплицитно и знаком эрудированному читателю только по скандинавским источникам, и наконец, в строфе 1735 прямо говорится что Хаген был красив:

Хорош собой был витязь – осанист, длинноног,

В плечах косая сажень, да и в груди широк [2, 251] и т.п.

Но МакГлэтери предпочитает игнорировать то, что не вписывается в его теорию и придумывать то, что ее поддерживает, неудивительно, что в его работе нет ни одной прямой цитаты из текста «Нибелунгов».

Противоположной точки зрения придерживается Фрэнсис Джентри. Свой анализ образа Кримгильды он начинает с замечания, что в мире «нибелунгов» вся власть и все права принадлежат мужчинам, и во взаимодействии с этим миром мужчин героиня проявляет свой подлинный характер. Кримгильда, по мнению Джентри, отнюдь не милая девочка, которую обстоятельства и манипуляции Хагена заставили совершать несвойственные ее натуре ужасные поступки. С самого начала Кримгильда демонстрирует обостренное чувство собственного достоинства и намерение утвердиться в этом мире. В качестве примера Джентри приводит тот же сон о соколе и связанное с ним решение никогда не выходить замуж – решение, которое для принцессы означало готовность вступить в борьбу за право распоряжаться собственной рукой со всей политической системой средневекового королевского двора [8, 96].

Выйдя замуж за Зигфрида, героиня сразу же проявляет свою высокую самооценку, требуя, чтобы братья разделили королевство и выделили ей часть. Когда Зигфрид отказывается от земельного приданого, Кримгильда тут же требует компенсации в виде рыцарей - вассалов. В самом по себе требовании нет ничего удивительного: невесте из королевского рода нужны были

вооруженные телохранители, готовые постоять за ее интересы в чужой земле. Удивительно то, кого она пытается назначить на эту роль – Хагена и его клан Тронье. Потребовать от бургундских королей отдать ей в качестве приданого их главного вассала со всем кланом означало перегнуть палку. «Явно, что Кримгильда имеет хорошо развитое чувство собственного статуса и намерение сохранять его всеми силами», - пишет Джентри [8, 97]. В сцене ссоры королев обе гордые женщины, споря о сравнительных статусах своих мужей, фактически выясняют кто из них больше королева. По мнению Джентри, это спор о собственном статусе и величии, и выигрывает его Кримгильда.

Начиная со второй части поэмы Кримгильда теряет авторские симпатии – с того момента, как нарушив свою клятву о примирении она начинает планировать месть бургундам – мысль, которую ей подсказал сам Дьявол (строфа 1394):

*Вновь пробудил сам дьявол, бургундам на беду,
В ней прежнюю обиду и к Гунтеру вражду [2, 202].*

Постепенно Кримгильда, иницилирующая все новые и новые смерти, сама становится демоницей. В конце поэмы она просто отвратительна: она издевается над истекающим кровью братом, потом, размахивая его отрубленной головой перед лицом Хагена, пытается шантажировать его, и не добившись цели, резает связанного пленника собственными руками. Так же чудовищен ее конец: блиставшую некогда величием королеву разрубают на куски с молчаливого одобрения ее супруга. Завершая свой анализ, Джентри подчеркивает: «Кримгильда не претерпевает полного изменения характера с момента смерти Зигфрида – просто те черты ее характера, что присутствовали с самого начала, получают экстремальное развитие – это ее честолюбие и желание сохранять и поддерживать высокий статус любой ценой, чего бы это ни стоило» [8, 98].

Американский германист, один из корифеев «нибелунговедения» Виндер МакКоннел, предлагает анализ, основанный на положениях школы Карла Густава Юнга. Ключевыми концептами теории личности Юнга, которые он

опирается, это «репрессия» («подавление») – явление, когда от тревожащей реальности «...человек отгораживается слепотой, полуправдой, иллюзиями, рационализациями, снами» [10, 43], «анимус» - бессознательная мужская сторона личности женщины, «тень» - бессознательная противоположность того, что индивид настойчиво утверждает в сознании, и «самость» - воплощение цельности и гармонии, регулирующей центр личности.

В своих работах МакКоннелл делает особый акцент на анализе образа Кримхильды. С его точки зрения, этот образ – яркий пример юнгианской «одержимости анимусом». Описанная в поэме самоизоляция героини, ее склонность к репрессии и отказ увидеть и признать собственную «тень», последовавший за смертью Зигфрида сознательный отказ от материнства и своих обязанностей как королевы Нидерландов, отсутствие направляющей роли мужчины в ее жизни приводит, по мнению исследователя, к тому, что Кримхильда оказывается полностью под властью «анимуса» и теряет свою «самость» [13].

Основной тактикой психологической самозащиты Кримхильды, по мнению, МакКоннелла, избирает репрессию: Кримхильда вытесняет из памяти свой сон о соколе – если вначале она придавала вещему сну такое огромное значение, что отказалась вообще от любви и замужества, предпочитая самоизоляцию и связанную с ней эмоциональную безопасность, то встретив и полюбив Зигфрида, героиня оттесняет опасный сон на периферию сознания и действует так, будто не помнит ни этого сна, ни его пугающего толкования. Она кичится силой и неуязвимостью своего мужа и даже вступает в ссору с Брунгильдой, посмеившей в этой силе усомниться. Когда бургундский королевский двор реагирует чрезвычайно болезненно на эту ссору, и дело кончается тем, что Зигфрид вынужден поколотить жену для вразумления, Кримхильда уверяет себя что этими колотушками дело и кончено. Она отказывается признавать катастрофические последствия своей ссоры с Брунгильдой - ссоры, которая подрывает самые основы бургундской политической системы, компрометируя супружескую верность королевы и тем

самым легитимность престолонаследия. В разговоре с Хагеном Кримхильда упоминает об этой ужасной ссоре как о чем-то, что она уже искупила, получив трепку от мужа, и что можно забыть.

Еще более поразительна репрессия в эпизоде, когда, уже выдав Хагену тайну уязвимого места на спине мужа, Кримхильда узнает о планирующейся охоте. Сразу почувствовав беду, она уговаривает мужа не ездить на охоту – но когда он игнорирует ее слезные просьбы, Кримхильда так и не решается сказать ему правду: что его тайна раскрыта, что его неуязвимость сменяется беззащитностью против удара со спины. Вместо этого она настолько подавляет в себе осознание опасности, что произошедшее между ней и Хагеном принимает в ее изложении такие туманные формы:

Рыдаю я от страха – мне кажется, что здесь

Какой-то тайный недруг у нас с тобою есть.

Он нам из мести может наделать много бед.

Останься и не уезжай – вот мой тебе совет [2, 134].

Совершенно реальный, обоим хорошо знакомый человек Хаген из Тронье превращается у нее в «какого-то тайного недруга», который из невнятной «мести» может «наделать много бед» (а не то чтобы нанести удар в спину, в то место, на котором она сама только что вышила крестик). Желание уклониться от сопряженного с осознанием реальности чувства вины и необходимости нести ответственность запускает и в этом эпизоде механизмы репрессии, повлекшей за собой необратимые последствия.

Наряду с МакКоннеллом, Готфрид Вебер, автор монографии «Песнь о Нибелунгах: проблемы и идеи», считает, что Кримхильда, услышав толкование сна о соколе, абсолютизирует опасность и подвергает себя добровольной самоизоляции. Отказавшись от замужества и от любви по первому же импульсу, она, по мнению исследователя, демонстрирует эгоцентризм, который, по мере развертывания сюжета все разрастается и трансформируется в одержимость [15, 55]. В итоге героиня оказывается полностью охвачена силами хаоса, которые ее и уничтожают.

В завершение нашего обзора логично будет определить нашу собственную позицию, указать, кто из авторов, по нашему мнению, высказывает наиболее обоснованные наблюдения и предложить свой скромный анализ исследуемого литературного образа.

Если принять мнение Хаймеса о разделении нибелунговедов на защитников Хагена и защитников Кримгильды, авторам настоящей статьи, безусловно, ближе позиция первых. Мы не принимаем сентиментальных попыток объяснить и оправдать как драматическую коллизию поэмы так и жизненную траекторию героини «любовью» или, еще того хуже, «эротической страстью» (что в переводе с терминологического языка на обыкновенный означает, по-видимому, просто похоть). Любовь, это универсальное, большинству из нас знакомое чувство, не превращает людей в монстров – а если и превращает, для объяснения такого превращения недостаточно простой констатации наличия сильной страсти, будь она эротической или платонической. Вместе с Фрэнсисом Джентри [8] и Виндером МакКоннеллом [12,13] мы считаем, что основы трансформации героини из прекрасной дамы в злобную ведьму заложены в самом ее характере, и это возможно проследить еще в первой части поэмы – хотя талант автора именно в том и состоит, что эволюция героини показана постепенной, нарисована ненавязчивыми, осторожными штрихами. Поэтому, чтобы правильно осмыслить произошедшие с ней трансформации, требуется вдумчивое прочтение каждой строки (но отнюдь не придумывание за автора элементов сюжета, не прописанных в самом тексте). Мы считаем достаточно убедительной трактовку Эдвардом Хаймесом образа Кримгильды как антагониста второй части поэмы, чьей структурной функцией является борьба с протагонистом, роль которого выполняет Хаген из Тронье. Ценным вкладом в понимание образа Кримгильды кажется нам юнгианская интерпретация ее поведения и мотивировок, предпринятая МакКоннеллом. Предложенное им понятие репрессии из арсенала теории личности Юнга представляется нам эффективным инструментом проникновения в глубину психологии персонажа.

Мы хотели бы несколько расширить интерпретации, предложенные этими учеными, добавив к ним ряд собственных наблюдений. Те личностные особенности Кримгильды, на которые обратил внимание Фрэнсис Джентри – завышенная самооценка, готовность отстаивать свое право на высокое положение, эгоцентризм героини, на который указывает Вебер, ее склонность тут же забывать о своих ошибках чтобы совершать их все снова и снова, о чем говорит МакКоннелл – нам представляется, что все эти черты характера или вернее свойства личности Кримгильды происходят из одного источника. Кримгильда, в нашем понимании, с самого начала поэмы проявляет черты деструктивного нарциссизма, которые становятся все более доминантными в процессе ее личностного развития.

Деструктивный нарциссизм в психоаналитической психологии означает искажение или нарушение способности личности реалистично воспринимать, ощущать и оценивать себя [4, 14]. При том, что формирование нарциссизма в психологии считается нормальным этапом становления личности, необходимым для развития процессов энерго-информационного обмена между Эго и социумом, деструктивный (или иначе «злокачественный», «патологический») нарциссизм - это застревание на «оральной» стадии с потерей рационального суждения и фиксацией на собственном Эго. Для человека с таким расстройством характерно неадекватное восприятие себя, выражающееся либо в недооценке, либо в переоценке своих способностей и возможностей, стремление находиться в центре внимания и получать подтверждение своей значимости от окружающих, низкая стрессоустойчивость, искаженное восприятие других людей, и, наконец, крайняя обидчивость, перерастающая в ярость, гнев и жажду мести. Как отмечает Эрих Фромм в работе «Душа человека», для нарциссической личности все, что принадлежит или связано с ней самой, приобретает сверх-значение, все, что находится вне пределов ее самой, недооценивается. Гипертрофированную самооценку таких людей Фромм прямо называет манией величия, которой сопутствует потеря способностей к разумным суждениям [3]. По глубокому замечанию

Грунбергера, «Нарциссизм – это трикстер, который толкает человека ко всевозможным видам самовозвеличивания, но в итоге лишает его всяких оснований продемонстрировать это величие» [9, 67].

Нарциссизм может быть групповой – когда восторженное принятие направлено на определенную группу – или индивидуальный, но и тому и другому свойственны крайне болезненные реакции гнева, ярости, ненависти, когда обожаемый объект подвергается «поношению».

Нарциссическая личность испытывает сильную потребность в любви, уважении и восхищении окружающих, что подпитывает ее высокое мнение о себе. Отсюда парадоксальным образом проистекает еще одно характерное свойство такой личности – стремление идеализировать того или иного человека, наделить его в своем воображении всеми мыслимыми достоинствами и добродетелями, возвести его на некий пьедестал. Такое обожание есть не что иное, как односторонняя проекция собственных потребностей и самооценки. Это происходит приблизительно по такой схеме: нарциссическая личность нуждается в подтверждении своего раздутого Эго - она ожидает этого подтверждения извне, от другого человека – она наделяет этого другого идеальными качествами, тем самым объективизируя исходящую от этого другого положительную оценку себя самой. Идеальный образ себя, таким образом, проецируется на другого человека, в чьих глазах, как в зеркале, нарциссическая личность хочет видеть свое отражение, подобно тому, как мифологический пастух Нарцисс любовался собственным отражением в глади воды.

Посмотрим теперь, как это работает применительно к образу Кримгильды.

В психическом мире Кримгильды, кроме нее самой, нет ни одного настоящего живого человека. Все окружающие ее люди – это и не люди вовсе, а идеальные образы людей, отражения ее психических проекций. Кримгильда не способна и не желает видеть в людях то, что они представляют из себя на самом деле, для нее они не более чем ментальные конструкты, то что ей угодно

о них думать, какими угодно их представлять. И вот с этими-то тенями близких, с их идеальными образами Кримгильда заключает своего рода негласный договор: она за них, вместо них придумывает, каковы их обязанности по отношению к ней, как они могут себя вести, а как не должны. Она нагружает их своими ожиданиями, и требует, чтобы они вели себя соответствующим образом. Когда же реальная жизнь разрушает ее ментальные конструкции, Кримгильда чувствует себя преданной и обманутой и испытывает тяжкую горечь разочарования и обиды. Но это не останавливает ее от повторения той же ошибки – всякий раз она снова и снова ждет, чтобы живые люди соответствовали ее идеальным образам -то есть любили ее, восхищались ею, ставили ее интересы превыше своих собственных. К сожалению, альтруизм отнюдь не свойственен персонажам поэмы – каждый из них преследует свои собственные, отнюдь не Кримгильдины интересы. Поэтому снова и снова идеальные образы «предают» героиню, и в результате ее обида и озлобление на окружающих все растут и растут.

Так она обращается с братьями. Сначала ее взаимоотношения с бургундскими королями кажутся просто безоблачными: при всякой встрече Кримгильда демонстрирует нежные родственные чувства и настойчиво подчеркивает, что она охотно принимает свою гендерную и социальную роль – послушной и кроткой сестрицы:

*"Любезный брат мой Гунтер, – в ответ ему она, -
Во всем люблю помощь, какая вам нужна,
Я окажу охотно и не прощу тому,
Кто в этом не последует примеру моему.
Меня, достойный витязь, упрашивать не надо.
Я вам, как господину, повиноваться рада.
Какой ни пожелали б вы мне отдать приказ,
Исполнен всепокорнейше он будет сей же час"* [2, 53].

От братьев ожидается взамен ответная демонстрация любви и защиты, а также поддержка той матримониальной стратегии, которую Кримгильда себе

избирает, будь то отказ от замужества или брак с выбранным ею прекрасным принцем. Потом они ее предают, первый раз и по-страшному: они знали (или прямо участвовали) в убийстве ее мужа. Казалось бы, этого должно быть довольно, чтобы понять: братья, может быть, ей и не враги, но в конфликтной ситуации они предпочтут ее интересам свои собственные. Но Кримгильда, хоть и тяжело оскорбленная, тут же заново моделирует свои идеальные образы – она по-прежнему ведет себя так, будто не сомневается, что братья должны и будут ее защищать: она остается в их стране, в их доме, поверив или убедив себя, что они захотят и смогут принять ее сторону против Хагена.

Казалось бы, почему? Бургундские короли уже недвусмысленно показали ей, на чьей они стороне: они не только согласились на доводы Хагена и организовали по его настоянию заговор с целью убийства Зигфрида, они даже позволили ему бросить тело убитого на порог ее комнаты, нанеся ей дополнительное оскорбление, а потом категорически отказались выдать его на казнь, даже когда вину убийцы неоспоримо продемонстрировала ордалия у гроба. Можно было бы ожидать, что всего этого более чем достаточно, чтобы у Кримгильды открылись глаза, и она поняла в каких реально отношениях она находится с братьями и королевским двором, насколько значимы для них ее чувства и интересы. Но этого не происходит, Кримгильда снова совершает ту же ошибку - снова надеется на любовь и защиту братьев, снова ожидает, что они будут считаться с ее интересами. Дальнейшее закономерно: никакой защиты от королей она не получает, они снова самоустраиваются, предоставив Хагену определять ее судьбу. Он и распоряжается ею в своем стиле: дважды отнимает у Кримгильды ее сокровище, мужнино наследство - сначала топит в водах Рейна основную часть, потом отнимает и то, что сохранилось в ее личных запасниках, да еще издевательски извещает ее о своих намерениях.

До слез такие речи Кримхильду довели.

Помочь пообещали ей братья-короли,

Но даже им отказом ответил их вассал.... [2, 183].

Еще одной причиной, почему Кримгильда остается в Бругундии после

смерти мужа, является свойственная истероидной личности (каковой бесспорно является наша героиня, согласно психолингвистической классификации В.П. Белянина) тяга к намеренным, публичным демонстрациям своих скорбей и обид, с тем чтобы вызвать у окружающих жалость и чувство вины [1, 164-166]. Вернувшись в Нидерланды, она была бы должна взять на себя серьезную ответственность: заботиться о своем маленьком сыне, о старом немощном свекре, о вассалах, о стране. Ей пришлось бы взрослеть, брать на себя роль и обязанности правящей королевы, и у нее уже не было бы времени и возможности лелеять свои обиды. А ей хотелось, чтобы заботились о ней, чтобы мать, братья, вассалы, все вокруг изо всех сил старались ее развеселить и заслужить ее прощение. Оставшись в Вормсе и там захлеб горя, она как может, так и мучает братьев, внушает им чувство вины, не выпускает их из своей личной трагедии, подобно тому как после убийства президента Кеннеди его супруга Жаклин целые сутки или около того отказывалась снять костюм, забрызганный кровью и частицами мозга ее мужа, а на все советы переодеться повторяла: «Пусть они видят, что сделали!» Тот же мотив движет Кримгильдой – пусть видят, пусть плачут.

Они, конечно, плачут, но не все. И не все время. И вообще не так, как надо было. И Кримгильдин список обид все разрастается и разрастается.

В отношениях с невесткой героиня проявляет те же тенденции не видеть в упор реального человека и его реальные интересы, заменяя их идеальным образом. Идеальный образ Брунгильды, существовавший в ее ментальном мире, обязан был разделять убеждение героини, что ее муж Зигфрид лучше и сильнее всех на свете, и для Кримгильды это настолько в порядке вещей, что констатация этого факта не должна никого задеть. Живая же Брунгильда, услышав, что Зигфрид много лучше ее супруга и имеет больше, чем король Бургундии, прав на его страну, неожиданно обиделась, и это нарушение ожиданий – как и всегда – вызвало у Кримгильды гнев на грани бешенства. После отвратительного скандала у церкви наша героиня, правда, поняла, что перестаралась, что что-то пошло не так (или мужнины кулаки помогли ей это

понять). Но грандиозное Это снова активизировалось и снова задавило на корню робкие ростки осознания реальности. Идеальный образ Брунгильды, а заодно все прочие бургундские проекции, конечно же, были должны с легкостью простить ее и забыть нанесенное ею оскорбление. Это настолько входило в их обязанности, настолько само собой разумелось, что она даже не потрудилась извиниться, вернее принесла свои извинения не пострадавшей стороне, а Хагену – от которого опять же ожидалось, что он в любом случае на стороне самой героини и воспримет этот знак любезности с благодарностью. Реальный Хаген отвечает ей завуалированной насмешкой, которая теряется при переводе на русский язык, в оригинале же означает «Ты получишь то, что заслужила».

Так же Кримгильда обращается и с вассалами. В мире ее иллюзий ей достаточно быть красивой, нарядной и торовадой, чтобы люди готовы были выполнять любую ее волю и погибать за нее. Она не понимает, что абсолютно единственный способ приобрести чью-то верность – это быть верным самому. Кто не готов «душу свою отдать за други своя», у того и нет друзей, есть только хорошо оплачиваемый персонал. Она раздает гуннам золото Этцеля, и на этом основании уверяет себя, что каждый из них за нее готов в огонь и в воду. А потом вдруг выясняется, что она не способна купить не то, что верность, а даже простую симпатию. Она угрожает Дитриху, он в ответ грубит ей, и она изумлена и обижена: ведь идеальный образ Дитриха был обязан служить ей и ею восхищаться. Идеальные образы гуннских воинов были должны безмолвно умирать, повинувшись ее капризам, даже не получив на это приказа своего короля. Этого не происходит, и Кримгильдин список обид все разрастается и разрастается.

Но самое, пожалуй, удивительное – это то, *кого* она выбрала самым частотным объектом своих фантазий и экспектаций. Казалось бы, почему? Где и когда Хаген Тронье проявлял к ней хоть какую-то симпатию, уважение и готовность играть по ее правилам? Нам неизвестно, каковы были их взаимоотношения до начала активных действий, то есть до приезда Зигфрида в

Вормс. Но можно предположить, что интеракций между этими двумя было немного – юная принцесса, проводящая дни в девичьей светелке, имеет мало причин для встреч и разговоров с предводителем королевской военной дружины. Первый раз мы видим их вместе в эпизоде, где Кримгильда требует Хагена себе в качестве приданого. Живший в ее голове идеальный образ Хагена должен был с радостью прихватить с собой идеальные образы Ортвина и Данкварта и перейти на службу к ней и ее мужу. Реакцией живого Хагена были гнев и возмущение:

Ответил Хаген гневно, услышав речи эти:

"Не вправе Гунтер уступать нас никому на свете.

Пуускай другие служат вам на чужбине дальней,

А мы, бойцы из Тронье, блюдем свой долг вассальный:

Всегда мы состояли при наших королях,

И наше место при дворе, а не в чужих краях" [2, 102].

Требование Кримгильды должно было показаться Хагену чрезвычайно обидным по ряду причин. Во-первых, он действительно был потомственным вассалом бургундских королей, и даже если принцесса имела право на какую-то часть земель и людей, то все же не на самые лучшие земли и не на самых главных вассалов. Во-вторых, Хаген фактически стоял за каждым политическим решением бургундской короны, его роль в управлении Бургундией была всем хорошо известна, тем более неуместно было требовать именно его, да еще в придачу его родичей Данкварта и Ортвина, считавшихся лучшими бойцами страны. Наконец, требование Кримгильды было просто унижительным для Хагена, потому что напрямую опиралось на факт, что Хаген и его клан были министриалами – то есть несвободными рыцарями незнатного происхождения, факт, о котором любой благоразумный или просто воспитанный человек предпочел бы не напоминать.

Но Кримгильде и этого не достаточно чтобы понять, что у Хагена свое видение себя и своего жизненного проекта. Она сразу вытесняет из памяти этот эпизод – очередной раз прибегает к репрессии, как сказал бы МакКоннелл – и

ожидает от идеального образа Хагена, чтобы он забыл про ссору с Брунгильдой, про оскорбление, нанесенное его королю и королеве, и защищал Зигфрида. Стоит Хагену выразить на словах свою верность и готовность служить, Кримгильда готова поверить безоговорочно и выдать Хагену роковую тайну. И тут ее ожидает самый страшный бунт реальности, такой болезненный бунт, что вся ее картина мира должна была бы перевернуться, тут катарсис, казалось бы, просто неизбежен. Но нет, и здесь катарсиса не произошло. Даже после убийства Зигфрида Кримгильда не видит и не понимает, с кем имеет дело. Не понимает, потому что просто не может допустить существование такого мира, где не она сама занимала бы центральное место в сознании любого человека. Хагена продолжают выдумывать и нагружать оптимистическими ожиданиями. Он не посмеет покушаться на ее сокровище (в реальности еще как посмеет, и даже дважды); он приедет в ее ловушку неготовым (в реальности он приходит к ней вооруженный до зубов и перехватывает у нее инициативу); он осознает, как он был перед ней виноват, и будет вести себя смиренно в ответ на ее оскорбления и угрозы (в реальности он отвечает ей язвительными насмешками при одобрении всех окружающих). И Кримгильдин список обид становится просто бесконечным.

Образ мышления героини наглядно демонстрирует сцена, когда она спрашивает Хагена, привез ли он ей ее клад:

*С усмешкой молвил Хаген: "Когда б я знал заране,
Что за гостеприимство вы требуете дани,
Поверьте, согласился б я по миру пойти,
Чтоб только вам, владычица, подарок привезти".
"Тут речь не о подарке – прошу я своего.
Что с кладом нибелунгов? Где скрыли вы его?
По праву им владела я в прошлые года.
Его-то и велел сам бог вам привезти сюда".
"Неужто вы забыли, что много лет назад
По воле государей увез я этот клад*

*И бросил в воды Рейна, и он пошел на дно.
Ему до Страшного суда лежать там суждено".
На это королева такой ответ дала:
"О нем все это время я много слез лила.
Он мне подарен мужем, а значит – мнила я -
Вы привезти хоть часть его должны в мои края".
"Пусть черт вам клады возит, – сказал владетель Тронье.
Уже и без того я нагружен крепкой бронью,
Щитом, мечом и шлемом, хоть из родной страны
Мной не в подарок вам они сюда привезены" [2, 252].*

Можно прочитать эту сцену так, что здесь героиня просто теряет контроль над своими эмоциями и изливает на врага свою ненависть. Можно предположить, что для нее это просто способ затеять ссору. Но судя по стилистике этого разговора, судя по тому, как она негодует: ну хоть часть клада-то вы могли с собой привезти, чтобы мне стало легче и приятнее? – складывается впечатление что она *и правда* думала, что Хагену захочется делать примирительные жесты по отношению к ней. Она, в любом случае, уже намеревалась его убить. Но ему – даже убиваемому – полагалось заботиться о ее настроении и благосостоянии!

Своего мужа Зигфрида героиня любит неистово, особенно после его смерти. Почему? Мы полагаем, что он случайным образом совпал с ее проекцией идеального мужа: красивый, сильный, могущественный, задиристый, влюбленный в нее именно такой любовью которой она ожидает от окружающих – то есть безусловным, восторженным обожанием. Кроме того, Зигфрид рано умер, а значит, не успел как-нибудь особенно заметно выломиться из рамок ее ожиданий. В ее понятиях – не предал ее. И вот она абсолютизирует свои чувства к Зигфриду, сводит к ним весь смысл своего существования, поскольку в этом разделенном чувстве заложено – и зацементировано навеки смертью Зигфрида –основание (а еще точнее - оправдание) для ее высокой самооценки. С точки зрения Кримгильды,

накопившей бесконечный список обид, все остальные люди, весь окружающий мир, не понимали и не ценили ее так, как она этого заслуживает. Понимал один Зигфрид – и во имя его она готова уничтожить весь этот недостойный окружающий мир.

Библиографический список

1. Беянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. –М.: Тривола, 2000.
2. Песнь о Нибелунгах. Пер. Корнеева Ю.Б. // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. –М: Художественная литература, 1975
3. Фромм Эрих. Душа человека. – М.: Издательство АСТ, 1964
4. Шаповалов В. А. Терминологический глоссарий основных понятий динамической психиатрии. – М.: 2010
5. Bekker Hugo. The Nibelungenlied: a Literary Analysis. – Toronto: University of Toronto Press, 1971
6. Der Nibelunge Liet. Vollständig mit Benutzung aller Handschriften herausgegeben von Karl Simrock.– Stuttgart, 1892
7. Ehrismann Otfrid. The Reception of Kriemhild// A Companion to the Nibelungenlied. –NY: Camden House, 1998. Pp 18-41
8. Gentry Francis. Kriemhild // The Nibelungen Tradition. An Encyclopedea. – NY and London: Routledge, 2002, Pp 96-98
9. Grunberger B. Narcissism. -NY, 1979.
10. Goffman Erving. On Face work // Interaction Ritual: Essays on face-to-Face Behaviour. – Garden City, NY: Doubleday, 1967. Pp 5-45
11. Haymes Edward. The Nibelungenlied: History and Interpretation. –Chicago: The University of Illinois Press, 1986.
12. McConnell Winder. The Nibelungenlied. –Boston: Twayne Publishers, 1984
13. McConnell Winder. The Nibelungenlied: a Psychological Approach // A Companion to the Nibelungenlied. –NY: Camden House, 1998. Pp 172-205
14. McGlathery James. Erotic Passion in the Nibelungenlied and Wagner's Ring des Nibelungen // A Companion to the Nibelungenlied. –NY: Camden House,

1998. Pp 206-228

15. Weber Gottfried. Das Nibelungenlied: Problem und Idee. – Stuttgart, 1963.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81; 81-23

Лебедева И.В., Фролова Ю.С.
О роли неологизмов в современных языках

About the role of neologisms in modern languages

Фролова Юлия Сергеевна
usfro@mail.ru

Лебедева Ирэна Валерьевна
irenalebedeva@mail.ru

Каспийский институт морского и речного транспорта

Frolova Yulia
Lebedeva Irena
Caspian Institute of Sea and River Transport

Аннотация. Данная статья рассматривает неологизмы в современном языке как вполне логичное явление, присущее каждому языку в разные периоды. Особое внимание уделяется новейшим заимствованиям. Авторы приводят примеры появления неологизмов не только в русском языке, внимание уделяется также особенностям заимствований в немецком и даже новейшим тенденциям поведения таких слов. Авторы также обращают свое внимание и на заимствования в английском языке.

Abstract. This article considers the borrowing in the modern language as a quite logical phenomenon inherent to each language in different periods. Particular attention is paid to the latest borrowings. The authors provide examples of borrowings not only in the Russian language, the attention is paid to the peculiarities of borrowings in the German and even the latest trends in the behavior of such words. The authors are also paying their attention to the borrowings in English.

Ключевые слова / Keywords: заимствования, неологизмы, современные языки, английский язык, borrowings, neologisms, modern languages, English language

Процессы глобализации, развитие техники, общение на международном уровне, тесные деловые и культурные контакты современного мира являются причиной появления неологизмов в разных языках и русский язык не является исключением в этом случае.

Вместе с их появлением у многих носителей русского языка возникает вполне закономерный вопрос о целесообразности их использования в

повседневной речи. Этот вопрос связан с проблемой использования заимствованных слов в современной русской речи в целом, безотносительно изменений последнего времени.

В мире практически не существует языков, лексика которых ограничивалась бы только исконными словами. Заимствования - естественный результат языковых контактов, взаимоотношений разных народов и государств. Заимствованные слова есть в каждом языке, и необходимость их в целом ни у кого не вызывает сомнений. Однако сейчас мы говорим о новых заимствованиях. Ведь буквально в наши дни появились и получили распространение такие слова, как лайнер, лазер, нейлон, глобализация, эскалация, догхантер, юзер, лайкнуть, контент, дайвер, руфер, троллинг, бэкграунд, хейтер, фидбэк, кейвер, скайдайвинг, чип, аниматор, аэробика, девелопер и многие другие. Внедрение этих слов в язык способствует привыканию к элементам «чужого» и последующему превращению их в «свое» [3].

Лексический состав каждого языка претерпевает постоянные изменения. Эта изменчивость обусловлена тем, что язык и его словарный состав, непосредственно связаны с различными видами деятельности человека. Поскольку язык отвечает за общение, его словарный состав должен быстро реагировать, отражать и фиксировать изменения, происходящие во всех сферах жизни и деятельности людей: в производстве, в науке, в мировоззрении, в общественно-экономических отношениях, в быту. Лексический состав любого языка является наиболее подвижной и быстро развивающейся его частью. Лексика является особенно чувствительной ко всем изменениям в истории народа – носителя этого языка, и не только к изменениям экономического уклада, но и ко всяким изменениям в производстве, культуре, науке, быту и так далее.

В последние десятилетия в нашем языке появились совершенно новые иностранные слова, такие как кемпинг, сервис, мотель, круиз, комикс, детектив, хайтек, хобби.

К заимствованным словам в литературном языке предъявляется ряд требований. Заимствование должно быть, во-первых, необходимым - то есть таким, без которого нельзя обойтись. Обычно это связано с заимствованием названий вещей, предметов или понятий, существующих в другом языке, у других народов. Любое заимствование без особой необходимости приводит к злоупотреблению иноязычными словами и засорению родного языка. Во-вторых, иноязычное слово должно употребляться правильно и точно в том значении, какое оно имеет в языке-источнике (особенно это относится к новым заимствованиям). Новое иноязычное слово должно быть понятно говорящим и пишущим. Однако степень понятности новых слов крайне относительна и исторически обусловлена. Понятные специалистам слова могут быть неясными для большинства носителей языка. А также то, что непонятно многим сегодня, может стать в последствии ясным и привычным для большинства.

Язык заимствует не только обозначения новых вещей и понятий, таких как, комбайн, мотороллер, апартеид, но также и такие слова, значение которых совпадает со значением исконно русских слов. Сервис, хобби, дайвер и многие другие относятся к разряду таких слов. Эти слова сохраняются в употреблении вовсе не на правах дуплетов, которые полностью повторяют смысл соответствующих русских слов, а отличаются некоторыми оттенками звучания и стилистической окраской. Например, слово «сервис» обозначает не только обслуживание, оно подразумевает «обслуживание бытовых нужд населения»; слово «хобби» несет в себе семантические особенности сразу нескольких названий: это и увлечение, и страсть, и конек, и любимое занятие. Однако, ни одно из этих слов в отдельности не выражает полностью всего объема значения, присущего иноязычному существительному. Сегодня еще рано утверждать, что эти слова вполне освоились в русском языке. Стоит обратить внимание на их морфологические особенности и на произношение: хобби не склоняется, второе же слово мы произносим сэрвис, а не как это принято в русских словах - сервис. Впрочем, как показывает опыт, это не мешает иностранным словам занимать прочные позиции в языке. Слова круиз, мотель и

кемпинг появились в русском языке сравнительно недавно. Назвать их вполне освоенными тоже еще нельзя. В отличие от таких слов, как лагерь, турист или рейс, они не во всех случаях и не для всех могут быть понятны.

Неоднозначно выглядит также ситуация с иноязычными словами и в немецком языке. Значительна доля заимствованных слов, пришедших в немецкий язык из лексики других языков и полностью ассимилировавшихся, что наблюдалось уже во время формирования немецкого языка, когда большую часть заимствованной лексики составляли слова из латинского и греческого языков (Bibliothek, Chor, Charakter, Kirche).

Заимствования из английского языка можно встретить сегодня в языковых реалиях, касающихся всех сфер деятельности человека:

- из науки и техники: Logarithmus, experimental;
- из политики: Agitator, Interview, Parlament, Meeting;
- из спорта: Box, Hockey, Sport, Trainer;

Нужно также отметить, что в немецкий язык проникают не только английские, но и американские слова, что находит всё большее распространение в последнее время (Businessman, Job, Jeans).

Анализируя фактический материал, можно прийти к выводу, что иностранные слова, в частности, англоамериканизмы, встречаются в немецком языке чаще всего либо для обозначения компьютерных терминов, либо технических устройств, появившихся недавно (der Monitor, der Computer, das Internet, die Kamera, die Dolby-Anlage, das Notebook, das Handy). Однако наблюдается тенденция употребления иностранных слов в области обозначения продовольственных продуктов (die Pizza, die Carrywurst mit Pommes, Cola), одежды (baggy Jeans, Pulli), жилья (Flat, Flatrate), профессий (Gangster), абстрактных понятий (Happiness) действий, выраженных именами существительными (Mailen, Chatten). Большую часть иностранных слов составляют имена существительные, однако число заимствованных глаголов, наречий и даже междометий тоже велико. Глаголы обозначают чаще всего действия, связанные с функционированием компьютерных программ,

Интернета и действий пользователей в сети (chatten, adden, surfen, downloaden, disconnecten), однако в глагольных заимствованиях затрагиваются и другие сферы деятельности человека (joggen, killen). Наречия англоамериканского происхождения обозначают сферу компьютеров и техники (internetlos, digital), а также эмоциональную сферу (happy, geil, cool), внешность и качества человека (sexy, unfair).

Функционируя в немецком языке, заимствования подвергаются ассимиляции, т.е. уподобляются системе немецкого языка по его правилам [1,107]. Различают фонетическую, морфологическую и орфографическую ассимиляцию. *Морфологическая ассимиляция* заключается в уподоблении иностранных слов грамматической системе заимствующего языка [1,107]. Данный вид ассимиляции находит ярчайшее проявление в исследуемых авторами заимствованиях и наблюдается:

1) в появлении рода и артиклей у существительных (das Internet, das Handy, die Flat). В английском языке род существительного – категория семантическая, род определяется в зависимости от контекста; в немецком же языке род является морфологической категорией, и род существительного определяется артиклем. Поэтому существительные, заимствованные из английского языка в немецкий, получают род по аналогии с немецким эквивалентом и употребляются с соответствующим артиклем. К таким существительным относятся заимствования *das Internet* – от *das Netz*, *die Flat* – от *die Wohnung*. Встречаются случаи колебания рода у заимствованных существительных, например, заимствование *die Mail* – от *die Post* и *der Mail* – от *der Brief*. Это явление говорит о частичной морфологической ассимиляции данных иностранных слов.

2) в приобретении заимствованными существительными типичных для немецкой грамматической системы флексий множественного числа: *solche adderinnen wie du sind ja gefährlich* :)

Однако данному типу ассимиляции подвергаются не все лексические единицы. Многие англоамериканские заимствования получают во

множественном числе типичную для английского языка флексию –s (однако для некоторых немецких существительных флексия множественного числа –s также характерна, это наблюдается чаще всего во множественном числе сокращённых имён существительных как Oma – Omis, Kuli-Kulis)

3) в склонении заимствованных имён существительных по падежам.

4) в прибавлении английским глаголам традиционной для немецких глаголов флексии –en в начальной форме (chatten, mailen, killen). Ассимилированные глаголы спрягаются в немецком языке как слабые во всех временных формах и в пассиве и принимают соответствующие личные окончания. Морфологически ассимилированные глаголы образуют также форму Partizip II по типу слабых глаголов с прибавлением префикса ge- и суффикса –t (chatten-gechattet).

Об англицизмах в немецком языке и об их неординарных трансформациях пишет англичанин Адам Флетчер в своем бестселлере «Как стать немцем». В своей книге он отмечает как часто мы встречаем в немецком языке английские слова с немецкими окончаниями и иронизирует по поводу частотности их употребления «... было бы понятно, если бы такие слова употреблялись ленивыми маркетологами с целью языковой экономии ...или в качестве слоганов с целью придания им яркости и экзотичности» [6, 56]. Однако не этот факт повергает его в ужас, более страшным видится автору употребление английских слов в немецком языке с сохранением английской орфографии и даже английского окончания прошедшего времени, но добавлением при этом немецкой приставки в середине слова. Немецкая приставка ge-, рассматривается автором как акт патриотизма, как контрабанда или как триумф немецкого в уже почти проигранной войне за чистоту языка.

Традиционно английский язык является источником формирования заимствования в других языках, однако и сам английский язык также подвергается трансформациям. Так, например, по мнению известного британского журналиста Мэтью Энгела, некоторые американизмы представляют угрозу самобытности английского языка. Об этом он пишет в

статье, опубликованной на сайте BBC News [5]. Проводя небольшой экскурс в историю британо-американских отношений, он отмечает, что достижения американцев в технологической, экономической и культурной областях способствовали появлению многих американизмов. Однако, по его мнению, эти достижения не должны стать поводом для бессмысленного и даже уродливого предпочтительного употребления американизмов вместо их равноценных английских эквивалентов в британских СМИ и их проникновения в повседневную речь англичан. По словам Энгела, они все чаще используют *rookie* (амер.) вместо *newcomer* (англ. новичок), *elevator* (амер.) вместо *lift* (англ. лифт), *wrench* (амер.) вместо *spanner* (англ. гаечный ключ), *apartment* (амер.) вместо *flat* (англ. квартира) и *freight train* (амер.) вместо *goods train* (англ. товарный поезд) и т.д. [5].

Энгел признает наличие силы и живости некоторых выражений американского происхождения. При этом он отмечает, что небрежность англичан в отношении к родному языку часто приводит к исчезновению характерных английских фразеологизмов. «Мы позволяем британскому варианту английского языка засыхать», - пишет Энгел. Отличие Британии от Соединенных Штатов должно сохраняться, как должен сохраняться британский английский, подытоживает автор[5].

Нам понятны опасения Энгела и многих других авторитетных экспертов в этой сфере, однако также стоит отметить, что наряду с негативными моментами, связанными с появлением заимствованных слов в языках, заимствование представляет собой вполне закономерный путь обогащения любого языка.

Библиографический список

1. Искоз А., Ленкова А. Лексикология немецкого языка. – Ленинград: Просвещение Ленинградское отделение, 1970. – 296с.
2. Комлев Н. Г. Иностранные слова и выражения. - М.:Слово,1999.
3. Приорова И.В., Лебедева И.В. Прагматическая десемантизация грамматической формы в современном словотворчестве: свое/чужое //

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (33). С. 273-278.

4. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. «Современный русский язык». - М.: Рольф, 2001.
5. Энгел М. Американизмы: угроза самобытности английского языка? [Online] http://www.bbc.com/russian/learning_english/2011/07/110722_americanisms
6. Adam Fletcher: „Wie man Deutscher wird“. In 50 einfachen Schritten. Aus dem Englischen von Ingo Herzke. Verlag C. H. Beck, München 2013. 73 S.

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'373.47

Кузьмина А.В., Муратова И.В. МИФ как единица «наивного литературоведения» в лексиконе современного школьника

***Myth* as an element of “naïve literary studies” in lexis of contemporary schoolboy**

Кузьмина Алла Васильевна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт – Петербург

alla.kouzmina@gmail.com

Муратова Ирина Васильевна

Лицей № 101, Санкт - Петербург

irina.v.mur@gmail.com

Kuzmina Alla Vasilievna

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Muratova Irina Vasilievna

Lyce'e 101, St. Petersburg

Аннотация. В статье представлены результаты изучения «наивного литературоведения» как фрагмента лексикона языковой личности. Объектом исследования является *миф* как единица «наивного литературоведения». Предмет исследования – специфика ассоциативного потенциала рассматриваемого элемента в языковом сознании современного школьника.

Abstract. The article deals with the results of study of “naïve literary studies” as a part of lexis of linguistic identity. The object of research is *Myth* as an element of “naïve literary studies”. The subject of research is the peculiarities of associative potential this element in linguistic identity of contemporary schoolboy, common knowledge.

Ключевые слова / Keywords: «наивное литературоведение», лексикон, языковая личность, ассоциативно-вербальная сеть, обыденное знание, “naïve literary studies”, lexis, linguistic identity, verbal associative network

Представленная статья продолжает серию публикаций, в которых отражаются результаты исследования «наивного литературоведения» как фрагмента лексикона языковой личности [3, 7].

Под **«наивным литературоведением»** мы понимаем комплексное образование в лексиконе языковой личности, включающее в себя два взаимодополняющих вида знания:

1) общесистемные значения терминов литературоведения, усвоенные в той или иной степени в ходе школьного образования, и

2) неязыковые знания о литературоведческих терминах, полученные в результате всего речевого опыта, накопленные языковой личностью в процессе общения и речемыслительной деятельности.

При этом «наивное литературоведение» не является «примитивным литературоведением»: аккумулируя практические (жизненные) и теоретические (школьные) знания о литературе как искусстве слова, оно отражает пересечение и сосуществование научного и бытового знания в лексиконе языковой личности.

Эта проблема взаимоотношения «научного» и «наивного» литературоведения пересекается, на наш взгляд, с широко обсуждаемым в современной лингвистике вопросом о соотношении разных видов знаний (языкового и неязыкового) в значении слова. Как отмечает А.А. Залевская, «в последнее время на смену воинствующей нетерпимости ко всему не согласующемуся с логикой и аксиоматикой привычных постулатов приходит признание того, что на самом деле грань между «научным» и «ненаучным» знанием не является непроходимой» [1, с.12]. Благодаря этому подходу особую актуальность приобретает изучение «обыденного знания», которое понимают как «знание жизненнопрактическое, не получившее строгого концептуального, системно-логического оформления, не требующее для своего усвоения и

передачи специального обучения и подготовки и являющееся общим непрофессиональным достоянием всех членов сообщества» [5, с. 24].

Таким образом, уровень владения единицами «наивного литературоведения» определяется не только и не столько объёмом и качеством специальных знаний, которыми обладает носитель языка: «это именно средние знания, свойственные грамотному читателю и включающие сведения, которые с раннего детства формируются ... школой» [2, С.75]

Исследование лексикона языковой личности имеет определённую сложность, так как он недоступен прямому наблюдению. В качестве одного из методов изучения выступает ассоциативный эксперимент, а в качестве исследовательского материала – статьи «Русского ассоциативного словаря» и ассоциативные поля базовых единиц «наивного литературоведения», полученные в результате проведённых нами ассоциативных экспериментов (направленных и свободных) [7].

Испытуемыми в ассоциативных экспериментах выступали студенты первых курсов. Следовательно, полученные ассоциативные поля отражали языковое сознание в большинстве случаев уже сформированных языковых личностей студентов.

Поскольку «наивное литературоведение» формируется в процессе и речевого, и общего развития личности, отражая индивидуальный культурный опыт и запас накопленных знаний, для нас особенно интересным было выявить то, что представляет собой этот фрагмент языковой личности на начальном этапе своего формирования, когда накопленные «научные» и «наивные» знания ещё минимальны.

Решение данной исследовательской задачи требовало обращения к языковому сознанию школьника. В связи с этим мы целенаправленно провели свободный ассоциативный эксперимент среди 100 учеников 6-ых классов петербургских школ, попросив их привести свои ассоциации к определённому списку слов, среди которых было слово-стимул *миф*. Полученные в ходе

эксперимента данные позволили составить следующее ассоциативное поле (поле приводится с соблюдением авторской орфографии):

МИФ: интересный 25; Геракл, древний, история 14; Греция 12; легенда 11; сказание 10; выдумка, древнегреческий 6; герой, поучительный, старый 5; бог, древность, захватывающий, сказка, страшный 4; античный, вымысел, герои, греческий, загадочный, известный, короткий, необычный, нереальный, подвиг, познавательный, фантастический 3; Афина, вымышленный, длинный, загадка, Одиссея, предание, представление, рассказ, сложный, сражаться, страх, таинственный, Фазиль Искандер 2; античность, Афродита, бояться Гаргоны, буква, бумага, в школе, воображение, враньё, времена Древней Греции, Геродот, героический, героичный, гипербола, гром не природное явление, думать, Египет, заволаживающий, запоминается, зачитываться, знание, интригующий, Кентавр, красочный, люди и мир, Минотавр, мифология, мифы Греции, многовековой, на литературе проходили, народ старой Греции, небольшой, непонятный, объяснять, Одессей, олицетворение, папирус, передаётся из уст в уста, побеждать, понятный, потрясающий, реальный, Рим, Римская империя, сказ, смелый, со смыслом, спасать, старина, увлекательный, удивляет, услышать, устрашающий, учит, читать и представлять, чудеса, Эллиада, языческий 1.

Прежде всего, хочется отметить, что полученное ассоциативное поле слова-стимула **миф** повторяет практически все характерные особенности, свойственные ассоциативным полям базовых терминов литературоведения, формирующих «наивное литературоведение» как фрагмент ментального лексикона [3]:

1. Чётко выраженная ядерно-периферийная структура. Ядро формируется наиболее частотной реакцией *интересный (25)*, которая встречается у каждого четвертого из опрошенных. Околоядерная зона ассоциативного поля «*миф*» в языковом сознании школьника образуется такими ассоциатами, как *Геракл, древний, история 14; Греция 12, легенда 11, сказание 10.*

2. В реконструированном фрагменте языкового сознания школьников выявляются все три вида отношений между его единицами. Необходимо отметить то, что единицы анализируемого ассоциативного поля проявляют способность выстраивать парадигматические отношения как с собственно литературоведческими терминами, так и с общелитературной лексикой:

- парадигматические связи: *миф – легенда, сказание, предание и миф – вымысел, античность, знание;*

- синтагматические связи: *миф – интересный, древний, древнегреческий, поучительный, старый* и т.д.;

- деривационные связи: *миф – мифология.*

3. Проявившиеся в анализируемом фрагменте ассоциативно-вербальной сети парадигматические связи демонстрируют наличие ассоциатов литературоведческого характера: *миф – легенда 11; сказание 10; сказка 4; предание, рассказ 2; гипербола, мифология, олицетворение, сказ 1.* Имеющие различную частотность в рамках ассоциативного поля, подобные реакции эксплицируют реальное существование в пространстве «наивного литературоведения» определённой части литературоведческой системы. Однако эта частично воспроизведённая система терминов заметно отличается от той строгой иерархии, которая свойственна литературоведению как науке.

4. Одной из характерных особенностей «наивного литературоведения» как фрагмента лексикона является наличие реакций, связанных с персониферой [6]: ассоциативные поля всегда хранят в себе связанные со словом-стимулом прецедентные феномены, а также имена и фамилии известных деятелей литературы и искусства. Удивительно, насколько широким для учеников 6-ых классов оказался круг этих ассоциаций, своеобразных «булавок культуры»: *миф – Геракл 14; Афина, Одиссея, Фазиль Искандер 2; Афродита, бояться Гаргоны, Геродот, Кентавр, Минотавр, Одессей, Эллиада 1* (авторская орфография сохранена).

Отметим ещё раз: анализ ассоциативного поля слова-стимула *миф*, эксплицирующего языковое сознание современных школьников, позволяет

говорить о том, что в целом сама модель ассоциативного поля повторяет характерные особенности ассоциативно-вербальной сети, закреплённой за «наивным литературоведением» в языковом сознании современных студентов. Однако наблюдаются и отличия в ассоциативных полях.

Не вызывает сомнений тот факт, что каждое слово, организующее ассоциативное поле, является своеобразным отражением нашего видения окружающего мира. Очевидно также и то, что каждое слово в пространстве ассоциативно-вербальной сети – это вербальное зеркало нас самих в окружающей нас действительности. Именно поэтому *миф* в языковом сознании современных студентов отличается от *мифа* в ассоциативно-вербальной сети современных школьников: мы используем одно и то же слово, мы говорим об одном и том же, но видим в зеркале ассоциаций разное.

Рассуждая об особенностях мировосприятия ребёнка, А.А. Леонтьев особо подчёркивал, что «образ мира у ребёнка – это не абстрактное, холодное знание о нём. Это не знания ДЛЯ МЕНЯ: это МОИ знания. Это МИР ВОКРУГ МЕНЯ: это мир, ЧАСТЬЮ которого являюсь и который так или иначе ПЕРЕЖИВАЮ И ОСМЫСЛЯЮ ДЛЯ СЕБЯ» [4, с. 349]. Иными словами, это одновременно и образ мира, и само отношение ребёнка к миру.

В языковом сознании ребёнка любое слово окрашено в детское переживание мира. Поэтому главной отличительной особенностью языкового сознания школьника является то, что за каждым словом мы видим самого ребёнка. Именно это и отразилось в ассоциативном поле слова-стимула *миф*. Если мы рассмотрим анализируемое ассоциативное поле с точки зрения структурно-содержательного подхода, то убедимся в том, что большинство слов-реакций имеет синтагматический характер. Не случайно, ядерной единицей ассоциативного поля выступает реакция *интересный*, которая встречается, повторимся, у каждого четвёртого из опрошенных шестиклассников.

Каким же видится *миф* современному школьнику? Среди синтагматических слов-реакций, обладающих эмоционально-оценочным

зарядом и отражающих удивительный мир детских переживаний, выделяются следующие: **миф** - интересный 25; поучительный 5; захватывающий, страшный 4; познавательный, фантастический 3; завораживающий, интригующий, красочный, потрясающий, со смыслом, увлекательный, устрашающий. Такое богатство чувств и положительных эмоций нам ещё нигде не встречалось за пятнадцатилетний опыт исследовательской работы, посвящённой выявлению «наивного литературоведения».

Особо отметим синтагматические реакции глагольных конструкций: **миф** – сражаться 2; бояться Гаргоны, думать, запоминается, зачитываться, объяснять, передаётся из уст в уста, побеждать, спасать, удивляет, услышать, учит, читать и представлять. Конечно, реакций этих не так много, что говорит о том, что они относятся к периферийной зоне ассоциативного поля, но нельзя пройти мимо и не обозначить положительный прагматический компонент, содержащийся в значениях большинства этих глаголов: это тоже то вербальное зеркало, в котором отражается языковое сознание современного школьника. Интуитивно выбранные школьниками инфинитивные формы (*сражаться 2, бояться Гаргоны, побеждать, спасать*) не только демонстрируют соотнесённость этих глаголов с действиями и поступками героев мифов, но и эксплицируют ещё существующую в детском сознании сопричастность художественной действительности.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. **Миф** как единица «наивного литературоведения» в лексиконе современного школьника представлена ассоциативным полем, которое в целом повторяет модель структуры поля единиц «наивного литературоведения» (ядерно-периферийная структура, основные виды отношений между единицами, мозаично отражённая система литературоведческих терминов, элементы персониферы).

2. Ассоциативное поле слова-стимула **миф** позволяет увидеть не только то, как понимается современным школьником эта единица «наивного

литературоведения», каков её ассоциативный потенциал, но и то, как она ПЕРЕЖИВАЕТСЯ и ОСМЫСЛЯЕТСЯ ребёнком.

Библиографический список

1. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования / А.А. Залевская. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1992. – 135 с.
2. Костомаров В.Г. Американская версия лингвострановедения (обзор концепции «литературной грамотности») // Русский язык за рубежом. – 1989. – №6. – С. 72-80.
3. Кузьмина А.В. Особенности полевой структуры «наивного литературоведения» как фрагмента лексикона языковой личности (на материале «Русского ассоциативного словаря») // Путь науки. – 2015. – № 7. – С. 29-33.
4. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.
5. Пукшанский Б.Я. Обыденное сознание: Опыт философского осмысления / Б.Я. Пукшанский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 152 с.
6. Хазагерев Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. – 2002. – № 1. – С. 33-45.
7. Швец А.В. «Наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук / А.В. Швец. – СПб., 2005. – 201 с.

УДК 811.161.1

Плесканюк Т.Н. Текстовая категория связности и языковые средства ее выражения

Text category of cohesion and linguistic means of its expression

Плесканюк Татьяна Николаевна
Нижегородский институт управления РАНХиГС

Pleskanyuk Tatyana Nikolayevna
Nizhny Novgorod institute of public and business administration

Аннотация. Связи языковых единиц в тексте объясняют отличие простого соположения предложений от связного текста. Текстовые связи – особые виды связи, обеспечивающие логическую последовательность (темпоральную, пространственную) и взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий. Словообразовательная связность выделяется в качестве особого типа в системе языковых средств выражения связности.

Abstract. Relations of language units in a text explain the difference between simple juxtaposition of sentences from a coherent text. Text coherence is special communication, which provides a logical sequence (temporal, spatial) interdependence and individual messages, facts, actions. Derivational connectivity stands out as a special type in the language system by means of connectivity expression.

Ключевые слова / Key words: текст, целостность, коммуникативная связность, семантическая связность, структурная связность, словообразовательная связность, text, integrity, communicative coherence, semantic coherence, structural coherence, derivational connectivity

В настоящее время очевидно, что построение лингвистической теории текста невозможно без изучения связей предложений в тексте как единого целого. Именно связи языковых единиц в тексте объясняют отличие простого соположения предложений от связного текста. Текстовые связи – особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность (темпоральную, пространственную; взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий) [2].

Несмотря на неоднократное обращение лингвистической науки к таким категориям текста как связность и целостность, интерес к изучению этой проблемы в различных языках отнюдь не ослабевает, и вопрос установления видов связи между высказываниями в тексте является одним из актуальных направлений функциональной лингвистики.

Среди исследователей нет единого мнения в определении сущности текстовых категорий и единиц, в подходе к их классификации. Однако в вопросах, касающихся деления этих категорий на структурные и содержательные, точки зрения большинства исследователей (Т.Н. Николаева, И.Р. Гальперин, О.Л. Каменская и др.) совпадают. Комплексное изучение плана содержания и плана выражения категорий текста прослеживается в работах таких лингвистов, как Т.А. Бочкарева, Н.Д. Зарубина Н.В. Малычева З.Я. Тураева и др. Категории текста описываются преимущественно с опорой на

сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, рассматриваемые как единицы языка.

Текстовая категория является одним из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющих собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (компаративными) средствами. Категории текста отражают его «наиболее общие и существенные признаки и представляют собой ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков» [11]. Описание категорий текста и их взаимодействие нацелено на то, чтобы, охарактеризовав каждую выявленную связь элементов системы отдельно, получить обобщенную характеристику всей системы, т.е. текста как целого, путем соединения знаний об этих элементах [8]. На наш взгляд наиболее убедительной дефиницией текстовой категории является определение Т. В. Романовой, которая под категорией текста подразумевает «совокупность языковых средств для выражения определенных инвариантных семантико-функциональных значений, коррелирующихся отношениями объективной действительности (или денотативной ситуацией)» [10].

Общепризнано, что базовой категорией текста является **связность**, которая предполагает связь, объединение текстовых элементов в одно целое, затрагивая разные стороны организации речевого произведения. В кругу вопросов, связанных с характеристикой текста, предполагающей всестороннее освещение данного феномена, вопрос о связности считается одним из основных. Это объясняется тем, что текст как объект лингвистического исследования представляется, прежде всего, как информационное и структурное единство, как функционально завершенное речевое целое. Именно это качество текста в настоящее время определяет достаточно четкие закономерности текстообразования.

Связность, являющаяся основным конструктивным признаком текста, отражает содержательную и структурную сущность текста. При этом исследователи, в частности, различают локальную связность и глобальную

связность. Локальная связность – это связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств). Глобальная связность – это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю цельность.

Локальная связность определяется межфразовыми синтаксическими связями (вводно-модальными и местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и др.).

Глобальная связность (она приводит к содержательной целостности текста) проявляется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты.

Связующим элементом текста на уровне содержания является и авторская оценка и осмысление отображенных предметов, связь авторского замысла и композиции, авторская позиция. Все это связано с целеустановкой текста и ее реализацией в стиле, в формах представленности в тексте авторства. Авторская модальность скрепляет все элементы содержания текста. Для художественного текста это «образ автора» (по терминологии В.В. Виноградова), для текста нехудожественного – это авторская концепция, точка зрения. Нет этого – нет и смыслового единства текста, его цельности. Организация речевых средств для передачи содержания под углом зрения, отражающего авторскую позицию, и определяет целостность текста.

Связность – это явление не только смысловое. Связность текста проявляется через внешние структурные показатели, через формальную зависимость компонентов текста. Она «проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция» [5]

Для обозначения связности текста в лингвистической литературе употребляются также термины *когезия* и *когерентность*. Под *когезией* обычно понимают связь частей внутри целого, в том числе языковых единиц внутри высказывания, текста. При этом когезия понимается как вид связи между элементами текста, тогда как когерентность – свойство связности текста в

целом. Под *когеренцией* понимается «смысловая связь предложений, в то время как показатели структурной связности в тексте могут не всегда проявляться» [6]. Термин «когерентность» закрепился во многих трудах отечественных исследователей, хотя М.Л. Макаров считает, что данный термин является неточным употреблением, так как в русской терминологической традиции для латинской основы этого типа нормативным будет слово, оканчивающееся на *-енция*, что подтверждается и параллелями из новых европейских языков (англ. coherence, conference, audience, нем. Kohärenz, Konferenz, Audienz и др.). Однако, как показал анализ отечественной лингвистической литературы в русском языке, чаще употребляется термин *когерентность*, нежели *когеренция* [4].

Понятию когерентности как глобальной связности должно быть противопоставлено понятие когезии (от лат. cohaesi – «быть связным») как связности локальной. Локальная связность – это связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств), которая определяется межфразовыми синтаксическими связями и осуществляется при помощи ряда элементов связи на уровне микроструктур, под которыми понимаются «элементы, осуществляющие семантическую связь между двумя или несколькими соседними предложениями» [13]. Так, категория локальной связности текста может быть выражена при помощи повтора элементов текста с одинаковым объектом референции, но различными формами лексической реализации (субституции), дословного повтора однажды упомянутого элемента в последующем тексте (рекурренции), дейктических элементов, конъюнкции, эллиптических структур и синтаксического параллелизма.

В широком смысле слова, когезия есть семантическая категория, «она относится к соотношению значений, существующих в тексте и определяющих текст... Когезия представляет собой набор связей значения, общий для всех типов текстов, то, что отличает текст от «не-текста» и соотносит, связывает отдельные значения текста друг с другом» [12]. И.Р. Гальперин определял когезию как «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую

последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [2].

В более узком понимании когезия есть только локальная связность, – связность линейного типа, выражаемая формально, преимущественно языковыми средствами. Она базируется на местоименной субституции, лексических повторах, наличии союзов, соотнесенности грамматических форм и др. Одной из основных функций когезии в тексте является установление последовательности различных языковых знаков, их смыслов и форм; когезия скрепляет такую последовательность в одно отдельное целое.

Понятия когезия и когерентность принадлежат к основным понятиям теории текста. Они считаются определяющими, строительными характеристиками текста, необходимым условием текстуальности. Однако подход к данным понятиям, их определение и применение в разных концепциях расходятся. В одних работах эти понятия употребляются в качестве синонимов, в других им свойственны дифференциальные признаки. Говоря о соотношении когезии и когерентности в структуре текста, чешский исследователь Л. Воборжил отмечает, что понятие когерентности по большей части применяется к содержательной (тематической) стороне текста, это глобальная организация содержания текста, для которой особое значение имеет коммуникативная ситуация и набор знаний отправителя и получателя текста. Когезия же, наоборот, является глобальной организацией выражения текста, это «видимое» сцепление единиц текста с помощью средств отдельных языковых уровней. Когезия вторична по отношению к когерентности, так как последняя может формально не проявляться «на поверхности» [1]. Другой исследователь, Ф. Данеш, на мнение которого ссылается Л. Воборжил, рекомендует использовать термин когезия в связи со средствами выражения, а когерентность по отношению к широкому кругу семантических связей. По мнению О.И. Москальской, когерентность текста есть результат взаимодействия логико-семантического, синтаксического и стилистического видов когезии [5].

Итак, категория связности как один из основных признаков текста

проявляется на уровне как когерентности, так и когезии, благодаря чему все компоненты текста непосредственно или опосредованно взаимосвязаны и структурированы в единое целое.

Смысловая, коммуникативная и структурная связность текста.

Смысловой уровень связности текста выражается, прежде всего, единством его темы (отношения знака к объекту, к референции). Под темой мы понимаем смысловое ядро, «обобщенный концентрат», всего текста [7]. В лингвистической литературе такое понятие чаще всего называется *гипертемой*. Гипертема складывается из подтем, но не представляет собой их суммы. Развитие гипертемы дает развертывание и побочных тем, нередко выступающих как детализация, конкретизация основной темы.

Содержание темы складывается из набора семантических признаков повторяющихся слов в отношении дополнительности. Так, во фрагменте текста И.С. Тургенева: *Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром; она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное – мирно всплывает над узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман,* – отношением дополнительности связаны тема текста: *прекрасный июльский день* и средства ее развития: *раннее утро ясно; утренняя заря разливается кротким румянцем; солнце – не огнистое, не раскаленное, не тускло-багровое, но светлое и приветно-лучезарное.* Детализация темы наряду с синтаксическими средствами языка (противопоставление определений, словосочетания) передается и словообразовательными единицами *утро, утренняя (заря), тускло-багровое, приветливо-лучезарное.* В такой трактовке тема есть смысл, составные компоненты которого актуализируются на протяжении всего текста или его фрагмента. Детализация и конкретизация темы нередко фиксируется синтаксическими средствами. Синтаксическая сигнализация, как правило, служит актуализации локально значимой

информации.

Одним из способов выражения темы являются сигналы смены темы, то есть перехода от одной темы к другой. Маркерами смены темы могут выступать языковые средства, обозначающие изменение события, состояния, изменение времени, места, ввод новых участников ситуации, вторичный ввод уже известных участников ситуации, изменение перспективы изложения, точки зрения и т.п. Связи таких единиц могут выражаться с помощью коннекторов – наречий, частиц, составных предлогов.

Например, во фрагменте текста: *...на солнце все оживает: и трава, и лес, и люди тоже...Да-а, я вон деранул из хазы одной, совсем доходил на вокзалишках. Дуба дал бы, да попал в один поезд. Он повез меня, повез и в Крым привез. А там солнца-а! Народу-у! С ходу два скачка сделал. Нашамался – во!..Лафа!* (В. Астафьев) – языковыми средствами, обозначающими изменение темы «на солнце все оживает», являются глагол *доходил* и фразеологизм *дуба дал бы*, наречное нечленимое предложение *Лафа!* (*Поезд*) *повез, повез и в Крым привез* – повтор одноосновных глаголов и коннектора – имени собственного – передают изменение места пребывания персонажа. В создании речевой характеристики героя автор широко использует и словообразовательные средства *вокзалишки*, *нашамался*.

Основная тема, или гипертема, обычно формулируется в виде семантического ввода. Контекст, как правило, сигнализирует о предполагаемых выводах. В исследовании учитывалось, что поскольку пользование языком предполагает внесение говорящим различных знаний, убеждений, то в процессе интерпретации темы могут быть сделаны различные выводы. Для ограничения таких личностных вариаций говорящих используются специальные средства. Прежде всего, это эксплицитное выражение темы текста, которое может быть в его начале, конце или в начале и конце соответствующих эпизодов и абзацев.

Тематические выражения могут иметь различную протяженность от последовательности предложений до отдельных предложений, фраз или слов.

Расположение тематических выражений зависит от их семантических функций. В начале фрагмента текста они помогают читателю сформировать гипотезу относительно темы текста или эпизода, чтобы последующие предложения были интерпретированы по отношению к этой теме. В конце абзаца тематические выражения служат для проверки, припоминания и коррекции уже выведенной читателем темы.

Тематическая прогрессия, как проявление текстовой структуры, является комплексом ключевых слов, которые представляют собой основу построения текста. При этом референция (обозначение предмета речи) является условием для существования кореферентности, которая понимается как референциальное тождество, с помощью которого именные фразы соотносятся с одним и тем же внеязыковым объектом или явлением реальности. Способы кореференции – самые различные.

Кореференция относительно одного объекта:

Портрет в овальной золоченой раме. Очень молодая женщина в черном глухом платье, с чудесными волосами красноватого каштана. На тонком бледном лице большие голубые глаза в радостном блеске: весеннее переливается в них, как новое после грозы небо, тихий восторг просыпающейся женщины. И порыв, и наивно-детское, чего не назовешь словом. (И. Шмелев)

Кореференция множества объектов:

*Птицы у нас везде. В передней **чижик**, в спальне канарейки, в проходной комнате **скворчик**, в спальне отца канарейка и черный **дроздик**, в зале два соловья, в кабинете **жавороночек**, и даже в кухне у Марьюшки живет на покое, весь лысый, **чижик**, который пищит – «чулки – чулки – паголенки», когда застучат посудой. В чулане у нас множество всяких клеток с костяными шишечками, от прежних птиц. Отец любит возиться с птичками и зажигать лампы, когда он дома. (И. Шмелев)*

Различительная кореференция относительно отдельных явлений:

*Перед обработкой грибы очищают от мусора, **отрезают ножки**, **вырезают места**, **поврежденные червями**. При обрезке лучше пользоваться*

ножами из **нержавеющей** стали, так как от обычных ножей мякоть чернеет. Наиболее распространенными способами переработки и хранения грибов являются сушка, засолка, **маринование**, **изготовление** порошков и экстрактов. (И. Шмелев)

Кореференция включения при разграничении отдельных объектов, явлений:

*Да ведь и работать-то приходилось между **делом**, в **неурочное**, может быть, **время**, после **боронования** и **сеяния**, **покоса** и **жнитва**, **возки** снопов и **молотьбы**, **пахоты** и **копания** картошки.* (И. Шмелев)

Объединяющая кореференция:

*В **базарной**, если так можно выразиться, **натуре** сплелись самые разнообразные аспекты и свойства.*

*Есть в ней и вполне понятная заинтересованность **земледельца** во взаимном обмене, есть и жажда прохвоста из чисто спортивного интереса любым путем **объегорить** кого-нибудь, и не важно кого. Имеется добротная совесть **оседлого частника** и **циничное нахальство** кочующего **проходимца**, нередко **представляющего** целую **торгово-самодельную фирму**. **Старческое скопидомство** одинокого пенсионера и **бесшабашие** равнодушного к торговле юноши. **Мудрая бережливость** многосемейной хозяйки и **скупость** глупой женщины, которая из ложно понимаемой экономии покупает завалищий товар. Все тут есть, в этой натуре.* (В. Белов)

По способу тематической организации различаются тексты с простой темой (линейное развитие темы); с развернутой темой (модификация темы); с расчлененной темой (развитие главной темы перебивается побочными темами).

Примером **линейного** развития темы может служить следующий текст:

Я путешествовал недурно: русский край оригинальности имеет отпечаток; не то чтоб в деревнях трактиры были – рай, не то чтоб в городах писцы не брали взток – природа нравится громадностью своей. Такой громадности не встретите нигде вы: пространство широко раскинутых степей лугами здесь зовут; начнутся ли посева – не ждите им конца!

Подобно островам, зеленые леса и серые селенья пестрят равнину их, и любо видеть вам картину сельского движенья... Подобно муравью, трудолюбив мужик: ни грубости их рук, ни лицам загорелых я больше не дивлюсь: я видеть их привык в работах полевых чуть не по суткам целым, не только мужики здесь преданы труду, но даже дети их, беременные бабы – все терпят общую, по их словам «страду». И грустно видеть, как иные бледны и слабы! Я думаю, земель избыток и лесов способствует к труду всегдашней их охоте, но должно б вразумлять корыстных мужиков, что изнурительно излишество в работе.
(Н.А. Некрасов)

Тема «русский край» в восприятии графа Гаранского получает последовательное «развертывание» его оригинальности как громадности природы: *пространств степей, лесов; сельского движенья; страды; трудолюбия мужика и избытка земель.*

Текст Н. Сладкова представляет собой модель *развернутой* (модифицированной) темы. Референт текста «соловей» оценивается с точки зрения разных субъектов ситуации:

Соловей поет, а вокруг все думают, думают.

Сосед-соловей думает: «Лучше нос к нему не совать, а то выщиплет или в макушку клюнет!»

Соловьяха думает: «Раз поет – значит место для гнезда облюбовал! Слетать посмотреть что ли?»

Птицелов думает: «Хорошо поет, шельмец! Пора западню готовить!»

Прохожий думает: «Вот и еще одна зима позади...»

А соловей поет и поет.

А все вокруг думают, думают... (Н. Сладков)

Производные слова текста, с одной стороны, являются единицами с определенным лексическим значением («наименование птицы» – *сосед-соловей*; «наименование женской особи этой птицы» – *соловьяха*; «наименование лица, занимающегося ловлей птиц» – *птицелов* и «размышляющего лица»). С другой стороны, это структуры, обладающие также

деривационным значением: *сосед-соловей* (приложение, обозначающее особь мужского пола) – *соловьиха* (особь женского рода) – показателям этого смысла является аффикс; *птицелов* – сложное слово, обозначает человека, который ловит птиц, *прохожий* (субстантивная модель). Соответственно языковые данные структуры осуществляют текстовые связи двояко: по линии конкретного лексического значения слова и по линии обобщенного словообразовательного значения.

*Разветвленную модель представляет собой, например, текст И. Шмелева, гипертема которого обозначена именем собственным – Христос. Перебивами гипертемы являются представления рассказчика (мальчика) о бессмертии (*Танька, Горкин, Васька, Зола встретятся там*) и о барках и плотах на реке, которым скучно:*

Ночь. Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки, вертящиеся яички, молитвы. Ганька, старичок Горкин, который, пожалуй, умрет скоро...Но он воскреснет! И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все...и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчиками про волхвов, все мы встретимся там. И Горкин будет вырезать винограды на пасочках, но какой-то другой, светлый, как беленькие души, которые я видел в поминанье. Стоит Плащаница в церкви одна, горят лампы. Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной реенны. И Это для Него Ганька полез на крест, и отец в кремле лазит на колокольню, и Василь Васильевич, и все наши ребята – все для Него это! Барки брошены на реке, на якорях, там только по сторожу осталось. И плоты вчера подошли. Скучно им на темной реке одним. Но и с ними Христос, везде...(И. Шмелев)

Итак, языковые средства, в том числе и словообразовательные, выстраивая текст, могут обозначать референт текста по-разному. Тема проявляется на уровне одинаковости (изотопии) (*весеннее – новое – обновление природы*); две или более цепочек семем в различных текстах того же текста связываются через семантическую эквивалентность (*базарная натура –*

циничное нахальство), повторяемость (*от-резают, вы-резают*) и/или коннексию между текстами (*старческое скопидомство, бесшабашие юноши, скупость глупой женщины*). Тема может содержать уже знакомую, упомянутую ранее информацию, может быть носителем наименьшей коммуникативной динамики и может представлять собой логический субъект предложения или быть составной частью глубинной структуры текста.

Смысловая связность базируется на семантической референции и кореференции языковых единиц, конституирующих текст, и соответствующих синтаксических (порядок слов, порядок следования предложений), лексических (выбор слов), средствах ее выражения [9].

Коммуникативная связность находит свое воплощение в организации текстовой перспективы с точки зрения значимости, актуальности выражаемой информации. В тексте обычно что-то изображается или предполагается, что в определенном актуальном контексте выступает как предмет речи, сообщаемое, следовательно, различается то, о чем говорится (тема) и то, что об этом говорится (рема). Тема-рематическое членение высказывания, или *актуальное членение предложения*, во многом основывается на теории о младограмматическом психологизме лингвистики второй половины девятнадцатого века, представителями которого являются А. Вейль, Г. Пауль, В. Вундт, Г. Штайнтал. Свое дальнейшее развитие данная теория получила в работах чешских лингвистов В. Матезиуса, Э. Бенеша, Ф. Данеша. В отечественной науке структура тема-рематических цепочек подробно исследована учеными В. Адмони, О.И. Москальской, И.П. Распоповым.

Тема-рематическое членение характеризуется следующими признаками:

- Тема и рема – компоненты актуального членения предложения, высказывания. При этом тема – исходный пункт сообщения, рема – то, что утверждается или спрашивается об исходном пункте сообщения. Тема в большей степени, чем рема, «скрепляет» текст. Рема имеет наибольшую степень коммуникативного динамизма.

- Развертываемость части предшествующего предложения в последующем осуществляется главным образом именем, обладающим денотатом. Однако полнота информации создается динамичным описанием и темы и ремы.
- Основными средствами выражения тема-рематического членения являются перифразы, повторения, номинация, паузы, порядок слов, синтаксический параллелизм и др.

Текст представляет линейную цепочку предложений. Для коммуникативной организации текста характерна относительная коммуникативная завершенность составляющих. Каждое предложение – составляющая текста – имеет тему и рему и образует новый шаг в развитии коммуникативной прогрессии в тексте.

Структурный уровень связности текста является внешним выражением его смысловой и коммуникативной целостности. Структурная связность выступает в разнообразных разновидностях, которые выделяются на разных основаниях.

Структурная связь может быть *эксплицитной* и *имплицитной*. Эксплицитная связь – связь, обозначенная сигналами связи (союзами, вводными словами и сочетаниями; плавным переходом от темы к реме и т.п.). Имплицитная связь обнаруживается соположением речевых единиц, их смысловым и позиционным соотношением (без специальных словесных сигналов связи). Например: *Стало душно. И поэтому мы вышли на улицу* (связь эксплицитная – выражена союзом и местоименным наречием). – *Стало душно. Мы вышли на улицу* (причинно-следственная связь только логико-интонационными средствами).

Структурная связь может быть *левосторонней* и *правосторонней*, в зависимости от места расположения сигналов связи в компонентах текста:

1) *Юность – это своего рода дар не уставать, не знать скуки, все воспринимать с воодушевлением. Но дар этот, если его понимать как естественный интерес к жизни, можно с годами и утратить, а можно и умножить* (сигналы левосторонней связи – *но дар этот, его*);

2) *Есть еще одна причина, почему я не вправе молчать. Количество публикаций, в том числе зарубежных, росло. Моя рукопись устаревала, не сходя с письменного стола. И я понял: от меня ждут не информации, а жизнеописания. Тогда я бросился в другую крайность. Начал писать биографический очерк (там же) (сочетание *есть еще одна причина* указывает на правостороннюю связь; сочетание *бросился в другую крайность* тоже ориентирует на последующее разъяснение – правосторонняя связь).*

Таким образом, левосторонняя связь – это указание в тексте на ранее сказанное (анафора); правосторонняя связь – это указание на последующее (катафора).

Уровень структурной связности текста находит свое выражение в функционировании в тексте языковых средств формирования текстовой связности. К этим средствам относятся единицы и категории следующих уровней языковой системы: а) синтаксические; б) морфологические; в) лексические; г) словообразовательные.

По терминологии И.К. Кардовича, все связующие средства подразделяются на 2 группы: соотносящие и зацепляющие [3]. К соотносящим связям относятся лексические, понятийно близкие, культурологические номинации, а также синтаксическое согласование, управление, примыкание, сочинение, подчинение и соподчинение. Зацепляющие – осуществляющиеся посредством называния логических отношений между смыслами отдельных предложений, и выразителями которых служат союзы, вводные слова, синтаксические частицы и др.

По принципу семантического веса средства связности единиц текста делятся на автосемантические (обладающие самостоятельным номинативным значением) и синсемантические (не обладающие самостоятельным номинативным значением)). Синсемантические средства связи в данном исследовании не рассматриваются.

Различаются *специализированные* и *неспециализированные* (вторичные) средства связи: морфологизированные и неморфологизированные средства

связи.

По месту положения одних и тех же средств связей в высказывании – связующие единицы языка называются анафорическими или катафорическими.

*По реализации коммуникативной перспективы различаются проспективные, ретроспективные и двунаправленные средства связи. Особо выделяются рефренные, или *сквозные*, проходящие по всему тексту связи.*

Важнейшим условием связующей функции языковых единиц также является семантическая сочетаемость слов. В таком случае связность обеспечивается повторяемостью самих слов, семантических компонентов в словах, предложениях, взаимообусловленных друг другом. Языковую последовательность считают семантически связанной, «если в лексических значениях синтаксически связанных слов, предложений имеются повторяющиеся смысловые компоненты» [9].

Семантическая (смысловая) эквивалентность слов, предложений в тексте реализуется разными модификациями *лексико-семантического повтора*, который, по мнению многих ученых, прогнозирует смысловую близость предложений. Лексико-семантический повтор считается в науке основным механизмом связности. В этом аспекте рассматриваются отношения синонимии, антонимии, родо-видовые и некоторые виды ассоциативных отношений.

Особой разновидностью повторяющейся последовательности семантических компонентов слов в составе высказывания, текста является *изотопия*. Под изотопией обычно понимают особую разновидность семной комбинаторики, а именно рекуррентную последовательность семантических компонентов в составе высказывания или текста [6].

Например, лексемы «солнце», «светить» образуют минимальную изотопию «свет». Минимальная изотопия – последовательность двух семем («раскаленная звезда» и «излучать тепло») с идентичным семантическим признаком «огонь». Отношение эквивалентности между разными семемами устанавливается, таким образом, на основе отношения близости или тождества

между отдельными их семами. Минимальным контекстом, позволяющим установить изотопию, является синтагма. В целях описания изотопных отношений мы принимаем типологию, предложенная Ф. Растье [14].

По форме средства связи неоднородны и подразделяются на группы. Они могут быть словами (глаголы, существительные, союзы, предлоги), сложными словами (сложные союзы, наречия), словосочетаниями (стереотипные высказывания, идиомы), синтаксическими средствами (порядок слов), суперсегментными средствами (интонация, ударение).

Во фрагменте текста В. Распутина: *Кузьма ездит редко и всякий раз чувствует себя в дороге беспокойно, будто он **потерял** все, что у него в жизни было и теперь ищет другое, но неизвестно ещё, **найдет** ли или нет. В этот раз особенно: он знает, что надо ехать, и всё-таки ехать боится!* – четыре семантические линии:

1. *Кузьма (лицо) – ездит – чувствует себя – он потерял – у него – ищет – найдёт – он знает – боится.*

Связь между текстовыми единицами со значением лица и действием, состоянием осуществляется глагольными формами с указанием на лицо мужского рода и возвратным местоимением, местоимением третьего лица в именительном и родительном падежах.

2. *Ездит – время: редко, всякий раз – теперь – в этот раз. Временная связь между единицами текста выражена наречиями, определительными и указательными местоимениями с именем существительным.*

3. *Состояние лица обозначено лексемами: беспокойно – (будто) потерял ищет – (неизвестно) найдёт ли – (надо)ехать – ехать боится.*

4. *Что-то – неопределенное местоимение, все – другое указывают на что-то потерянное.*

Важнейшим средством формирования текстовой связности являются единицы и категории словообразовательной системы языка. Так, например, наиболее простой случай осуществления связности в тексте наблюдается в текстовом использовании словообразовательных пар производящее —

производное:

Натурально, я понимал, что около меня целый вагон кишит фрондёрами, и только ожидал отвала из Эйткунена, чтоб увидеть цветение этого фрондё́рства в самом его разгаре. (М.Е. Салтыков-Щедрин)

Словообразовательная пара *фрондёр — фрондёрство* представляет собой чистую транспозицию смысла от конкретного существительного со значением лица к абстрактному, транспозицию, организующую соединение простых предложений в составе сложного. Аналогично:

Денег на наше образование швырялось с три пропасты, но знаний на эти деньги приобреталось на грош. Люди, которые занимались швырянием денег, не имели понятия ни о том, что такое знание, ни о том, для чего оно нужно (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Здесь словообразовательная пара *швырялось (швыряться) — швыряние* представляет собою словообразовательное средство выражения эксплицитной связности между предложениями, действующее одновременно с морфологическим, – в данном случае – с соотносительностью формы прошедшего времени других глаголов данного текста: *швырялось - приобреталось – занимались – не имели.*

Все вышеизложенное позволяет поставить вопрос о выделении словообразовательной связности в качестве особого типа в системе языковых средств выражения связности.

Библиографический список

1. Воборжил Л. Лексические и другие средства когезии текста: на материале русского договора. Электронный ресурс. / Л. Воборжил (<http://www.rusistika.upol.cz/publikace/voborilkohezekoherence.pdf>). 1998. –10 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
3. Кардович И.К. Связность в научно–техническом тексте: автореф.дис. ... канд. филол.наук / И.К. Кардович. – М., 2001. –16 с.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.

5. Москальская О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 117 с.
6. Плесканюк Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста (структурно-семантический аспект): дис.. канд. филол. наук. -Н.Н., 2014. .
7. Плесканюк Т.Н. Особенности семантики и прагматики производного слова. Филологический аспект. 2016. № 1. С. 31-34.
8. Плесканюк Т.Н. Связующая функция словообразовательных единиц в тексте // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – №2. – С. 50-53. – Режим доступа: www.vestnikuraao.ru/pdf/VESTNIK_URAO_2-2009r.pdf (0,3 п.л.).
9. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная связность текста как объект лингвистического исследования // Русский язык и литература в контексте современного гуманитарного знания: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 33-42.
10. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / Т.В. Романова. – СПб.: Изд-во С.–Петербур. ун-та, 2003.
11. Тураева З.Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986.
12. Холлидей М.А.К. Когезия в английском языке: Пер. с англ. / М.А.К. Холлидей – М.: Прогресс, 1976.
13. Dijk, T.A. van. Text and Context / T.A. Dijk. – London – New York, 1977. – 287 p.
14. Rastier, F., Sémantique interprétative / F. Rastier, –Paris: Presse universitaire de France, 1996. – 277 p.

УДК 81.366

**Твердохлеб О.Г. Глаголы вертикального
субъектно-объектного перемещения:
субъектная валентность изосемических конструкций**

**Verbs vertical the subjective-objective movement:
the subjective valence isoseismic designs**

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург
ogtwr@gmail.com

Tverdokhle Olga Gennadjevna

Orenburg State Teacher Training University, Orenburg

Аннотация. Эта статья рассматривает проблему семантических актантов и семантику глаголов вертикального субъектно-объектного перемещения в конструкциях современного русского языка. В работе исследованы и описаны синтаксические конструкции с глаголами лексико-семантической подгруппы «вертикального субъектно-объектного перемещения», обнаруженные методом сплошной и частичной выборки в художественных и научно-популярных текстах современного русского языка. Проведенный анализ иллюстративного материала показал, что в субъектных позициях изосемически при активной форме глаголов лексико-семантической подгруппы вертикального субъектно-объектного перемещения могут быть представлены имена существительные (местоимения), называющие людей, сверхъестественных существ и животных. Имена растений в позиции подлежащего при активной форме глагола лексико-семантической подгруппы вертикального субъектно-объектного перемещения выполняет роль Посессора. Полученные результаты и приводимый в данной работе богатый иллюстративный материал могут найти применение в практике составления словарей, а также представляют интерес для теории и практики перевода и для теории залога.

Abstract. This article considers the problem of semantic actants and the semantics of the verbs of vertical subject-object move in the constructions of modern Russian language. In this paper, we investigated and described syntactic constructions with verbs of the lexical-semantic subgroup "vertical subject-object move", was revealed by the solid and partial selections in fiction and non-fiction texts of the modern Russian language. The analysis of illustrative material showed that the subject positions izosemichy with the active form of verbs lexical-semantic subgroups of the vertical subject-object displacement can be represented by nouns (pronouns), calling people, supernatural beings and animals. The plant names in the subject position with the active form of the verb lexical-semantic subgroups of the vertical subject-object displacement plays the role of Possessor. The obtained results and provide rich illustrative material can find application in the practice of compiling dictionaries, and are also of interest for the theory and practice of translation and the theory of collateral.

Ключевые слова / Keywords: лексико-семантическая группа глаголов, субъект, lexico-semantic group of verbs, the subject

Более полувека назад И. И. Мещанинов писал, что синтаксическая роль слова в предложении в известной степени обуславливается его семантикой [9, с. 4]. Семантика предложения как один из аспектов синтаксического описания

рассматривается многими лингвистами [1; 3; 5; 21; 22 и др.]. В своей работе мы понимаем семантику, то есть значение предложения, как представленную в нем ситуацию, чаще всего называемая глаголом. Вслед за В. С. Храковским, называемую глаголом языковую ситуацию мы отграничиваем от реальной, денотативной ситуации, так как языковая ситуация, представляющая «вырезанную и обработанную языком денотативную ситуацию», обозначает и «отношение говорящего к этой ситуации», проявляющееся «в способе включения данной языковой ситуации в общий контекст языковых ситуаций» [20, с. 9].

Необходимые участники ситуации, называемые в типологических исследованиях также партиципантами или семантическими актантами, определяются «толкованием слова, выражающего данную ситуацию» [там же, с. 6]. Е. В. Падучева при анализе конструкций с конверсивами справедливо указывает, что «деление семантических актантов на субъекты и объекты не полностью определяется их ролью в ситуации» [10, с. 219]. Поэтому в данной работе мы продолжим описание валентностей семантических групп глагола [12-19], так как «валентные свойства словесных форм как членов модели принадлежит не отдельным словам, а классам слов внутри одной части речи» [8, с. 28].

Объектом анализа являются репрезентации в субъектной сфере семантических актантов в структуре современного русского предложения с глаголами лексико-семантической подгруппы «вертикального субъектно-объектного перемещения», лексико-семантической группы (в дальнейшем — ЛСГ) «вертикального перемещения» [7, с. 15] (по [4]: «Предикаты поступательного движения. Нейтральные к противопоставлению по среде перемещения. Обозначающие произвольное перемещение»).

К глаголам лексико-семантической подгруппы «вертикального субъектно-объектного перемещения» в [7, с. 15-16] относится 31 лексема: *валить / свалить* и *повалить*, *взвести / взводить*, *возвести / возводить*, *вкинуть / вкидывать*, *всплеснуть / всплескивать*, *выронить*,

запустить / запускать, обвалить / обваливать, обрушить / обрушивать,
 опустить / опускать, опуститься / опускаться, осадить / осаживать,
 осаждаться, подбросить / подбрасывать, подкинуть / подкидывать,
 поднять / поднимать и подымать, приземлить / приземлять,
 пролить / проливать, просы́пать / просыпа́ть, ронять / уронить,
 сбросить / сбрасывать, свезти / свозить, свести / сводить,
 скатить / скатывать, скинуть / скидывать, снести / сносить,
 стрясти / стрясать, стряхнуть / стряхивать, сыпать, топить / потопить и
 утопить, удержать / удерживать. Помимо общей семантики, многие из
 перечисленных глаголов характеризуются еще и общим морфологическим
 (морфемным) показателем — сходными словообразовательными формантами:
 префиксами *с-*, *вз-* / *вс-* / *воз-*, *под-*, *про-*, *у-*. Приведем примеры с
 анализируемыми глаголами, представленными в нашей картотеке:

– **обрушить / обрушивать**: *От чужих мы прячем их (недостатки — О. Т.), а на домашних обрушиваем самосвалами, водопадами (Ю. Рюриков. Неделя. 1985. № 13. С. 21);*

– **опустить / опускать**: *Палубным краном его опустили в антарктическую воду (Наука и жизнь. 2000. № 8. С. 10);*

– **поднять / поднимать**: *Опоздали, говорят нам, памятник только что «уехал». Его подняли двумя кранами и на спецплатформе увезли куда-то (Комсомольская правда. 24.08.1991. С. 2);*

– **сбросить / сбрасывать**: *Вслед за огнем шли легионеры. Топорами и кирками они убирали обломки, сбрасывали мертвых и еще живых людей в ямы (О.В. Волобуев, А.А. Шестаков. История древнего мира).*

К перечисленным выше лексемам анализируемой нами лексико-семантической подгруппы добавим лексемы из нашей картотеки:

– **приподнять / приподнимать**: *В середине августа куст глубоко окопайте, ... осторожно приподнимите его лопатами или лучше вилами ...и выньте (В.А. Синадская. Книга юного натуралиста);*

– *спустить / спускать*: Паровыми кранами *спускают* на эту постель огромнейшие искусственные камни... (В.М. Гаршин. Встреча);

– *столкнуть*: Выскочив из шестерки (лодки — О. Т.), боцман сильным ударом *столкнул* ее на глубину под скалы (Л. Соболев. Зеленый луч) и др.

Анализ конструкций, включающих глаголы этой лексико-семантической группы, свидетельствует, что глаголы лексико-семантической группы «вертикального перемещения» обладают агентивной валентностью, или Агенсом (— по Е. В. Падучевой [4], или sub (субъект) — по Ю. Д. Апресяну [2]).

Наша картотека показывает, что субъектная валентность глаголов указанной подгруппы может заполняться по-разному: изосемически и неизосемически [6, с. 163]. В данной работе мы опишем только изосемические конструкции.

В субъектной позиции изосемических конструкций при указанных глаголах традиционно выделяемому Агенсу соответствуют разные таксономические классы имен: лица, сверхъестественные существа и животные.

Так, Агенсом ситуации, описываемой в предложении глаголами «вертикального перемещения», может быть лицо, человек, напр.: представленные:

1) в активной конструкции в позиции подлежащего:

а) именем существительным собственным: *Семеныч подбегает ко мне, хватает меня чуть ли не за шиворот, толкает* впереди себя (Север. 2004. №1-2. С. 49); *Наташа толкает* дверь, входит в дом бабы Паши (Искусство кино. 2008. Вып. 1-4. С. 145) или нарицательным: ...потом бравый *солдат поднял* ее на лифте в четвертый этаж. (Наука и жизнь. 1997. № 12. С. 99);

б) местоимением личным: *Вслед за огнем шли легионеры. Топорами и кирками они убрали обломки, сбрасывали мертвых и еще живых людей в ямы.* (О.В. Волобуев, А.А. Шестаков. История древнего мира) или неопределенным:

Вдруг **кто-то** огромный сильно **толкает** меня в бок (Е. Мурашова, Н. Майорова. Пепел на ветру);

2) в позиции агентивного дополнения в пассивной конструкции:

в) нарицательным именем существительным, ср.: По данным академика А. П. Виноградова (1973), **человеком** сбрасывается с отходами в окружающую среду около 600 000 разнообразных химических веществ (Ф.В. Котлов. Антропогенные геологические процессы и явления).

Агенсом описываемых ситуаций может быть имя другого таксономического класса, в частности:

- **сверхъестественное существо**: **Ведьма** подняла карту... под нею была простая шестерка. (Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе... Миргород); **Забот** у **чёрты** было много... А коли скучно станет, так заберётся на башню, и на смотровой площадке людей к краю **толкает**, пугает (А. Матвеев. Короткие история и поэмы); На представлении о лешем у коми как духе стихии построены рассказы о том, как он свистит в лесу со страшной силой, **толкает** в избушке дымовик (Л.Н. Жеребцов. Традиционная культура и быт народа коми);

- **животное**: ...**гиппотамы**... **поднимали** фонтаны брызг... (Дж. Даррел. Записки натуралиста); ...**тигр**... с особой подлостью **терзает** животных и **проливает** их кровь. (Ю.Д. Дмитриев. Соседи по планете. Млекопитающие); ...пока взбешенное **животное**, **крутнувшись** волчком, не **сбрасывало** его наземь. (М.Н. Алексеев. Драчуны); ...**зверьки** **швыряли** косточку на землю... (Дж. Даррел. Записки натуралиста); **Обезьяна** **снимает** орехи для своего хозяина. (Юный натуралист, 1990. № 10. С. 34).

Имя таксономического класса **растение** в подлежащего при активной форме глагола лексико-семантической подгруппы *вертикального субъектно-объектного перемещения* выполняет роль Посессора, т.к. при глаголе в позиции прямого дополнения представлено имя существительное в винительном падеже, называющее часть имени, названного в субъектной позиции, напр.: Если бы **деревья** (Посессор) не **сбрасывали** на зиму **листья** (часть посессора),

они бы погибли от многих вещей... (К. Паустовский. Подарок); **Яблоня** (Посессор) *поздно сбрасывает листву* (часть Посессора) (А. А. Иванов. Садоводство). Хотя, как мы уже отмечали ранее, имя Т-класса **растение** в субъектной позиции при глаголах других ЛСГ может быть Агенсом, в частности, при глаголах *давления*, ср.: ...**растения** в лесу ...*заглушают* друг друга... (А. Богданов. Очерк организационной науки) (пример из: [14, с. 36]) или *соединения*, ср.: *Прорастая, эти **растения** своими корнями **скрепляют** воздушные муравейники...* (Г. А. Денисова. Удивительный мир растений) (пример из: [18, с. 8]).

Таким образом, в субъектных позициях изосемически при активной форме глаголов лексико-семантической подгруппы *вертикального субъектно-объектного перемещения* могут быть представлены имена существительные (местоимения), называющие людей, сверхъестественных существ и животных. Имена растений в позиции подлежащего при активной форме глагола лексико-семантической подгруппы вертикального субъектно-объектного перемещения выполняет роль Посессора.

Библиографический список

1. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во Моск. ГУ, 1971. – 294 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки славянской культуры, 1995.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV. – 896 с.
4. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Т. 1. – Уфа: Гилем, 2005. – 466 с.
5. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики - 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 326-349.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. - 528 с.

7. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебн. слов.-справ. / Под общей ред. Т. В. Матвеевой. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. – 1988. – 153 с.
8. Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений // Филол. науки. – 1961. – № 3. – С. 26-37.
9. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945 (переиздана: Л. : Наука, 1978). – 388 с.
10. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). – М. : Наука, 1974. – 292 с.
11. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
12. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов «проникновение»: 1. агенс (лица, животные, растения) // Новая наука : Теоретический и практический взгляд. – 2016. – № 1-2 (57). – С. 82-84
13. Твердохлеб О. Г. Субъектная сфера глагола «включить»: посессор // Sci-article.ru. – 2016. – № 1. – С. 99-105.
14. Твердохлеб О. Г. Агенс ситуации, описываемой глаголами лексико-семантической группы «давление» // Филологический аспект: научно-практический журнал. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». – 2016. – № 1. – С. 34-38.
15. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединение: субъект (животные и растения) — объект // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 5 (100). – С. 469-474.
16. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: субъект (лица) – объект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 122-126.
17. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: агенс и посредник // Когнитивные

исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 462-464.

18. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глагола соединить: 1. Агенс // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 4. – С. 5–7.
19. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глагола «соединить»: агенс (сверхъестественное существо) — объект // Филологос. – 2015. – № 25 (2). – С. 62–66.
20. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. – Л. : Наука, 1974. – С. 5-45.
21. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. УП международный съезд славистов. Варшава, авг. 1973. Доклады сов. делегации. – М. : Наука, 1973. – С. 458-483.
22. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 54 с.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81; 81-23

Варламова Е.В. Об особенностях речи русских мигрантов

About the features of russian migrants' speech

Варламова Екатерина Викторовна
Астраханский государственный университет
varlamow@rambler.ru

Varlamova Ekaterina Viktorovna
Astrakhan state university

Аннотация. Статья посвящена особенностям речи русских мигрантов, проживающих за пределами родины длительное время. Языковая лень и отсутствие полных эквивалентов каких-либо слов или явлений в русском языке побуждают русских людей использовать в своей русскоязычной речи иностранные слова, а чаще всего их трансформированные варианты, что придает их речи необычность, уникальность, можно даже сказать избранность. Авторы называют не только причины употребления заимствований, но также и определяют функции заимствованных слов в речи мигрантов.

Abstract. The article is devoted to the features of Russian migrants' speech living outside their motherland for a long time. Language laziness and lack of notional equivalents of any words

or events in Russian language, encourage people to use foreign words in their Russian-language speech and their transformed versions, which makes their speech unusual, unique. The authors mention not only causes of language borrowing, but also define the functions of loan words in the speech.

Ключевые слова / Keywords: речи мигрантов, избранность, чужой, свой, уникальность, языковая лень, функции заимствованных слов, speech migrants, election, alien, your uniqueness, linguistic laziness, features loanwords

Речь россиян, проживающих за пределами Российской Федерации, уже длительное время приобретает специфические черты. Основным отличием русской речи зарубежом является употребление слов языка страны проживания. Будучи чужими для русского языка, эти слова становятся обычным явлением в речи наших соотечественников по разным причинам:

- для обозначения явлений, не существующих в русском языке;
- для того, чтобы продемонстрировать собеседнику знания языка страны проживания;
- когда слова чужого языка пришли в лексикон говорящего из рекламы [1];
- «языковая лень», когда слова иностранного языка в оригинале звучат более кратко, и мысль можно выразить одним словом, минуя употребление их эквивалента на русском языке, когда приходится использовать несколько слов. Например: «*Monatskarte*» в немецком языке при переводе на русский будет звучать как «*проездной билет на месяц*».

Отличительной чертой употребления русского языка за рубежом является тот факт, что заимствованные слова вовлекаются в сферу русской грамматики: основной массив существительных склоняется, глаголы - спрягаются. Оказывается сильным и словообразовательный механизм. Основы заимствованных слов разных частей речи соединяются с русскими словообразовательными аффиксами и становятся словами-гибридами русского языка [2]. Например: англ. slice - слайстик (ломтик); нем. sich melden - замельдоваться (зарегистрироваться); putzen – путцать (убираться); фр. bébé - бебешка, charmant - шармантность. Слова-гибриды склоняются и спрягаются как обычные слова русского языка.

Причины заимствования чужих слов в русской речи, по мнению Л.П. Крысина, могут быть вызваны рядом определенных причин [3]:

а) Иноязычные слова именуют нечто специфическое в новой жизни, отсутствующее или не характерное для жизни в России. Для называния соответствующих предметов или явлений нет русских однословных номинаций. Таковы, например, англ. *appointment, welfare, food stamp*; нем. *Arbeitsamt, Socialamt, Termin, Tiefgarage* - подземный гараж, *Eintopf* - обед из одного блюда.

б) Аналогичные предметы и явления имеются в России, и для них есть названия, но они столь резко отличаются по своей прагматике от зарубежных, что русское слово не передает их специфику. Ср.: русское *подвал* и англ. *basement*, нем. *Keller*.

в) Высокая коммуникативная актуальность понятий, которые обозначаются иноязычными словами, и, следовательно, высокая частотность употребления заимствований. Заимствования называют очень важные для жизни в данной стране понятия, предметы или явления. Вот некоторые высокочастотные параллельные названия из разных языков, употребляемые, как правило, без перевода: англ. *sale*, нем. *Angebot* и *Sondern Angebot*, фр. *solde*, финск. *Tarjous* - распродажа.

Многочисленные надписи, указатели, таблички развешаны по всему городу: *Sale! Angebot! Tarjous!* Они «кричат», «лезут в глаза» и провоцируют русскоговорящего носителя использовать эти слова, а не их русские эквиваленты. Охарактеризованные выше три причины заимствований могут быть кратко поименованы так: необходимость номинации, специфическая прагматика, высокая коммуникативная актуальность понятия [4]. Часто эти причины действуют совместно. Так, немецкий *келлер* и американский *бэйсмент* резко отличаются по своему устройству и назначению от русского *подвала*. Е.А.Земская приводит интересные примеры использования высокочастотных слов, употребляемых эмигрантами. Так, по ее наблюдениям, у эмигрантов, живущих в Германии, к числу очень употребительных относится словечко *doch*,

выражающее самые разные виды реакции на реплику собеседника (*все-таки, конечно!, ну!, неужели!*). Весьма частотны слова *Putzfrau* ('уборщица'), *Bahnhof* ('вокзал'), *Onkel* ('дядя'), *Tante* ('тетя'), *фильм* (в значении 'фотопленка'), *Abitur* ('экзамен на аттестат зрелости'), *Geld* ('деньги'), *Krankenhaus* ('больница'), *warum?* ('почему?'), *was?* ('что?').

Значимость употребления «чужих» слов в речи мигрантов так велика, что закономерно выделяются функции заимствованных слов в речи мигрантов, которые, по мнению Е.А Земской, можно представить в трёх направлениях:

1) Функция первая - самая распространенная: **номинативная**. Заимствования служат для наименования предметов и явлений действительности, прежде всего тех, которых нет или не было в России и СССР. Она свидетельствует об освоении эмигрантами новых социальных, экономических, культурных, бытовых и прочих сторон жизни в чужой стране. Эту функцию обслуживает наибольшее число заимствований. Сюда относятся многочисленные наименования жизненно важных социальных институтов, учреждений, явлений: англ. *food stamp* (талоны на продукты), *welfare* (вэлфэр и велфэр; род государственного пособия), *green card* (карта, дающая право на работу).

2) Функция вторая - **коммуникативная**, она служит для самовыражения, самоутверждения, которое создается употреблением иноязычных и, следовательно, более престижных слов. В какой-то мере это самореклама людей, которые стремятся на каждом шагу вставлять в свою речь заимствования для того, чтобы доказать: «А я знаю этот язык!». Это девиз, которым можно кратко охарактеризовать этот тип речевого поведения. Он характерен в первую очередь для эмигрантов IV (реже III) волны, которые недостаточно знают язык новой страны. Наблюдения, проведенные Земской Е.А. в США, Франции, Италии, Германии, Голландии, показывают, что действует следующая закономерность: лица, хорошо знающие данный язык и - более того - свободно говорящие на двух-трех других языках, легко переключаются с одного языка на другой. Они не порождают «макаронический

дискурс». Они допускают иноязычные выражения при необходимости, действительно не зная (или не припоминая в данный момент) то или иное русское слово. Им нет нужды демонстрировать свое знание английского или какого-либо другого языка. Слово выделяется интонационно, тем самым подчеркивается престижность, значительность самого обозначаемого объекта.

3) Функция третья - *экспрессивно-стилистическая*, игровая. Используется для выражения отношения к тому, о чем идет речь, иногда - шире - к новой стране и образу жизни вообще. Это может быть ирония, высмеивание, легкая шутка и или каламбур. Эта функция обнаруживается чаще всего у эмигрантов IV и III волн, так как для них чужой язык - новинка (при этом они сохраняют прекрасный русский и достаточно хорошо знают и чувствуют новый). Этим носителям в высокой степени свойственна языковая рефлексия и чувство юмора. Так, эмигранты, живущие в Германии, создают каламбуры, сталкивая русские и немецкие слова: *Такой Rechnung [счет], что рехнуться можно.*

Между эмигрантами I и IV волн имеется различие в составе иноязычных слов. Эмигранты I волны часто используют слова отвлеченной семантики, такого рода, как *responsabilité* (ответственность), *personality* (личность) и обычно употребляют иноязычные слова тогда, когда русское слово забыто или неизвестно. Таким образом, эмигранты I волны используют иноязычные вставки не потому, что они хотят употребить «чужое» слово в своей речи, а потому, что утратили достаточную компетентность: они уже забыли русский эквивалент, тогда как новоприезжие ещё не успели забыть русские слова, но используют иностранные слова по рефлекторной "языковой лени", экономя речевые ресурсы, а также для «шику» или для того, чтобы показать свою приобщенность к новой жизни [5].

Среди заимствований наиболее значительную группу составляют имена существительные. За ними следуют разного рода этикетные слова и реплики-реакции. Прилагательные и глаголы менее употребительны, и в их употреблении есть существенные различия. Прилагательные могут

употребляться и в том виде, как они существуют в языке-источнике, т.е. как неизменяемые слова, и как слова изменяемые. Глаголы всегда имеют спрягаемую форму. Неизменяемых иноязычных глаголов нет. Глаголы, как правило, создают только эмигранты IV волны. Наличие в речи эмигрантов IV волны немалого числа иноязычных глаголов - характерная особенность новейшего этапа жизни русского языка за рубежом.

Попадая в чужую страну, эмигрант сталкивается с множеством официальных установок, правил, распоряжений. Их названия не переводятся. Особо следует выделить наименования некоторых обычаев, этикетных стандартов, относящихся к сфере общественной жизни и быта. Номинации этого рода высокочастотны и имеют большую коммуникативную значимость во многих странах. К числу таких понятий относится *заранее условленная деловая встреча*, которая обозначается в англ. *appointment*, в нем. *Termín*. В русском нет однословного аналога наименования этого понятия. Слово *свидание* (как и *рандеву*) относится к сугубо частной сфере, слово *встреча* обладает слишком общим значением, *деловая встреча* – произносится длинно и не указывает на важный компонент '*договоренность*'. Названные выше иноязычные слова именуют всевозможные виды встреч: *аппоинтмент* и *термін* могут быть у врача, парикмахера, научного руководителя, квартирной хозяйки, соседа [6].

Таким образом, процесс ассимиляции иноязычных слов, т.е. «чужих» слов в лексиконе русскоговорящего носителя за рубежом демонстрирует поэтапные преобразования стандарта русскоязычной речи в метрополии. Первоначально инородные, «чужие» структурные и семантические элементы и слова находят применение в повседневной речи русскоговорящего носителя, поочередно меняя статус «чужого» на «другое», а потом – «другого» на «свое» [7; 8], что способствует формированию особой речевой подсистемы, размывающей лингвистические грани между «чужим» и «своим».

Библиографический список

1. Заичкина Н.В. Коммерческие культы: языковые средства воздействия // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения. Материалы

- Международной научной конференции. 15-16 октября 2007 г. Астрахань: изд. дом «Астраханский университет», 2007. С. 146-149
2. Земская Е. А. Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik* / Hrsg. S. Mengel. Münster-Hamburg-London, 2002. S. 157-169.
 3. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996, с. 142-161
 4. Земская Е. А. Сорняк или роза? (к вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) // *Изв. РАН. Серия литературы и языка*. 2002, т. 61, № 4, с. 37-42
 5. Земская Е. А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // *Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты*. М.- Вена, 2001.
 6. Лебедева И.В., Приорова И.В., Бичарова М.М. «Чужое» в речи русских мигрантов.// *TOUR-XXI: Модернизация образования в туризме и академическая мобильность – международный опыт. Материалы Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодежи*. Астрахань, 1-2 ноября. Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С.119-121
 7. Лебедева И.В., Приорова И.В., Бичарова М.М., Лебедева Л.К. Уникальные особенности речи русских мигрантов. Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. Т.7-8. 2011.С 72-77.
 8. Приорова И.В., Лебедева И.В. Прагматическая десемантизация грамматической формы в современном словотворчестве: свое/чужое // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2013. № 1 (33). С. 273-278.
 9. Фадеева Л.В. Методические принципы изучения устроной речи // В сборнике: *Слово в языке и речи: аспекты изучения* Материалы международной научной

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811

Рагимханова Т.И. Воздействующий эффект имплицитного контраста в имиджевой рекламе

Manipulative influence of the implicit contrast in image advertising

Рагимханова Тамилла Ибрагимовна
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
rtamilla@mail.ru

Ragimkhanova Tamilla Ibragimovna
Dagestan State University, Makhachkala

Аннотация. В статье рассмотрены виды имплицитного контраста и его воздействующий эффект, а также способы распознавания данного манипулятивного эффекта в имиджевой рекламе.

Abstract. Two types of implicit contrast, its manipulative influence and the methods of decoding this influence in image advertising are revealed in the article.

Ключевые слова / Keywords: воздействующий эффект, имплицитный контраст, пресуппозиция, имиджевая реклама, manipulative influence, implicit contrast, presupposition, image advertising.

Умение распознать имплицитный смысл является одним из необходимых компонентов коммуникации, так как толкование этих смыслов может быть разным и неоднозначным. В корне имплицитности находится особая способность мозга к одновременному составлению нескольких умозаключений.

Часто имплицитная информация используется в рекламной коммуникации также для присвоения объекту оценочных значений и повышения этой оценки. Умение выявлять и целенаправленно использовать имплицитную информацию в целях воздействия помогает профессионалам, работающим в сфере рекламы, добиваться поставленных целей. Вместе с тем имплицитная информация может быть средством манипулирования, введения адресатов в заблуждение, поэтому ее использование должно подвергаться этической и в некоторых случаях правовой оценке [1]. В данной статье мы остановимся на случаях сознательного

использования адресантами воздействующего потенциала имплицитной информации. Целью настоящей статьи является выявление того, каким образом может быть распознано манипулятивное воздействие имплицитного контраста в имиджевой рекламе.

Было выделено 2 вида имплицитного контраста в текстах имиджевой рекламы: 1) имплицитность, возникающая на основании пресуппозиции; 2) имплицитность, которая является импликацией, логическим выводом из сказанного, импликутурой.

Авторы теоретической грамматики английского языка понимают под пресуппозицией суждение, данное в предложении в неявной форме и выводимое из него. А импликация рассматривается как неявное суждение непресуппозиционного типа, с необходимостью вытекающее из основного суждения предложения. В данной статье мы рассматриваем пресуппозицию как нечто известное, что предшествовало новому высказыванию, а импликацию как вывод, который делается самим читателем, исходя из данного высказывания [2].

Приведем пример имплицитного контраста 1 вида, в котором имплицитность возникает на основании пресуппозиции:

Total

innovation.

New ideas *don't have to be risky*.

Innovation drives the semiconductor industry. For more than 30 years Applied Materials has provided reliable leading-edge technology to the world's chipmaker's. Whether it's *unique* solutions for high-speed transistors, or a production-worthy approach to advanced copper interconnect, the industry *turns to* innovative technologies from Applied Materials. But perhaps our most significant innovation is our ability to reduce our customers' risk as we help them become more productive.

В данном примере при помощи отрицания вводится предложение, разрушающее стереотип о том, что обычно новые идеи бывают рискованными – пресуппозиция: *New ideas are usually risky*. Имплицитно подразумевается, что

у других компаний это всегда так. Указывается также, что данная отрасль промышленности обращается (*turns to*) к инновационным технологиям компании-рекламодателя. ИмPLICITный контраст подкрепляется отрицанием, словом *unique* (такие решения принимает лишь компания Applied Materials), а также приемом повтора слова *innovation* и производного от него – *innovative*, что усиливает противопоставление данной компании остальным, не настолько инновационным. В заключении говорится о том, что, возможно, самой значимой инновацией является способность компании снижать риск своих клиентов, за счет увеличения производительности не без помощи компании-рекламодателя (*we help them become more productive*). Рекламное сообщение оформлено при помощи приема обрамления (в начале и в конце говорится об одном и том же).

Рассмотрим пример, в котором имPLICITность является импликацией, логическим выводом из сказанного. ИмPLICITный контраст данного вида проявляется в рекламе, когда рекламодатели намеренно упоминают о наградах, необходимая информация подается скрыто, и адресат якобы сам приходит к выводу, что рекламируемая фирма является лучше других.

Good Times.

Bad Times.

All Times.

Chase is committed to providing liquidity and impeccable execution under the most challenging conditions. Our 4000 global markets professionals, combined with our *capital strength* and *award-winning research*, make us the trading partner of *choice* for all your fixed income, derivatives and foreign exchange needs.

ИмPLICITный контраст здесь сопряжен с квазиконтрастом, который мы рассматривали в своих предыдущих работах [3]. В заголовке – квазиконтраст (Good Times. Bad Times. All Times.), далее – имPLICITный контраст (*partner of choice*). В фокусе находится результат, существительное *choice* обозначает конец действия и получение результата. Рекламодатель прямо заявляет о своих преимуществах (*capital strength* and *award-winning research*), не упоминая при

этом конкурентов, и адресат рекламного сообщения сам приходит к выводу, что у данной компании больше преимуществ, и ее следует выбрать в качестве партнера для сотрудничества.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что имплицитный контраст в имиджевой рекламе может быть сопряжен с различными видами имплицитности, которая рассматривалась нами: 1) как логический вывод и 2) как имплицитность, возникающая при помощи пресуппозиции. Имплицитный контраст – явление достаточно частое в рекламном сообщении, т.к. расчет делается на то, что адресат рекламы сам сделает выводы и умозаключения, которые могут быть и ошибочными, переоценивая при этом компанию-рекламодателя, и недооценивая ее конкурентов. Имплицитный контраст выражается разными способами. Наибольший интерес вызывают случаи совместного употребления имплицитного контраста и квазиконтраста, которые имеют наибольший воздействующий эффект на читателя рекламного сообщения.

Библиографический список

1. Борисова Е.Г., Пирогова Ю.К. Имплицитная информация в рекламе и пропаганде// Имплицитность в языке и речи. – М., 1999.– С.145-152.
2. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.,1981. – 288с.
3. Ашурбекова Т.И., Рагимханова Т.И. Контраст и квазиконтраст в институциональной рекламе// Вопросы прикладной лингвистики. Вып. 3 – М., 2010. – С. 207-215

УДК 811

**Тюльников А.А. Становление языковой картины мира
в процессе формирования поликультурной личности учащегося**

**The moulding of a learner's language world picture
in the process of forming his polycultural personality**

Тюльников Артем Андреевич
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова

Аннотация. В данной статье автор рассматривает необходимые условия вступления в межкультурную коммуникацию. Раскрывает понятия языковой картины мира, интерференции. Последняя анализируется на компаративном уровне русского и английского языков в сфере лексики, грамматики, менталитета. Приводит пути преодоления коммуникативных барьеров.

Abstract. The article under analysis tackles the necessary conditions conducive to initiating intercultural communication. Such terms as language world picture alongside interference are defined, the latter being thoroughly studied in terms of cultural differences between the Russian and English languages on the level of lexis, grammar, gender, mentality. The ways of overcoming interference are delineated.

Ключевые слова / Keywords: языковая картина мира, поликультурная личность, интерференция, межкультурная коммуникация, language world picture, polycultural personality, interference, intercultural communication.

Языки народов, как нам часто говорят, отражают их культуру, сознание, модели мышления. Одни (Apalai, Nixkaryana) имеют нестандартную грамматическую структуру, в частности синтаксис, (объект-глагол-субъект) с помощью которого было бы крайне непривычно строить предложения (кошек люблю я), сложносочиненные и сложноподчиненные в особенности. Другие (разновидности гавайских диалектов) до сих пор сохранили систему счисления «один-два-много». Как же передать конкретное число, скажем, шестьсот пятьдесят семь? Вавилоняне оказались бы в затруднительном положении, пытаясь понять «Преступление и наказание», так как их язык предполагал исключительно одно слово для обоих понятий. В гавайском языке нет дифференциации между «рука» и «палец», в то время как в русском не разделяются, в отличие от английского, «arm» и «hand» [5]. Таким образом, имеет место проблема адекватной межкультурной коммуникации с минимально возможной культурной интерференцией. Рассмотрим эту проблему на примере английского и русского языков. Скиба трактует интерференцию как перенос (трансфер) элементов одного языка в изучение другого. К таким элементам могут относиться фонологические, грамматические, лексические, орфографические. Цель данной статьи – рассмотреть характерные черты английского языка, придавая особое внимание лексическим, грамматическим,

ментальным аспектам, в процессе изучения которых происходит становление языковой картины мира учащегося [4]. Понятие языковой картины мира (Language World Picture) является частью когнитивной парадигмы в лингвистике. Она трактуется как определенный набор более или менее зафиксированных в языке суждений, верований, которые эксплицитно отражаются в значениях слов или подразумеваются данными значениями имплицитно [1].

В чем заключается причина потери аутентичности данных предложений? During our literature lessons we dismantle Russian poets. During our Russian lessons we study the grammar of proposals. Суть кроется в двух словах – dismantle, proposals. Очевидно, ученик хотел сказать следующее: на занятиях по литературе мы разбираем русских поэтов/ на занятиях по русскому языку мы изучаем грамматику предложений. Следовательно, мы можем наблюдать некорректный выбор лексических единиц. Глагол to dismantle BrE - to take apart a machine or structure so that it is in separate pieces, обозначает дословный разбор поэтов – по кусочкам. По нашему мнению, глагол «to study» BrE - to spend time learning about a subject by reading, going to college, etc., наилучшим образом обуславливает контекстуальную адекватность. Существительное proposals (мн. ч) BrE - an act of formally asking somebody to marry you, не может быть употреблено в подобном выражении. Условия, допускающие его использование, не соблюдены. Уместной заменой послужит «sentences» BrE - a set of words expressing a statement, a question or an order, usually containing a subject and a verb. In written English sentences begin with a capital letter and end with a full stop/period (.), a question mark (?) or an exclamation mark/exclamation point (!) [2].

Какие же факторы влияют на допущение подобных просчетов? Перед выбором лексической единицы необходимо ознакомиться с ее дефиницией, представленной словарем. Желательно на английском языке в бумажном варианте. Многие русско-английские онлайн-словари представляют второстепенные (периферальные) значения вместо основных (парамантальных)

значений лексических единиц. Необходимо научить ученика работать со словарем, в особенности «англо-английским». Таким образом можно обеспечить точность передачи мысли, а также закрепить в сознании учащегося элементы сочетаемости.

Не стоит забывать о наличии обусловленности видения иностранного языка через призму родного. В русском языке слово «предложение» имеет ситуативное употребление. Только в конкретной ситуации мы понимаем, идет ли речь о женитьбе или же о законченной единице речи. Ученик, вполне вероятно, и не подозревает о наличии двух совершенно разных лексических единиц для описания этих явлений в иностранном языке.

В изучении языка немаловажным требованием является способность к осуществлению перевода. Как и любой другой язык, английский интересен своей многозначностью. В этой связи необходимо разумно препарировать переводимый текст, разобраться, о чем идет речь. Будет ли считаться достоверным высказывание о короле Артуре, «рожденном в кукурузной стене»? Ученики предложили подобный перевод после прослушивания. Оригинал представлял собой: *King Arthur was born in Cornwall*. Следует подчеркнуть невозможность дословного перевода лексических единиц, отображающих места (города, деревни, жилые районы, etc.), имена (животных, средств передвижения, оружия etc.), фамилии. Акцентируя внимание на последнем, мы сохраняем, скажем, *John Miller/ Smith/ Lovecraft*, избегая прямого перевода (мельник, кузнец, люботворец).

Письменный перевод не менее важен, чем устный. Можно ли представить англоязычный оригинал: музей хранит руки и руки наши? Так как слово «arms» означает не только руки, но и оружие BrE - *weapons, especially as used by the army, navy, etc.*, требовалось обратиться к словарю для выбора нужного значения. Подобные нестыковки сразу заметны и нуждаются в правке. Итак, *the museum houses arms and armour*. Тем не менее, стоило бы отметить верный перевод так называемого вербализированного существительного - «to house» (v) BrE - *to provide a place for somebody to live*. Важно правильно осуществлять

перевод слов, являющихся разными частями речи в разных контекстах. В предложении *there was an old house by the sea, where she had always wanted her children but never had them*, «house» является существительным. House (n) BrE - a building for people to live in, usually for one family. Неопределенный артикль «an», а также описательное прилагательное «old» указывают на это. House (v) отличается от house (n) не только фонетически (необходимо обратить внимание на транскрипцию), но и грамматически:

- у глагола есть форма инфинитива с частицей «to» – *to house a young couple is to create a new life*;
- при глаголе отсутствуют артикли, описательные прилагательные, в глагольных формах нет окончаний множественного числа – *criminals house chaos in this world of order*;
- имеется глагольное окончание «s» – *the museum houses arms and armour*;
- имеется глагольное окончание «ed» - *since 2009 the museum has housed only 13 exhibits*;
- имеется глагольное окончание «ing» – *they had been housing hope for ages before it was taken away from them by the unfortunate course of action*).

Адъективизация существительного – аналогичный процесс, но на этот раз с прилагательными. Допустим, *his house possesses some university atmosphere* (the atmosphere of some university, университетская атмосфера). При этом фонетических изменений не наблюдается.

Какой вариант перевода был бы актуален для предложения: Канатоходец прошел по канату без страховки? Проблема заключается в последнем слове – страховка. Обычно ученики предлагают такой вариант: *The Ropewalker walked the rope without insurance*. С одной стороны, задание выполнено безошибочно. Но только не на логическом уровне. Insurance BrE - an arrangement with a company in which you pay them regular amounts of money and they agree to pay the costs, for example, if you die or are ill/sick, or if you lose or damage something [2], скорее будет означать, как отмечено в определении, бумажный/ электронный

договор о страховке. В нашем случае гораздо правильнее было бы употребление словосочетания *safety line BrE - A rope attached to someone to prevent falling from heights*. Как видно из перевода, акцент делается не на самом факте страховки, а на предмете - страховочной веревке.

Совершенно правдиво утверждение Гумбольдта о невозможности осознания родного языка, без изучения хотя бы одного иностранного. Носитель русского языка нелингвистической специальности вряд ли будет задумываться над сложностью системы рода в русском языке. Английский эквивалент выглядит гораздо проще, где все живое передается как *she/he*, а неживое, соответственно, *it*. Последнему присущи определенные исключения. Носитель английского языка, возможно, воспринял бы систему рода русского языка следующим образом: «Стоило мне только покинуть мужской университет (*it*), как я оказался на женской остановке (*it*). Подождав какое-то время и не заметив никаких мужских автобусов (*it*), я решил сесть в женскую маршрутку (*it*), где мне требовалось заплатить, так как мужские проездные билеты (*it*) там недействительны. Чтобы скоротать время ожидания перед приездом в свой мужской пункт назначения (*it*), я слушал женскую музыку (*it*) по пути. Добравшись, я мог пойти либо по мужскому тротуару (*it*), либо по женской тропинке (*it*). Так как последняя была короче, я пошел «женской дорогой», чтобы поскорее ощутить мужской уют дома (*it*). Как только я зашел в свой мужской дом (*it*), вставляя мужской ключ (*it*) в женскую замочную скважину (*it*), придавая ему несколько мужских поворотов (*it*) против часовой стрелки, женская дверь (*it*) открылась, оголяя женскую комнату (*it*) с мужским ковром (пусть и розовым, *it*), мужским столом (*it*) и мужскими книжными шкафами (*it*), полными женских книг (*it*), одна из которых о женской орнитологии (*it*), где говорится: вы можете определить, что она (птичка, *it*) относится к мужскому роду из-за этой женской красной отметины (*it*) на ее женской груди (*it*) и из-за ее больших размеров в отношении к самкам». Эта лингвистическая шутка наглядно свидетельствует о том, что различия в грамматических признаках рода имен существительных и прилагательных определенно могут создать

затруднения в порождении речи. Определенная сложность прослеживается не только в порождении, но и восприятии. Каким образом осуществить попытку передачи мысли англоговорящим носителям о идее русской воды – «она» -, становящейся «он» после того, как в «нее» был погружен пакетик с чаем?

При изучении иноязычной культуры необходимо знакомиться с ее реалиями, коннотативной и фоновой лексикой. Реалии культуры обычно связаны с конкретными обозначениями предметов или явлений, характерных для одной культуры, но отсутствующих в другой. К коннотативно окрашенной лексике относятся лексические единицы, не различимые по основной дефиниции, но имеющие существенные различия в плане ассоциаций на культурно-историческом уровне. Между тем фоновая лексика детерминирует явления и предметы, имеющие эквиваленты в другой культуре. Последние дифференцируются по национальным особенностям функционирования [6].

Имея представление обо всём вышеперечисленном, учащиеся становятся поликультурными личностями, способными вести беседу на изучаемом языке в определенных ситуациях, обусловленных социокультурным контекстом (формальная/ неформальная, адекватная, уместная, обходительная). Таким учащимся известна не только специфика изучаемого языка. Их широкое представление об основах интеркультурной коммуникации, о проблемах, связанных с ней, позволяет преодолевать интеркультурную мискоммуникацию (ситуацию недопонимания) [3].

Библиографический список

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Слово/Slovo, 2000. 624с.
2. The Oxford Learner's Dictionaries website. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 10.12.2016).
3. Kalsbeek A. van. Intercultural competences for Foreign Language Teachers. URL:[http://lconference.webhosting.rug.nl/fileadmin/user_upload/Alice_van_Kalsbeek - Intercultural Compentences.pdf](http://lconference.webhosting.rug.nl/fileadmin/user_upload/Alice_van_Kalsbeek_-_Intercultural_Compentences.pdf) (дата обращения 10.12.2016).

4. Skiba, R. Code Switching as a Countenance of Language Interference, The Internet TESL Journal, vol III, no. 10 URL: <http://iteslj.org> – 1997 (дата обращения 10.12.2016).
5. Deutscher G. Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages. Metropolitan Books 2010, 304 p.
6. Тюльников А. А. Влияние лингвострановедческого компонента на эффективность обучения межкультурной коммуникации. Сборник студенческих научных работ. Вып. 8. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. – 165-169 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-26

Денисова И.В., Телешева И.В.

**Сопоставительный анализ гендерного аспекта языка
(на материале английского и русского языков)**

**The comparative analysis of gender aspect of the language
(on the basis of the english and russian languages)**

Денисова Ирина Владимировна

Челябинский государственный университет
irina_7j@inbox.ru

Телешева Ирина Владимировна

Челябинский государственный университет
itesheva@yandex.ru

Denisova Irina Vladimirovna

Telesheva Irina Vladimirovna

Chelyabinsk State University

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому аспекту гендера в английском и русском языках. В статье выделяются основные направления исследований при изучении проблемы взаимоотношения языка и гендера. Особое внимание уделяется вопросу гендерной маркированности в английском и русском языках.

Abstract. The article is devoted to the linguistic aspect of gender in the English and Russian languages. The most fundamental ways of research of studying problems of correlation between language and gender are singled out in the article. A special attention is paid to the problem of gender marking in the English and Russian languages.

Ключевые слова / Keywords: гендер, гендерные стереотипы, гендерно-маркированная лексика, маскулинность, фемининность, gender, gender stereotypes, gender-marked words. masculinity, femininity.

Главным понятием категориального аппарата гендерных исследований является понятие «гендер» – социокультурный конструкт, в основе которого лежит биологический пол, но охватывающий также совокупность языковых, речевых, поведенческих, личностных особенностей, ролей и образов, которые рассматриваются в обществе как присущие мужчинам и женщинам и определяют их социальный статус. Каждая культура четко дифференцирует поведение человека в зависимости от пола, предписывая ему определенные социальные роли, манеру поведения, чувства. В этом смысле быть мужчиной или женщиной означает вовсе не обладание определенными природными качествами, а следование определенным социальным ожиданиям, предъявляемым обществом к человеку на основании «правил пола». Следовательно, в гендере происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов [5, с.124].

Основополагающую роль в анализе проблемы языковой репрезентации гендера играет изучение гендерных стереотипов. Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерный стереотип – схематизированный обобщенный образ женственности/фемининности и мужественности/маскулинности [7, с.120]. В своей основе гендерные стереотипы имеют, прежде всего, биологические различия. Но, в то же время, эти биологические различия находят свое преломление в обществе, и отношение к мужчинам и женщинам, а также взаимоотношения между ними, часто определяются не реальностью, а стереотипами, которые сложились в данном социуме и передаются из поколения в поколение. Например, академик И. Броверман с коллегами сделали вывод о том, что мужчине приписываются, прежде всего, качества, соотносимые с компетентностью и рациональностью, а женщине – с теплотой и

экспрессивностью. Женщина ассоциируется в обществе с иррациональностью (Аристотель), аморальностью (Шопенгауэр), чувственностью (Кант), существом с массой недостатков (Фрейд) [5, с.122].

С различиями пола связано множество социальных, психических и культурно обусловленных явлений, что находит свое отражение в языке [8, с.9]. Гендерный аспект языка подразумевает определение и описание средств лингвистического отражения пола на разных уровнях языка. В настоящее время при изучении проблемы взаимоотношения языка и гендера можно выделить следующие основные направления исследований:

- различия и общие черты в языковой практике мужчин и женщин;
- гендерная маркированность языка.

В рамках данных направлений исследуются в первую очередь номинативная система, лексика, синтаксис и категория рода.

Гендерные отношения фиксируются в языке и накладывают отпечаток на поведение, в том числе и речевое. Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то мы можем говорить о гендерной дихотомии в речевом поведении. На протяжении долгого времени когнитивная компетентность в языке оставалась привилегией мужчин, в то время как язык женщин считали тривиальным, более консервативным и менее логичным. Объяснением данного факта может служить то, что мужчины имели несравненно больший доступ к образованию и другим сферам социальной жизни, где когнитивная деятельность осуществлялась наиболее интенсивно и масштабно.

Одной из первых работ, касающихся гендерной лингвистики, была работа О.Есперсена «The Language». В ней есть глава «The Woman», а глава «The Man» отсутствует, так как женский язык считается маркированным, а мужской – соответствующим литературной норме. В некоторых английских словарях слова о женщинах в основном негативно-оценочные. Так, в словаре Роже в рубрике «untidy» (неопрятный) все слова относятся к женщине: *slut* (грязнуля, неряха), *frump* (старомодно и плохо одетая женщина), *bitch*

(*стерва*). В рубрике же образованность – все слова о мужчинах, кроме двух, выражающих претензию на образованность: *pedantess* (*недантка*), *bluestocking* («синий чулок»).

В ходе исследования лингвистической маркированности гендерного признака было установлено, что в речевом поведении женщина ориентируется на «открытый социальный престиж», то есть на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к так называемому скрытому престижу – к отклонению от установленных норм и правил общения. Вследствие этого женщины склонны к употреблению эвфемизмов. Они стараются избегать элементов панибратства, кличек, прозвищ, инвективной лексики. Женщина в своей речи чаще использует конкретные существительные, а мужчины – абстрактные; мужчины чаще пользуются глаголами активного залога, женщины – пассивного. Это объясняется более активной жизненной позицией мужчин. При этом было установлено, что с повышением уровня образования различия в речи стираются [5, с.129].

Одной из характерных черт женской речи является и использование оценочных прилагательных. Мужчина, если и использует оценочные прилагательные, то скорее те из них, которые определяют количественные и параметрические отношения. По мнению Л.Хиршман, женщина скорее скажет «awful» или «pretty» вместо «very» и «so» [6, с. 92].

В женской речи значительно чаще присутствуют вводные слова и выражения, выражающие различную степень уверенности говорящего, ссылки на собственное или какое-либо другое мнение. Например, «probably, possibly, certainly, I think, I suppose; you see, to seem, to my mind». Эти слова и выражения находятся, как правило, в позиции начала предложения. Дж.Холмс подсчитала, что женщины в 5 раз больше мужчин используют в своей речи конструкцию «You know».

Более частотное употребление единиц аффектированной лексики («awfully pretty», «terribly nice» – страшно симпатичный), различного плана

интенсификаторов, частиц, восклицательных предложений («What lovely earrings!» – Что за прелестные сережки!) связано с большей эмоциональностью женской речи. В речи женщины прослеживается и более глубокая гиперболизация, а также выше частота использования тропов (метафор, сравнений, эпитетов): «I'd just die» (Я просто умерла бы) [6, с. 92]. У мужчин при передаче эмоционального состояния или оценки предмета преобладает использование слов с наименьшей эмоциональной индексацией и однообразие лексических приемов.

При изучении вербального поведения полов обращалось внимание и на синтаксический уровень языка. В силу повышенного эмоционального уровня у женщин и более высокая встречаемость в речи эллиптических и инвертированных конструкций.

О.Есперсен заметил, что женщины и мужчины образуют свои предложения по-разному, например, в речи мужчины часто можно встретить сложный, запутанный или, как его называет О.Есперсен, «рванный синтаксис». Поясняя мысль О.Есперсена, английский лингвист П.Смит пишет, что мужчина, как правило, вводит одно предложение в другое, вкладывает их друг в друга. Женский же синтаксис – это как «нить жемчуга», где жемчужины нанизаны одна плотнее другой. О.Есперсен называет это координацией, то есть мужчинам свойственен гипотаксис, а женщинам паратаксис [6, с.93].

Тем не менее, следует помнить об отсутствии резких «непроходимых» границ между мужской и женской речью. Отмеченные особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления. Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу.

В рамках исследований гендерной маркированности языка в первую очередь рассматривается лексический состав языка, так как на лексическом уровне наиболее отчетливо проявляются гендерные особенности языка. Первоначально речь шла лишь только об андроцентризме и доказательстве его

присутствия в языке и культуре: язык не только антропоцентричен – он андроцентричен, то есть отражает мужскую перспективу и ориентирован на человека мужского пола. Безусловно, любой язык обнаруживает признаки андроцентричности в силу исторических особенностей развития человечества. Однако степень ее выраженности и интенсивности может варьироваться от культуры к культуре и, следовательно, от языка к языку [3, с.70]. Например, в английском, немецком, французском языках для обозначения мужчины и человека существует одна и та же номинация (man, Mann, homme). Если же рассматривать манифестацию маскулинности и фемининности в русском языке, то выясняется, что – хотя и русскому языку присущ андроцентризм – он манифестируется не столь отчетливо. Деривационные возможности у слов man и Mann значительно шире, чем у русского слова мужчина. Изучение лексикографических трудов показало, что слово man имеет значительно большее число связанных сочетаний, нежели русское слово мужчина – manlike, manliness, manhood [4, с.19.].

К гендерно-маркированной лексике можно отнести те лексические единицы, в значениях которых «гендерный» компонент может реализовываться более контрастно. Гендерная маркированность языка проявляется через:

1. Личные местоимения, которые конструируют гендер в языке вообще, пронося его с собой самым естественным образом – в любом варианте разговора или речи. Не имея на себе гендерной маркировки в субъективной форме (местоимения маркируют гендерную оппозицию только в третьем лице, и не являются носителями гендера сами по себе в других лицах), они могут поддерживать понятие гендера, одновременно исполняя якобы другую функцию.

2. Использование слов, соотносимых с мужчинами или женщинами в силу своей внутренней формы (поло-ролевые, статусные и социальные отношения): *father, mother, daughter, son, bride, groom, king, queen; отец, мать, дочь, сын, жених, невеста, король, королева.*

3. Использование слов и словосочетаний, имеющих в своем составе

единицы с «гендерным компонентом», указывающим на пол референта:

а) В английском языке такие слова или словосочетания содержат компонент *man, woman, boy, girl* (sex-specific words): *alderman, manservant, man-at-arms, gentlemanlike; woman's grace, womanliness, girlhood, wifely*.

б) Фразеологические единицы, соотносимые с мужчиной или женщиной: *Achilles' heel* (ахиллесова пята), *drunk as a lord* (пьяный как сапожник), *doubting Thomas* (Фома неверующий, скептик), *good Joe* (хороший парень), *wise as Solomon* (мудрец); *old wives' tales* (бабьи сплетни, бабушкины сказки).

Анализ показал, что в русском языке в большинстве случаев коллокации, относящиеся к референтам-женщинам, включают в свой состав только имена существительные женского рода, а коллокации, относящиеся к референтам-мужчинам, включают в основном имена существительные мужского рода: *здоровый, как бык; неуклюжий, как слон, шут гороховый; злая, как ведьма, кисейная барышня*.

В отличие от английского языка в русском языке первостепенную роль в гендерной маркированности играет категория рода. В русском языке категория грамматического рода имеет широкое распространение. Каждое существительное, будь то одушевленное или неодушевленное, в составе своих сем, определяющих его грамматическую сущность, обязательно имеет сему рода – мужского, женского или среднего. Категория грамматического рода была некогда присуща и существительным древнеанглийского периода. Однако историческое развитие морфологической структуры английского языка привело к тому, что категория грамматического рода, лишённая морфологических средств выражения, перестала существовать [1, с.121].

Особо следует остановиться на таких соотношениях в системе существительных в английском языке, как *actor – actress, poet – poetess, ambassador – ambassadress, widow – widower, sultan – sultana, count – countess, duke – duchess*. Данный способ выражения мужских и женских номинаций происходит посредством перевода имени существительного в «женскую» форму при помощи суффиксов (например, *-ess, -a, -trix* и другие). Однако эти

суффиксы не являются показателями «родовых» различий в системе английских существительных.

4. Слова, окружающие концепты «мужчина» и «женщина» (так называемые слова-стимулы, вызывающие образ мужчины или женщины).

Основные группы таких единиц это:

а) Внешнее описание:

– мужчина: *handsome*; *отличный разворот плеч*

– женщина: *beautiful, charming, cute, shapely figure*; *прелестная фигура*

б) Психологические качества, манеры поведения:

– мужчина: *to hide one's emotions, rough-housing, telling dirty jokes*; *хладнокровие, бестактность, грубость*

– женщина: *crying, nagging, gossiping, blushing, capricious*; *застенчивость, болтливость, склонность к слезам*

в) Единицы, имеющие только женских или мужских референтов в силу внутренней формы, отсылающей к особенностям жизни женщин и мужчин:

– мужчина: *to serve in the army*; *защищать родину*

– женщина: *bear children, to be pregnant*; *материнство, беременность*

г) Невербальное поведение. Различия по полу, отражаемые в невербальном поведении, привели к тому, что отдельные жесты и даже целые стили невербального поведения стали оцениваться как (более) женские и, соответственно, (более) мужские, независимо от реального пола их исполнителя. Например, типичным мужским жестом является жест «*rub one's hands [with pleasure]*» («потирать руки»), с помощью которого жестикулирующий невербально передает свои положительные ожидания.

Анализ, проводимый исследователями-гендерологами, показал, что язык зафиксировал патриархальную установку: в нем прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки, поэтому сравнение с ней мужчины – всегда несет негативную окраску: болтлив, любопытен, кокетлив, самовлюблен, капризен, истеричен как женщина, женская логика; женщину же сравнение с мужчиной только украшает: мужской

ум, мужская хватка, мужской характер. Поэтому в тех случаях, когда необходимо отрицательно охарактеризовать референта с мужскими признаками, прибегают к переносу оценочных признаков, стереотипно приписываемых женщинам. Если же оценочные признаки референта-мужчины переносятся на референта-женщину, то эмоциональная оценка из нейтральной переходит в положительную [2, с.103].

Таким образом, лингвистический аспект гендера является актуальным направлением в лингвистике. Лингвистические исследования способов выражения пола в языке на всех его уровнях, взаимосвязи выражения пола и приписывания ему оценки, описание гендерных стереотипов позволяют описать, не только антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с мужественностью и женственностью как двумя ипостасями человеческого бытия [4, с.18].

Библиографический список

1. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – Л.: Просвещение, 1979. – 259 с.
2. Баженова, И.С. Экспрессия эмоций в контексте гендерных исследований / И.С. Баженова // Разноуровневые характеристики лексических единиц. – Смоленск: СГПУ, 2001. – С. 99–104.
3. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
4. Кирилина, А.В. Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации / А.В. Кирилина // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М., 2002. – С. 17–25.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
6. Потапов, В.В. Современное состояние гендерных исследований в англоязычных странах / В.В. Потапов // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории

коммуникации. – М., 2002. – С. 87–110.

7. Рябова, Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т.Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – М., 2003. – С. 120–139.
8. Халеева, И.И. Гендер как интрига познания / И.И. Халеева // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2000. – С. 4–9.

УДК 811.111'25 +811.161.1'42

Лебедева Е.А. Специфика медиаперевода метатекстовых вводных элементов

The specificity of metatextual introductory elements mediapirate

Лебедева Елена Анатольевна

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород
Elena.Lebedeva@novsu.ru

Lebedeva Elena Anatolyevna

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении особенностей медиаперевода метатекстовых вводных элементов на основе анализа переводческих решений. Материалом послужили англоязычные медиатексты и тексты параллельных переводов. С учётом сопоставительного анализа морфологической природы вводных элементов английского и русского языков, их прагматических функций и полифункциональности были выявлены существующие тактики перевода группы метатекстовых вводных элементов: использование переводных эквивалентов, безэквивалентный перевод и добавление вводных компонентов.

Abstract. Purpose of the article is to show the peculiarities in translation of the metatextual parenthetical elements on the basis of the analysis of the translation solutions. The research is based on the English-language media texts and the texts of their parallel translations. We use the comparative analysis of the morphological nature of the parenthetical elements in English and Russian, our knowledge about their pragmatic features and functional polysemy to identify the translation tactics of the metatextual parenthetical elements in the mediatexts. There are translation equivalents, untranslatables and the implementation of parenthetical elements.

Ключевые слова / Keywords: метатекстовые вводные элементы, медиатекст, перевод, трансформации, функции, metatextual parenthetical elements, media text, translation, transformations, functions.

Немаловажным компонентом любого медиатекста являются вводные элементы. Их нельзя не заметить и не отметить. Вводные элементы – одно из средств выражения модусных и метатекстовых смыслов, и выявление их

состава и семантического репертуара – актуальная задача русистики, англистики, а также контрастивной медиалингвистики. Кроме того, с позиции теории перевода медиатекст – явление, обладающее рядом особенностей, которые представляют собой проблемы и требуют профессионального подхода к переводу данного типа текстов. Медиаперевод – это отдельный вид перевода, который, как отмечает А.М. Тютеебаева, считают самостоятельным направлением современного переводоведения [1, с.4, 44].

В данной работе предпринимается попытка выявить особенности перевода метатекстовых вводных элементов с английского языка на русский с учётом их морфологической природы, структуры и функций. Материалом для анализа послужили медиатексты из англоязычных газет *The Washington Post*, *Financial Times*, новостного агентства *Bloomberg.com* и их параллельные переводы, представленные на сайте «ИноСМИ.ru». Примеры брались методом сплошной выборки.

Согласно результатам наших наблюдений, метатекстовые вводные элементы получили самое широкое применение в англоязычных медиатекстах, не зависимо от жанра. Метатекстовые вводные элементы используются автором, чтобы решать ряд прагматических задач: логизировать текст, придавая ему стройность и акцентируя внимание на наиболее важных моментах в сообщаемой информации, оформлять ход своих рассуждений, представляя авторский комментарий по отношению к той или иной ситуации. Они способствуют усилению логико-семантического, а также эмоционально-экспрессивного выделения «сегментов текста» [2, с.17].

Структурно метатекстовая группа представлена словами и словосочетаниями, реже предложениями.

С точки зрения морфологической природы, среди частей речи чаще других базой образования вводных слов становятся наречия. Они передают: соединительные отношения (*moreover, besides, thus* и др.), противительные (*however, still, though, nevertheless, otherwise* и др.), следственные (*therefore, thus* и др.). Среди вводных метатекстовых сочетаний встречаются:

1) предложные словосочетания:

а) предложно – именные словосочетания, выполняющие связующую функцию – *for instance, for example, on the other hand, on the one hand, in part, in turn, in this case* и др.

Обобщенные значения этих сочетаний не являются модальными, но те отношения, которые устанавливаются между частями высказывания при использовании этих вводных сочетаний, отражают, как правило, отношение говорящего к содержанию его высказывания.

б) с числительными, местоимениями, прилагательными – *at first, after all, after that* и др.;

2) союзно-именные сочетания – *as a result* и др.;

3) наречные обороты – *as always* и др.;

4) наречия (в превосходной и в сравнительной степени) – *most significantly; more generally* и др.;

5) вводные сочетания смешанного типа – *at least for now, as usual* и др..

В русском языке, как указано в учебной литературе, вводные слова и сочетания по морфологическому выражению в своем подавляющем большинстве соотносятся или с именами, или с глаголами, или с наречиями, или специальными словами, которые употребляются только как вводные (*итак, пожалуйста, по-видимому, впрочем, следовательно, во-первых, во-вторых* и т. д.) [3]. Таким образом, опыт исследования вводных элементов в русском языке позволяет говорить о преемственности полученных результатов в отношении английского языка. Однако перевод с одного языка на другой невозможен без грамматических трансформаций и это происходит в отношении вводных элементов.

Как правило, переводчики для вводных показателей используют соответствующие семантические эквиваленты, и в таком случае говорят о полном совпадении, например: *The changes needed are massive to open these economies to outside investors while also reducing economic dependence on the sale of oil — for example, through the promotion of manufacturing, services such as*

banking and tourism, and other activities that don't hinge on hydrocarbons. (What does our energy future look like? This new report offers a glimpse // The Washington Post. 02.03.2016) / Для того чтобы открыть эти страны для зарубежных инвесторов и при этом сократить зависимость экономики от продажи нефти, необходимы серьезные перемены — *например*, развивать обрабатывающее производство, такие сферы услуг, как банковский или туристический сектор, а также другие отрасли, которые не связаны с углеводородами. (Каким будет наше энергетическое будущее? // ИноСМИ. 03.03.2016). Но с другой стороны, мы наблюдаем структурное несовпадение в подобных примерах, так как предложно – именные словосочетания (*for instance, for example*) переводят на русский язык однословными единицами (*например, скажем*), другой пример: A 5 percent price increase, *for example*, would imply lower revenue overall. (Russian Roulette for Oil Traders // Bloomberg.com 02.02.2016) / А повышение цены, *скажем*, на 5% будет означать более низкий общий доход. (Русская рулетка для нефтегосударств // ИноСМИ. 03.02.2016). В таком случае нельзя оставить без внимания переводческое решение, потому что значение «*скажем*» полностью соответствует другому метатекстовому слову *say*, которое в свою очередь полифункционально, потому что используется не только для введения примера, но и может снижать категоричность, выражать сомнение.

Очевидно, что русский язык – синтетический, с богатой морфологической системой словообразования и словоизменения, случаи переводческих трансформаций могут быть самые разнообразные при переводе вводных элементов. Возможна и обратная ситуация, структурно-морфологические различия представлены так: вводные слова, а по происхождению наречия (*meanwhile, moreover, eventually*), переводятся на русский словосочетаниями или оборотами (*между тем, к тому же, в конечном счёте*), например: Iran, *meanwhile*, was isolated with a shrinking economy. (From Iran to Nigeria, cheap oil means perilous politics // The Washington Post. 04.02.2016) / Иран, *между тем*, был в изоляции, и его экономика сокращалась. (Дешевая нефть как двигатель губительной политики // ИноСМИ. 06.02.2016).

Если говорить об их морфологическом составе, то не всегда можно найти точное пояснение. Так, в словаре В. М. Пахомова, В. В. Свинцова, И. В. Филатовой сочетание «*между тем*» определяется как наречие или как союз. Ни в том, ни в другом случае постановка запятых не требуется [4, с. 247–248]. В словаре О. А. Остроумовой и О. Д. Фрамполя отмечается возможность употребления «*между тем*» в роли вводного сочетания [5, с. 203–204]. И все же вводное слово "*между тем*" существует и его значение связано с противопоставлением, сопоставлением, уступкой.

Далее следует сказать, что переводческое решение обусловлено не только лингвистическими особенностями языковых единиц, но и компетентностью переводчика, который стремится реализовать свои коммуникативные намерения. Рассмотрим два случая: *Indeed*, none of the OPEC members do well on the forum's index because all of them are highly dependent upon oil not just for their energy supplies but also for their whole economic growth strategy. (What does our energy future look like? This new report offers a glimpse// The Washington Post. 02.03.2016) / *Более того*, ни одна из стран-членов ОПЕК не занимает в этом списке достойного места, поскольку все они чрезвычайно зависят от нефти не только в качестве источника энергии, но и как основы всей стратегии экономического развития. (Каким будет наше энергетическое будущее? // ИноСМИ. 03.03.2016); Russians joke that government will use its reserve fund to buy US Powerball lottery tickets but the approach is *likely to be*: make cuts, raise taxes and use inflation to take care of the rest. (Reasons for Russia's rouble rollercoaster ride // Financial Times. 24.01.2016) / Россияне в шутку говорят о том, что правительство страны будет использовать свой резервный фонд для покупки билетов американской лотереи Powerball, но, *судя по всему*, меры правительства будут такими: проведение сокращений, повышение налогов и использование инфляции для решения остальных вопросов. (Российский рубль на американских горках // ИноСМИ. 25.01.2016).

Indeed, *likely* принадлежат к группе вводно-модальных слов и сочетаний слов с общей семой «модификаторов достоверности». Мы причисляем эти

вводные элементы к семантической группе персуазивных вводных элементов категорической (*indeed* в значении «в самом деле», «действительно») и проблематической достоверности (*likely* в значении «вполне вероятно», «видимо») [6, с.287].

Но мы видим, согласно представленному примеру, переводчик считает, что *indeed* привносит значение уточнения и дополнения к вышесказанному. Такой перевод носит явно индивидуальный характер. В следующем примере *is likely to be* является частью структуры, которая называется «сложное подлежащее», такого аналога нет в русском языке. Тем не менее, значение неуверенности по-прежнему передаётся словом *likely* (наречием по происхождению). Однако и здесь представлен индивидуальный перевод: «судя по всему», подводится небольшой вывод, обобщение по излагаемому вопросу. Очевидно, переводчики используют лексико-семантические замены. Вместе с тем, снова возникает необходимость говорить о полифункциональности вводных элементов, которая решается определённым контекстом.

В практике медиаперевода вводных элементов наблюдается также переводческая конверсия, при которой происходит изменение морфологического и синтаксического статуса формы (*which is just another way of saying* — *иначе говоря*), например: Lower prices at the pump mean that Russian companies don't have as many dollars to turn into rubles, ***which is just another way of saying*** that there's less demand for rubles—so its price falls too.(Uh oh, Putin: Nobody seems to trust your currency// The Washington Post. 22.01.2016) / Падение цен на нефть означает, что у российских компаний уже меньше долларов, которые можно перевести в рубли, что, ***иначе говоря***, значит, что спрос на рубли упал — *следовательно*, и его стоимость тоже падает.(Похоже, рублю уже никто не верит // ИноСМИ. 24.01.2016).

Сочетания, в состав которых входит инфинитив, обычно подвергаются структурно-семантическим трансформациям (*which is to say* — *то есть*), например: The simple story, *as I've mentioned*, is that Russia doesn't have much of an economy other than its oil-exporting business, ***which is to say*** that it doesn't have

much of an economy at all anymore. (Uh oh, Putin: Nobody seems to trust your currency // The Washington Post. 22.01.2016) / Все дело в том, что, *как я уже говорил*, у России нет практически никакой экономики за исключением экспорта нефти — *то есть*, у нее сейчас экономики больше нет вообще. (Похоже, рублю уже никто не верит // ИноСМИ. 24.01.2016). Следует резюмировать, что случаи безэквивалентного перевода метатекстовых вводных элементов достаточно распространены.

Вместе с этим отмечены случаи добавления метатекстовых вводных элементов по инициативе переводчика. Переводчик восстанавливает данную единицу из окружающего контекста, например: *Most of the attention* in China's global hunt for energy goes toward its activities in Africa. (Here's how falling oil prices could make the world a more peaceful place // The Washington Post. 28.01.2016) / Китай в поиске стран-источников энергоресурсов уделяет внимание, *главным образом*, работе в странах Африки. (Как падающие цены на нефть могут сделать планету более миролюбивой // ИноСМИ. 29.01.2016). Ясно, что помимо реализации собственной семантики вводные элементы объединены прагматическими установками воздействия на адресата и способны эксплуатировать личностную оценку, которую переводчики пытаются отразить при помощи дополнительных вводных компонентов.

Изучение вводных элементов, как средств выражения модальных отношений в современном англоязычном медиатексте показало, что не существует однозначного соответствия между выражаемым модальным отношением и выражаемой его формой. Морфологические трансформации занимают ведущую роль для достижения адекватного перевода вводных элементов. Основными разновидностями морфологических преобразований при переводе являются: замена одного слова словосочетанием; замена словосочетания словом. В итоге можно говорить о том, что в отношении вводных элементов на примере медиатекстов применяются следующие переводческие тактики: использование переводных эквивалентов, индивидуальный (безэквивалентный) перевод и добавление вводных

компонентов. Кроме того, полифункциональность является неотъемлемой чертой вводных элементов, чем и объясняется специфика медиаперевода.

Библиографический список

1. Тютеебаева А.М. Моделирование перевода телевизионных информационно-новостных текстов: дис. ... д-ра философии. — Алматы, 2014. — 150с.
2. Лебедева Е.А. Вводные модусные показатели в англоязычных аналитических медиатекстах: Автореф. дис. канд. техн. наук. — Великий Новгород, 2013. — 25с.
3. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Логос, 2002. — 528 с.
4. Пахомов В. М., Свинцов В. В., Филатова И. В. Трудные случаи русской пунктуации. Словарь-справочник. — М.: Эксмо, 2012. — 577 с.
5. Остроумова О.А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. — СГУ: 2009. — 502с.
6. Лебедева Е.А. Персуазивность в английских аналитических медиатекстах / Е.А. Лебедева // Публицистика в кризисный период: проблемы истории, теории, языка: материалы научно-практической конференции, посвящённой 15-летию журналистского образования в НовГУ (7 – 8 октября 2010 г.) – НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – С.286 – 289.

УДК 81'44

Султанбаева Ж.У. Ағылшын тіліндегі фразеологиялық етістіктерге әр түрлі предлогтардың жалғанып өзгеріске ұшырауы

Change of phrasal verbs in english language by addition of prepositions

Султанбаева Жайна Убайдуллаевна

Халықаралық білім беру корпорациясы, Алматы қаласы

Sultanbayeva Zhaina Uvaidullayevna

International Educational Corporation, Almaty

Аннотация. Бұл мақалада ағылшын, орыс, қазақ тілдеріндегі мақал-мәтелдер салыстырылған және фразеологиялық етістіктердің жасалу ерекшеліктері қарастырылған.

Фразеологиялық етістіктердің өзгеріске ұшырауы оқытудың қазіргі деңгейлік жүйесіндегі орны айтылады.

Abstract. In this article there are considered comparisons of proverbs and sayings in English, Russian, Kazakh languages and features of formation of the phrasal verbs. At a modern system of level education there are revealed questions about features of the phrasal verbs upon transition from one level to another. В данной статье рассмотрены варианты сравнения пословиц и поговорок в английском, русском, казахском языках и особенности образование фразеологических глаголов. При современной уровневой системе обучения раскрываются вопросы об особенностях фразеологических глаголов при переходе от одного уровня к другому.

Тірек сөздер / Key words: деңгейлеп оқыту, ерекшеліктер, фразеологиялық етістіктер, мақал-мәтелдер, level education, feature, phrasal verbs, sayings, proverbs.

ҚазБСҚА-да ағылшын тілін деңгейлетіп оқыту жүйесінде II-V деңгей аралығында фразеологиялық етістіктердің құрылу жолдарын үйрету мен мақал-мәтелдер оқу бағдарламасына енгізілген. Оқыту жүйесінде мақал-мәтелдер мен фразеологиялық етістіктерді үйретудің негізгі мақсаты – мәдениаралық коммуникацияға етене араластыру болып табылады. Ауызекі сөйлеу кезінде тек жай ғана қарапайым сөздерден тұратын фразаларды ғана қолданып қоймай, фразеологиялық етістіктер мен мақал-мәтелдерді қолданып, күнделікті қолданыстағы сөздік қорларын жетілдіре түсулері қажет, сөз байлығын дамытулары қажет.

Сабак барысында күнделікті қолданылатын негізгі оқулықтар ғана емес, сонымен қатар түрлі баспалардан шыққан, мысалы “MacMillan” баспасы шығарған “Phrasal verbs – plus” фразеологиялық сөздігі және басқа да баспалар шығарған фразеологиялық сөздіктер мен оқулықтар қолданылады.

Мақал-мәтелдер мен фразеологиялық етістіктер туралы қысқаша айта кеткенді жөн санап отырмыз.

Ұлы даналардың айтып кеткеніндей, тоқсан ауыз сөздің тобықтай түйіні – мақал-мәтелдер болып табылады. Қай халықтың болмасын, ұлттық нақышын бейнелейтін осы мақал-мәтелдерден көруге болады. Мақал-мәтелдер достыққа, еңбексүйгіштікке, адалдыққа, отбасына, мал-мүлікке, жан-жануарларға, білім мен ғылымға, әдемілікке т.б. негізделіп, көптеп кездеседі. Олар өзіндік құрылым жүйесіне, терең мағыналылыққа, бейнелілікке тән ерекшеліктерге ие.

Мақал-мәтелдер лингвистикада фразеологияның объектісі болып

табылады. Фразеологиялық тіркестер қай тілде болмасын мақал-мәтелдермен қатарласа өмір сүреді /3,6/.

Тілдердегі кейбір мақал-мәтелдердің ұқсастығы сонша, жалпыға бірдей ойды құрайтын – ортақ ұғымды туғызуы мүмкін. Мысалы:

1) Қазақша – «*Ештен кеш жақсы*», орысша «*Лучше поздно чем никогда*», ағылшынша «*Best late than never*».

2) Қазақша – «*Бір құмалақ бір қарын майды шірімеді*», орысша «*Паршивая овца все стадо портит*», ағылшынша «*The rotten apple injures its neighbours*».

3) Қазақша – «*Алтынның қолда барда қадірі жоқ*», орысша «*Что имеем – не храним, потерявши – плачем*», ағылшынша «*We never know the value of water until the well is dry*».

4) Қазақша – «*Ерте тұрған әйелдің бір ісі артық, ерте тұрған еркектің ырысы артық*», орысша «*Кто рано встает, того удача ждет*», ағылшынша «*It is the early bird that catches the worm*».

5) Қазақша – «*Өз үйім өлең төсегім, кең сарайдай боз үйім*», орысша «*В гостях хорошо, а дома лучше*», ағылшынша «*East or West home is best*» немесе «*There is no place like home*» /1,252/.

Осы мақал-мәтелдердегі ұқсастықтың негізгі көрінісі – ол мағыналарының ортақтығында және грамматикалық қызметінің сәйкес келуі.

Келесі айтылатын – мақал-мәтелмен қатарласа жүретін фразеологиялық тіркестер. Ағылшын тілінде етістіктерге прелогтар жалғану арқылы фразеологиялық етістіктер құралады. Мысалы II-деңгей студенттеріне арналған оқулықтан мысалдар келтірейік.

“**Look**” етістігіне мысал келтірейік, аудармасы «**қарау**» («*смотреть*»). Осы «**қарау**» етістігіне “**for**” жалғасақ “**look for**” - «*іздеу*» («*искать*») деген мағынаны білдіреді, ал “**after**” прелогын жалғасақ “**look after a baby**” - «*балалаға қарау*» («*присматривать за ребенком*») мағынасын білдіреді, егер “**forward**” прелогын жалғасақ “**look forward**” – «*асыға күту*» («*ждать с нетерпением*») мағынасын білдіреді.

a) *Ann will have to look for a job* – Аннаның жұмыс іздеуіне тура келеді.

b) *Don't worry, I'll look after your baby in this afternoon* – Уайымдамаңыз, түс қайта сіздің балаңызға мен қараймын.

c) *I'm looking forward to see him* – Мен оны көргенше асыға күтіп жүрмін.

“Give” етістігінің аудармасы «беру» («давать») Осы «беру» етістігіне “up” предлогын жалғасақ “give up” – «тастау» («бросить») болып аударылады /7,100/.

“Try” етістігінің аудармасы «тырысу» («стараться»). Аталған етістікке “on” предлогын жалғасақ “try on” – «киін (өлшен) көру» («примерить») болып аударылады.

Келесі қарастырылатын III-деңгей студенттеріне арналған оқулықтардан мысалдар. Кейбір фразеологиялық етістіктер «тура мағынада» (“literal”) және «идиомалық сөз тіркестері» (“idiomatic”) болып келеді.

1-ші суретте “She looked out of the window at the sunset” – «Ол терезеден күннің батып бара жатқанына қарады» деп көрсетілген. Яғни бұл сөйлемде “looked out” – «қарады» деген тура мағына беріп тұр. Ал 2-ші суретте “Look

out! That dog's going to bite you!" – «Байқа! Ана им сені қауып алғалы тұр!».

Бұл сөйлемде “*Look out!*” – «Байқа» деген идиомалық сөз тіркесі болып тұр.

1) He put on his coat and **went out**. – Ол пальтосын киді де **сыртқа шығып кетті**.

2) I didn't put enough wood on the fire and it **went out**. – Мен жеткіліксіз отын салғандықтан от **өшіп қалды**.

Байқап отырғанымыздай, 1-ші сөйлемде “*went out*” – «*сыртқа шығып кетті*» деген тура мағынадағы сөз тіркесін білдіріп тұр. Ал 2-ші сөйлемде “*went out*” – «*өшіп қалды*» деген идиомалық сөз тіркесін білдіріп тұр /6,60/.

Келесі қарастырылатын мысалдар IV-деңгей студенттеріне арналған оқулықтардан адамдар арасындағы қарым-қатынастарға байланысты фразеологиялық етістіктер жайында болмақ.

“To ask smb. out» - «біреуді бір жерге шақыру»

“To turn smb. down” – «біреудің шақырғанынан бас тарту»

“To go out with smb.” – «біреумен жақсы қарым-қатынаста болу»

“To find out” – «біліп қою»

“To let smb. down” – «біреудің көңілін қалдыру»

“To get over” – «жағдайы жақсару (белгілі бір қиын кезеңнен кейін өзін жақсы сезіну)»

“To care about smb.” – «біреуге деген сезімінің қатаң бола түсуі»

“To break up” – «қарым-қатынасты үзу» /4,7/.

Осы аталған фразеологиялық етістіктерді жеке-жеке қарастырып болған соң студенттердің ауызекі сөйлеу тәжірибесін машықтандыру мақсатында келесідей жаттығулар жасау ұсынылады:

1) *Read the story. Does it have a happy ending?*

“Justin first met Judy at a party. She gave him her mobile number and a week

later he rang her up and (1) **asked** her **out**. She (2) **turned** him **down** at first. But then she changed her mind. For three months they (3) **went out with** each other. Then he secretly started going out with another girl, but Judy (4) **found out**. She felt he had (5) **let** her **down**, so she decided to stop seeing him. She (6) **got over** it in a very short time because she discovered that she didn't really (7) **care about** him after all. Justin soon (8) **broke up** with the girl and tried to get back with Judy, but she wasn't interested because she knew now that she couldn't trust him.”

2) Match the phrasal verbs from the text with the definitions:

- a disappointed someone
- b recovered or felt better
- c ended a relationship
- d had a relationship with someone
- e rejected or said no to someone
- f feel concern or strong feelings for someone
- g invited somebody for a date
- h discovered

Жаттығудан соң берілген фразеологиялық етістіктерді қолдана отырып «Сөйлесім» аспектісі бойынша өзіндік сөйлемдер құрастырып, талқылау да өте тиімді.

Мақаламыздың соңында айта келтіре кететін енді бір мысал, ол «Спорт» тақырыбына байланысты фразеологиялық етістіктер жайында болмақ.

“To take up” – “to start doing smth. regularly, for example a sport”, «бір нәрсені белгілі бір уақыттан бастау»

“To keep up” – “to move at the same speed as another person or thing”, «тыра

сол адам немесе сол зат сияқты жылдамдықта болу»

“To give up” – “to stop doing smth.”, «бір нәрсемен айналысуын тоқтату»

“To call off” – “to cancel smth.”, «жою, өзгерту»

“To try smth.out” – “testing smth.by using it for the first time”, «бір нәрсені үйрену үшін алғаш рет қолданып көру»

“To put off” – “to move smth. to a later time”, «бір нәрсені шамалы уақытқа кейінге шегеру»

Осы сияқты басқа да әртүрлі тақырыптарда өзіндік сөйлемдер құрастыру, бастан кешкен қызықты оқиғаларын фразеологиялық етістіктерді қолдана отырып топта айтып беру, түрлі мәтіндерді топта талқылау, фразеологиялық сөздіктермен жұмыс жасау өте тиімді жолдардың бірі.

Қорыта келе, сабақ барысында ауызекі сөйлеу тәжірибесін машықтандыру және сөз байлығын дамыту мақсатында осындай түрлі фразеологиялық етістіктерді қолдану – мәдениаралық коммуникацияға етене араластырамы сөзсіз. Сөздік қоры мол адам ойын жеткізуде ең қажетті сөздерді таңдап, айтайын деген ойын дәл, нақты жеткізе алады. Тапқырлықпен ойын жұмбақтап жеткізу немесе тайға таңба басқандай анық қолдана білу, мақалдап-мәтелдеп сөйлеу, тұрақты сөз тіркестерін дұрыс пайдалану кез келген адамның сөздік қорының қаншалықты дәрежеде екендігін көрсетеді.

Қолданылған әдебиеттер тізімі

1. Мусихина О.Н. «Английский для строителей» практикум. «Феникс». Ростов-на-Дону, 2004.
2. MacMillan “Phrasal verbs – plus” dictionary. London, 2007.
3. Донбаева А.Б. «Араб және қазақ мақал-мәтелдерінің лексика-грамматикалық ерекшеліктері». Филология ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авотрефераты. Абылай хан атындағы ҚазХҚӘТУ. Алматы, 2003.
4. Jayne Wildman, David Bolton “Attain” Student’s book. Upper-Intermediate. Oxford University Press. London, 2009
5. Liz and John Soars “New Headway” Upper-Intermediate. Student’s book. Oxford

University Press. London, 2010.

6. Liz and John Soars “New Headway” Intermediate. Student’s book. Oxford University Press. London, 2010.

7. Liz and John Soars “New Headway” Pre-Intermediate. Student’s book. Oxford University Press. London, 2010.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Mamukina G.I. Arbeitsanleitung zur text-interpretation

План проведения лингвостилистического анализа текста на немецком языке

Мамукина Г.И.

к.с.н., доцент

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, РФ

mamukina@mail.ru

Mamukina G.I.

die Kandidatin der soziologischen Wissenschaften, Dozentin

Plechanov-Universität für Wirtschaft, Moskau, Russland

mamukina@mail.ru

Аннотация. В данной статье предлагается конкретный план лингвостилистического анализа текста на немецком языке. Лингвостилистический анализ текста — это вид языкового анализа, целью которого является «выявление системы языковых средств, с помощью которых передается идейно-тематическое и эстетическое содержание литературно-художественного произведения»[2], а также «выявление зависимости отбора языковых средств от прогнозируемого автором эффекта речевого воздействия»[2]. Задачи лингвостилистического анализа могут быть следующими: помочь осмыслить идею и сюжет произведения; показать художественные средства, использованные для достижения своей цели; обратить внимание на особенности языка конкретного писателя.

Inhaltsangabe. Im angegebenen wissenschaftlichen Artikel wird die Arbeitsanleitung zur Text-Interpretation angeboten. Die linguostilistische Analyse des Textes ist die Art der sprachlichen Analyse, deren Ziel es ist, die Identifizierung des Systems der sprachlichen Mittel, mit denen ideologisch-thematische und ästhetische Inhalte literarisch-künstlerischen Werke, sowie die Ermittlung der Abhängigkeit der Auswahl der sprachlichen Mittel von der prognostizierten Wirkung des Autors sprachlichen Auswirkungen übertragen werden. Die Aufgaben der linguostilistischen Analyse können folgende sein: Sie helfen die Idee und das Sujet des Werkes zu begreifen; die für die Erreichung des Zieles verwendeten künstlerischen Mittel zu zeigen; auf die spezifischen Besonderheiten der Sprache des Schriftstellers zu achten.

Ключевые слова / Grundlegende Konzepte: интерпретация текста, пересказ текста, анализ текста, обсуждение текста, постановка вопросов, основная мысль, выбор слова, речевые средства, стилистические фигуры, text-interpretation, text-wiedergabe, text-analyse, texterörterung, fragenstellung, kerngedanken, die wortwahl, redemittel, stilfiguren.

Ziel einer Textinterpretation ist es, die durch die Sprache vermittelten Inhalte angemessen zu erfassen, um offene und verdeckte Wirkungsabsichten durchschaubar zu machen. Die schriftliche Textinterpretation leistet dies in folgenden Schritten: Text-Wiedergabe (Inhaltsangabe), Text-Analyse und Texterörterung.[4]

I. Text-Wiedergabe (Inhaltsangabe) liefert sachliche Informationen über den „Gegenstand“ des Textes. Dabei ist folgendes zu beachten:

-an den Anfang ist eine knappe Überblicksinformation zu stellen, die über den Autor, den Adressaten, den situativen Kontext, die Textsorte und die Absicht informiert. Die Einleitung ist dafür bestens geeignet. Folgende Hilfsfragen können hier hilfreich sein: Wer schreibt /sagt was, wann, wo, (zu) wem mit welcher Absicht, mit welchen inhaltlichen, sprachlichen und formalen Mitteln. Anders gesagt, typische Fragen zu stellen [5, c.3-13];

- der Text muß selbstständig, zusammenhängend und leicht verständlich sein, wobei die rhetorisch-stilistische Besonderheiten der Textvorlage zu einem klaren Sachstil umzugestalten sind;

- der Umfang der Textwiedergabe kann nicht festgestellt werden, Allgemein gilt: So viel, wie unbedingt nötig; und so wenig ,wir irgend möglich;

- für die Inhaltswiedergabe gilt ausnahmeslos das Präsens.

Es gibt folgende Schritte der Text-Analyse: Vor-Analyse, die (historische) Erläuterung die Auswertung [8].

II. Text-Analyse. Der Aufbau als eine Abfolge gedanklich-logischer Schritte, heisst es die Vor-Analyse.

1.1 Welche Abschnitte sind formal (durch Absätze) und/oder inhaltlich erkennbar? Welche Kernaussagen enthalten sie? Welche gedanklich-logische Struktur zeichnet sich ab? Wie hängt sie zusammen? Zur gedanklichen Struktur gehören: Thema, These, Begründung; Argument; Beweis (logisch), Autoritätsbeweis, Praxisbeweis, Beispiel, Folgerung, Zusammenfassung, Resümee.

1.2. Sprachliche Wiedergabe gedanklicher Strukturen durch sachgerechte Verben: z.B. Der Verfasser

- behauptet, stellt die These auf, stellt fest, stellt die rhetorische Frage;
- argumentiert, gibt zu, räumt ein;
- zitiert, stützt sich auf folgende Fakten, Beispiele, Kapazitäten
- unterscheiden, präzisiert, vergleicht, erläutert;
- beweist, begründet;
- wendet ein, stellt richtig, korrigiert, bezweifelt, widerlegt, entkräftet;
- folgert, bezieht sich auf;
- urteilt, bewertet, stimmt zu;
- schließt, vermutet, stellt die Hypothese bzw. Antithese auf, führt als Synthese an;
- zieht folgendes Resümee, kommt zu folgender Bewertung.

Die Differenzierung lässt sich sprachlich erweitern. Es ist ratsam, bei der Textanalyse die Strukturwörter jeweils an den Rand der Textvorlage zu vermerken; denn dann lässt sich Aufbau und Argumentationsstruktur besser erkennen.

2. Die phonetische Gestaltung (Phonetik = Lehre von der sprachlichen Lautbildung). Sie wird hier nur der Vollständigkeit halber angeführt. Die Erkenntnisse der Lautlehre können bes. gut bei Gedichtinterpretationen oder der Analyse von Werbetexten verwendet werden [6].

3. Die Wortwahl [6, 9] hat Fragenstellungen:

3.1. Welche Wortwahl herrscht vor (Substantive, Adjektive und Adverben, Verben)? Welche Wirkung hat das? – Ob es das Substantiv dominiert, spricht man vom Nominalstil: er ist sachlich und nüchtern. - Ob es das Verb dominiert, liegt ein Verbalstil vor: er ist flüssig, lebendig, dynamisch. - Ob es Adjektive und Adverben dominieren, stehen beschreibende und schildernde Elemente im Vordergrund. Der Stil ist eher anschaulich, farbig, plastisch. Bei der Schilderung überwiegt zudem der subjektive Eindruck. In der Beschreibung dominiert objektive Sachlichkeit.

3.2 Um welche Wortarten handelt es sich? Um wirtende, beschreibende, schmückende. Welche Wörter bewirken eher positive, welche negative Assoziationen? Welche Wörter sind nach der Zugehörigkeit zu bestimmten Themenkreisen oder Wortfeldern? Neubildungen (Neologismen) oder Archaismen,

Fremdwörter, Fachsprache, Gruppensprache oder Soziolekt? Verwendung von Komparativen und Superlativen (bes. in Sortreportagen und in der Werbung Zwecks Aufwertung des Produkts). Verwendung von Hochwörtern (Wörter, deren positiver Stellenwert in der allgemeinen Einschätzung -meist- als unbestritten gilt). Welche Stilebenen liegen vor? - dichterisch/gestelzt – tafeln/delektieren; gehoben –speisen; gewählt -etwas zu sich nehmen; normalsprachlich –essen; umgangssprachlich – füttern, spachteln; vulgär –fressen?

4. Der Satzbau [6] werden folgende Aspekte betrachten: In der Grammatik sind das Einwortsätze, Hauptsätze (Parataxen); Ellipsen (Auslassung eines Wortes oder Satzgliedes); lange Satzkonstruktionen (Hypotaxen), über- bzw. unterordnender Satzbau.

Die Arten von Hauptsätzen sind: Fragesätze; Aussagesätze; Wunsch- und Ausrufesätze; Imperativsätze.

Satzgliedfolge: normale Satzgliedfolge;. abweichende ~ : (Inversion); regelwidrige ~ : (Anakoluth).

Parallelismus; Chiasmus: (Überkreuzstellung); Parenthese (Einschub); Anapher (mehrere Sätze oder Verse beginnen gefühlsverstärkend mit demselben Wort).

Zusatz: Konjunktionen/ Subjunktionen. Sie sind die zum geordneten Denken wichtigsten Wörter, da man erst durch sie in der Lage ist, verschiedene Gedanken, Sätze, Nebensätze usw. zu verbinden und sachlogisch in Beziehung zu setzen. Grundsätzlich sind zu unterscheiden:

- Konjunktionen, die gleichartige Satzteile oder gleichgeordnete Sätze verbinden, und

- Subjunktionen, die ungleichartige Sätze miteinander verbinden (HS mit NS, NS höheren mit NS niederen Grades).

5. Rhetorische Figuren / Stilfiguren: Um welche rhetorische Mittel handelt es sich? Wie wirken sie? Was bewirken sie? Es geht also nicht nur ums Erkennen, Benennen oder Beschreiben, sondern vor allem um die Erläuterung der Wirkungsweise.

5. 1. Zur Veranschaulichung tragen bei: Akkumulation; Vergleich; Metapher; Bild; Metonymie; Personifikation; Periphrase; Synästhesie; Allusion; Onomatopoesie.

5.2. Eindringlich wirkt ein Text durch: Geminatio (Verdopplung); Alliteration; Correctio; Figura etymologica; Hyperbel; Litotes; Emphase; Wiederholung/Epipher; Inversion.

5.3. Spannungssteigernd werden Texte durch: Klimax; Antithese; Häufung; Asyndeton; Parallelismus; Chiasmus.

5.4. Auf einen Überraschungseffekt sind folgende Figuren angelegt: Wortspiel/ Paronomasie; Zeugma; Ironie; Oxymoron; Paradox.

5.5. Kommunikativ, den Hörer / Leser einbeziehend, wirken: Anrede; Parenthese;

Rhetorische Frage; Dialogismus; Vorgriff [7, c.17, 58, 147, 164].

Es ist bei der Textanalyse unbedingt darauf zu achten, dass die sprachlichen Mittel eines Textes nicht nur erkannt und benannt, sondern auch in ihrer WIRKUNGSWEISE erläutert und im Hinblick auf die damit verbundene Intention ausgewertet werden.

III. Texterörterung. Jeder Text steht in einem Spannungsverhältnis zur jeweiligen Situation des Lesers und fordert diesen-zur Stellungnahme heraus [3].

Mögliche Fragestellungen [5] zu den Aussagen eines Textes sind:

1. Aus welchem politischen, sozialen, geistig-weltanschaulichen Umfeld stammt der Text?

2. Ist das dargestellte Problem zeit- bzw. epochenbedingt oder überzeitlich gültig?

3. Von welchen Bedingungen / Wertvorstellungen aus erfolgt die eigene Auseinandersetzung mit den im Text bezogenen Positionen?

Anlage 1

Konjunktionen	Subjunktionen
<u>kopulative Konjunktionen / (anreihende):</u>	

und, auch, ferner, desgleichen, außerdem, überdies, Bald – bald, teils – teils, sowohl – als auch, nicht nur – sondern auch, zudem	
<u>disjunktive K. (ausschließende):</u> entweder – oder, oder	
<u>adversative K. Und S. (gegensätzliche):</u>	
aber, doch, dagegen, jedoch, dennoch, indessen, vielmehr, nichtsdestoweniger	während
<u>konditionale K. und S. (Bedingung):</u>	
sonst, andernfalls	wenn, falls, sofern
<u>temporale K. und S. (Zeit):</u>	
darauf, danach, endlich	während, als, nachdem, bis, bevor, wenn, ehe, indem
<u>modale K. und S. (Art und Weise):</u>	
geschweige denn, anders als, anders denn	ohne daß, anstatt daß, wie, insfern (als), ohne zu
<u>konzessiv K. und S. (Einräumung):</u>	
trotzdem, dennoch	obwohl, obgleich, obschon, wenn auch, wenn schon
<u>kausale K. und S. (Grund):</u>	
denn, deshalb	weil, da
<u>finale K. und S. (Zweck, Absicht):</u>	
dazu, darum	dass, damit, auf dass, (um zu)
<u>konsekutive K. und S. (Folge):</u>	
also, demnach, daher, folglich, mithin, somit	so daß
<u>instrumentale Subjunktion (Mittel):</u>	
	indem, dadurch..., dass...
<u>Objektsatz-Subjunktion:</u>	
	dass
<u>Subjektsatz-Subjunktion:</u>	
	dass
<u>Relativ-Subjunktion:</u>	
	der, die, das; welcher, welche...
<u>Infinitiv-Subjunktion:</u>	
	um zu, ohne zu, anstatt zu

Literaturverzeichnis

1. Солодилова И.А. Стилистика немецкого языка. Учебное пособие для студентов 3 курса. ГОУ ОГУ. Оренбург, 2004.- 114 стр.
http://www.stiftikus.de/arb_tech/intpret.pdf
2. Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н. К проблеме лингвистической

интерпретации художественного текста (на материале произведений современной художественной литературы) Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы IV Международных Березинских чтений. Вып. 14. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. – 312 с.

3. Helga Gallas. Strukturalismus als interpretations Verfahren./ Darmstadt und Neuwied: Lucherhand, 1972.
4. Klafki, W. (1971). Hermeneutische Verfahren in der Erziehungswissenschaft. In: Klafki, W. et al. (Hrsg.), Erziehungswissenschaft 3: Eine Einführung (Funk-Kolleg Erziehungswissenschaft). Frankfurt: Fischer. <http://arbeitsblaetter.stangl-taller.at/ERZIEHUNGSWISSENSCHAFTGEIST/Textinterpretation.shtml>
5. Lehrgang Interpretationsverfahren 1 | NKSA | B. Knaus | 25.03.09. с. 1-13 + Schyler-Duden Literatur, hg. v. G. Kwiatkowski, Mannheim 1989, S. 441 <http://beatknaus.ch/Lehrgaenge/Interpretationsverfahren-08-09.pdf>
6. Moskatskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, M., 1975, Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1962. Der Große Duden. Rechtschreibung. L., 1977. Gulyga E. W., Natanson M. D. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. M.—Л., 1966. + Уроева Р. М., Кузнецова О. Ф. У 71 Справочник по фонетике и грамматике немецкого языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз.—3-е изд., испр.—М.: Высш. шк., 1985 (На нем. яз.) —159 с., ил. На тит. л. загл.з R. M. Urojewa, O. F. Kusnezowa. Phonetik und Grammatik der deutschen Sprache.
7. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik Издательство "Высшая школа", 1975 г. Первая часть учебника, стр. 3-171.
8. <http://www.lsg.musin.de/geschichte/Material/Quellen/Quelle.htm>
9. http://www.stiftikus.de/arb_tech/intrpret.pdf

УДК 343.98=81'33

Севастьянова Е.Э. Особенности судебно-автороведческой экспертизы

The particular qualities of the expertise to establishment of authorship

Севастьянова Елена Эдуардовна
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
elena-sevastyan@mail.ru

Sevastyanova Elena Eduardovna
Nizhny Novgorod State University named after N.I Lobachevsky

Аннотация. В данной статье описываются главные положения судебно-автороведческого исследования: его актуальность, научная основа, цели и задачи, что, несомненно, определяет значимость такого исследования в современной следственной и судебной практике. Также в статье раскрываются проблемы, требующие дальнейшей разработки: исследование текстов в интернет-контенте, степени текстуального совпадения, формального порога определения переработанного текста и текста-оригинала, а также методика проведения экспертизы и вопросы, связанные с подготовкой кадров.

Abstract. This article describes the main provisions of expertise to establish the authorship: the relevance, scientific basis and objectives. It determines the significance of expertise to establish the authorship in the investigative and judicial practice. In addition, the article reveals the problems that require of the further development of research the texts in the Internet content, the degree of identity of texts, the differences of processed text and the text of the original, the methods of conducting expertise and questions of training issues.

Ключевые слова / Keywords: автороведческая экспертиза, текст, идентификация автора, диагностика текста, авторское право, судебно-автороведческое исследование, expertise to establish the authorship, the text, author identification, the text diagnostics, copyright, conclusion of expert.

Определенные запросы следственной практики, несомненно, требуют новых способов исследования речи, ведь, как правило, признаки, которые отражаются в тексте, несут в себе необходимую информацию об авторе, его состоянии на момент написания текста, его психофизиологических, социально-биологических данных и многое другое. Все это может стать существенной информацией для дальнейшего расследования, например, для сужения круга подозреваемых в написании текста, исследование которого в значительной мере способствует раскрытию преступлений, а также может оказаться эффективным при разрешении гражданских и административных споров. В связи с появлением новых видов правонарушений, а также с модернизацией способов совершения уже существующих, должно совершенствоваться и современное законодательство. Как правило, за этим следует значительное увеличение спроса на новые виды исследования, в том числе и текста. Таким исследованием является проведение судебно-автороведческой экспертизы.

Современная судебно-автороведческая экспертиза, как и другие виды экспертиз, должна соответствовать принципу научной обоснованности, особенно это касается требования адекватно применять в экспертном исследовании новейшие достижения научного знания [6].

Так, на сегодняшний день при помощи всестороннего анализа текста представляется возможным установить не только личность, но и факт намеренного искажения речи, копирования, заимствования, присвоения; установление родного языка или место формирования языковых навыков; образовательный уровень [3]; гендерные особенности [3]; возраст [4] и ряд других особенностей личности. Например, известно, что какие-то качества родного языка в фонетике, лексике, семантике и типологии удерживаются помимо воли и сознания говорящих и продолжают «просвечивать» сквозь наложившуюся оболочку новой речи [1].

Текст документа представляет собой единство двух основных сторон: смысловой (содержание) и формально-языковой. Содержание определяется использованием языковых средств в тексте, которые регулируются не столько нормами языка, сколько социально-психологическими факторами. Это помогает определить среду, которая окружает автора (социальную, этическую, профессиональную), а также в какой-то степени знания, которыми он обладает, что в свою очередь может сыграть большую роль для органов расследования в их поисковой деятельности. Особенности языковой организации (синтаксические, морфологические и др.) играют существенную роль при идентификации личности, так как они являются индивидуальными для каждого человека. На основании научных представлений о закономерностях письменной речи становится возможным установление именно автора текста или документа, а не того, кто просто записал или воспроизвёл данный материал. Таким образом, текст является важнейшим источником доказательств, используемым в судебных процессах.

Автороведческая экспертиза является относительно новым трудоёмким видом исследования, которое требует немалой скрупулёзности, высокого

уровня профессиональных знаний и подготовки, а также больших временных затрат.

В судебной практике систематически встречаются случаи, когда лица, обвиняемые или подозреваемые в преступлениях, а также свидетели отказываются от данных ранее письменных показаний или чистосердечного признания, в частности, на основании того, что показания или признания были даны под давлением, в неадекватном состоянии, «с чужих слов», под воздействием насилия. При наличии подобной информации эксперт способен установить реального автора текста или подтвердить (либо опровергнуть) то, что текст был записан под диктовку. Бывает, что необходимо выяснить, является ли записавшее или напечатавшее текст лицо его истинным интеллектуальным автором. Данные тексты, чаще всего, проходят проверку на наличие в материале следующей информации:

- возбуждающей вражду, ненависть, а также унижающей человеческое достоинство;
- публичных призывов широких слоев населения, общества к экстремистской деятельности;
- подпадающей под «незаконное распространение порнографических материалов или предметов»;
- нарушающей авторские и смежные права;
- содержащей в себе показания или признания, но в последствии заявленной «автором» как записанной с чужих слов;
- о клевете;
- содержащей признаки оскорбления;
- «заведомо ложного сообщения об акте терроризма».

Вариаций вопросов, предлагаемых эксперту для проведения автороведческой экспертизы, в зависимости от самого дела может быть множество.

Не редки случаи, когда судебно-автороведческая экспертиза проводится в комплексе с другими видами экспертиз: почерковедческой, психологической,

психиатрической, технико-криминалистической экспертизой документов и другими. Но, несмотря на то, что судебно-автороведческая экспертиза является самостоятельным видом криминалистического исследования уже значительно давно, все же она остается не до конца изученной даже работниками правоохранительных органов, которым необходимо назначать данное исследование по различным категориям дел. Исходя из этого возникает дискуссионный вопрос о месте судебной автороведческой экспертизы в классификации криминалистических экспертиз. В 70-х годах основоположник теории судебной экспертизы А.Р. Шляхов в вопросе о классификации экспертиз предложил разделить их по времени возникновения на традиционные и новые. Автороведческая экспертиза была внесена в категорию новых экспертиз[8]. Сейчас автороведческая экспертиза закреплена в «Перечне экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в Федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» от 27.12.2012 N 237.

Научной основой судебно-автороведческой экспертизы является совокупность знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека, которые определяют индивидуальность его письменной речи, а также система знаний о методах исследования авторства. Объектами автороведческой экспертизы могут быть тексты различного рода: бытового, публицистического, официально-делового стилей – зафиксированные на любых носителях (например, рукописи, печатный или электронный материал).

В автороведческом исследовании необходимо обращать внимание на ряд ключевых признаков, которые впоследствии составят основу экспертных выводов. Важную информацию несут в себе диалектологические признаки, позволяющие установить место длительного проживания лица, а также определить родной язык автора с помощью различных модификаций, которые основаны не на незаметном для пишущего привнесении в текст признаков родного языка. В современном автороведении немалую актуальность приобрели

исследования по разработке и внедрению методик, связанных с определением половой принадлежности автора текста. В следственной практике также часто встречаются случаи написания текста под диктовку или же переписывания с оригинала. В этих случаях требуется установить не только исполнителя, но и автора написанного текста. Также интерес представляют исследования на предмет авторства машинописных текстов. Особое место в исследовании речи занимают языковые и интеллектуальные навыки. Ключевым для вывода эксперта может стать наличие в тексте жаргонных слов, архаизмов, характерного стиля изложения, отклонения от общепринятых языковых норм. Эти признаки, как правило, способствуют выдвижению тех или иных следственных версий.

Судебно-автороведческую экспертизу назначают при необходимости решения двух задач. Первая заключается в установлении конкретного автора текста или же в исключении предполагаемого автора; определяется факт исполнения текста одним или несколькими авторами; делается вывод о совпадении или несовпадении автора и исполнителя текста в одном лице. Вторая задача заключается в установлении фактов диагностического (неидентификационного) характера, что предполагает установление принадлежности текста к определенному функциональному стилю речи; факты намеренного искажения письменной речи, а также другие факты, которые могли относиться к условиям создания текста. Спорным является вопрос о возможности установить особенности внешности и конституции автора, его личностные качества, профессиональную принадлежность в целом [5]. Будет не лишним заметить, что эксперт-авторовед не может решать некоторые вопросы диагностического характера: наличие психических расстройств, необычных психофизиологических состояний и другие. Данные обстоятельства могут быть выявлены только при комплексном исследовании с обязательным участием специалистов в области психиатрии или невропатологии. Методика экспертного исследования в этом случае основывается на анализе совокупности лингвистических, логико-психологических, психологических и иных

параметров.

В связи с активным развитием методологической базы проведения автороведческой экспертизы, возникают различные тенденции, определяющие дальнейший ход научных исследований в этой области.

Во-первых, значительно расширился круг объектов автороведческой экспертизы. На сегодняшний день по причине развития компьютерных технологий, интернет-коммуникаций эксперты могут работать не только с записями, но и с программами, литературными, музыкальными произведениями или их отрывками, постами, «твиттами», смс-сообщениями, комментариями, научными проектными документами и другими объектами. Таким образом, возникает следующая проблема – в связи с тем, что вопрос об уникальности текста становится решать все сложнее, необходимо разрабатывать методику проведения исследования, связанного с авторством интернет-контента, ведь разные сервисы пользуются своими алгоритмами. Иногда, согласно правилам некоторых служб и нормативов, на некоторые темы сложно написать уникальный текст. К сожалению, на данном этапе решение этой проблемы остается практически неосуществимым, что прибавляет немало трудностей, ведь количество контента и скопированного или частично скопированного контента продолжает увеличиваться.

Во-вторых, некоторую специфическую сложность составляет практика применения экспертных автороведческих технологий «переработки» документов и текстов в сфере авторского права. Отсюда возникает потребность в изучении таких явлений, как техническая правка, корректировка в отношении отдельных положений, редакционные изменения, различные степени текстуального совпадения и другие явления, характерные для данной сферы[7].

В-третьих, в сфере судебного автороведения нуждается в уточнении формального порога, который позволил бы отождествить переработанный текст и текст-оригинал. Решение данной проблемы требует больших усилий и затрат, так как необходимо учитывать и то, что со временем появляется все больше различных вариантов переработки текста, его переизложений и пересказов, в

основе которых, чаще всего, лежат методы синонимических преобразований.

Следующая особенность состоит в том, что в отличие от различных видов криминалистических экспертиз, автороведческая экспертиза не имеет свою методику проведения исследования. Объясняется это тем, что каждый случай имеет огромное количество различных вариаций, из числа которых эксперт выбирает то, что непосредственно относится к решению поставленных задач. Систематизация огромного массива всех речевых признаков может оказаться непосильным трудом. Однако в какой-то степени будет полезным собрать письменно-речевые навыки в индивидуальную совокупность, к которой было бы возможно обращаться как к шаблону и отчасти использовать в определении авторства настолько, насколько позволяет необходимая точность исследования. Это помогло бы работать не только в области уголовных дел, но и в литературной, издательской области, также в случаях редактирования и коррекции, разделения или определения текстов по авторству, в решении вопросов, проблем или конфликтов об авторстве или соавторстве.

Что касается самой процедуры, то при проведении судебно-автороведческой экспертизы эксперт должен позаботиться о том, чтобы в процессе анализа и оценки заключения у суда и следователя сложилось четкое и твердое убеждение о научной обоснованности и достоверности исследования. Только в этом случае автороведческое заключение эксперта может быть использовано в качестве источника доказывания. Встречаются ситуации, когда автороведческая экспертиза назначается филологам, которые не являются сотрудниками экспертного учреждения и не имеют специального образования, что ведет к сложностям в проверке компетентности таких экспертов. Образование филолога, наличие званий и ученых степеней не может компенсировать незнание основ общей теории судебной экспертизы, а также методик проведения автороведческого исследования. Чаще всего эти лица выходят за пределы своей компетенции, совершают ошибки в процессуальной форме заключения, не знают требуемые реквизиты, а также осуществляют сбор доказательственной базы по делу, в результате чего заключение эксперта не

принимается во внимание судом и не приобщается к материалам дела. Выводы эксперта, которые были основаны на субъективных догадках, носят характер гипотезы и могут быть использованы как материал для выработки следственных версий; основу же доказательств по судопроизводству составляют экспертные исследования, проведенные на основе научно установленных фактов. Случается так, что в материалах экспертизы не указываются основные методики исследования, когда и кем они были апробированы и достоверно установлены, что значительно подрывает надежность проведенной работы эксперта. Еще одна ошибка заключается в отсутствии обязательных частей заключения, указаний на использованные методы, ссылки на научную литературу и методические пособия. В содержании самих экспертиз можно проследить поверхностность анализа языковых средств, а также примитивизм их описания, что может привести к алогичности суждений или к недостаточной мотивированности выводов.

Также стоит отметить, что определенные объективные сложности в процессе выявления авторской индивидуальности возникают при проведении автороведческого исследования на материале текстов, относящихся к официально-деловому стилю [2]. Связано это с известными, функционально значимыми особенностями этого стиля – его стабильностью, замкнутостью и стандартизованностью [2].

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что потребность в проведении автороведческих исследований является очевидной. Однако теоретическая и практическая база таких исследований на сегодняшний день должным образом не проработана. Её тщательное изучение, а также основательная разработка, в том числе и на законодательном уровне, основательная подготовка кадров, позволит значительно облегчить расследование различных видов преступлений, где задействована речь человека, зафиксированная на самых разных носителях, а также позволит предупреждать дальнейшие правонарушения.

Библиографический список:

1. Вопросы судебно-автороведческой диагностической экспертизы. Киев: РИО МВД УССР, 1984. 132 с.
2. Грачев М.А., Маркова Т.Д. Автороведческая экспертиза делового документа // Вестник ПГЛУ. 2015. № 1. С. 90-97.
3. Ермолаев А.К. Моделирование личности по тексту: обобщение опыта оперативно-розыскной работы. Дисс. ...канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 173 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: «Смысл», 1997. 287 с.
5. Манеров В.Х. Экспериментально-теоретические основы социальной идентификации и интерпретации говорящего. Дисс...доктора психол.наук. СПб, 1993. 457 с.
6. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.Ю. Арефьева. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.
7. Россинская Е.Р. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика: науч.-практич. пособие. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 535 с.
8. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.

Электронное научное издание

МИР ЯЗЫКОВ: РАКУРС И ПЕРСПЕКТИВА

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

25 марта 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978-5-00-005634-5

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.